

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издаётся с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Ивченков С. Г., Воробьев В. П., Еремина Е. В. Соотношение мифологических, идеологических и образно-символических механизмов конструирования государственной идентичности 372

Калинникова М. В. Благополучие современного общества: социологический ракурс измерения 377

Бегинина И. А., Овчинникова Е. В. Социально-демографические факторы репродуктивных установок и практик молодежи в России и Саратовском регионе 381

Голуб О. Ю. О коммуникативной природе электронной культуры 390

Ивченкова М. С. Место и роль научного знания в современном обществе риска и травмы: анализ концепций современных российских социологов 395

Лысикова Н. П. Культурологические аспекты феномена неопределенности 403

Малышева О. Л. Профессиональный имидж современного преподавателя высшей школы 407

Шахматова Н. В. Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы 413

Mogilevich B. R. The double-nature of uncertainty and risk phenomena under cross-cultural communication [Могилевич Б. Р. Двойственная природа феноменов неопределенности и риска в процессе межкультурной коммуникации] 421

Мунина О. В. Социальная сингулярность и лиминальность как факторы жизнедеятельности современной молодежи 426

Слово молодым социологам

Сынкина О. П. Социальная поддержка пожилых граждан в эмоционально-психологической сфере 430

Политология

Бахлова О. В., Уляшкина Е. Г. Союзное государство в современном политическом дискурсе России 435

Андропова И. В., Семочкина Е. В. Российские модели взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений 442

Михайлова Е. А., Магомедов А. К. «Спутник V» и информационная политика европейских СМИ в отношении российских средств борьбы с пандемией 447

Добровольская Ю. А. Коммуникативная структура сетевого политического лидерства: перспективы эмпирического исследования феномена 452

Алексеев А. Б. Язык ненависти и манипуляция как особенности современной политической коммуникации 457

Третьяк С. С. Роль Турции в сирийском конфликте: анализ работ российских авторов 464

Черняев Е. К. Религиозный модернизм и фундаментализм в национальной модели политической модернизации 472

Шестов Н. И. Активизация ресурса исторической памяти в современной политике 479

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Подписной индекс издания 36016.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-ru.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Журнал выходит 4 раза в год.
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталья Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.11.21.
Подписано в свет 30.11.21.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,48 (14,5).
Тираж 500 экз. Заказ 142-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А
© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Ivchenkov S. G., Vorobev V. P., Eremina E. V.** The correlation of mythological, ideological and figurative-symbolic mechanisms of constructing state identity 372
- Kalinnikova M. V.** The well-being of modern society: The sociological status of measurement 377
- Beginina I. A., Ovchinnikova E. V.** Social-domination factor and practice youth in Russia and Saratov region 381
- Golub O. Yu.** On the communicative nature of electronic culture 390
- Ivchenkova M. S.** The place and role of scientific knowledge in risk and trauma society: The analysis of modern Russian sociologists' concepts 395
- Lysikova N. P.** Cultural aspects of uncertainty phenomenon 403
- Malysheva O. L.** The professional image of a modern university lecturer 407
- Shakhmatova N. V.** Working pensioners in Russia and the region: Trends and problems 413
- Mogilevich B. R.** The double-nature of uncertainty and risk phenomena under cross-cultural communication 421
- Munina O. V.** Social singularity and liminality as the factors of modern youth life 426

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

- Synkina O. P.** The elderly citizens' social support of in the emotional and psychological sphere 430

Politology

- Bakhlova O. V., Uliashkina E. G.** The Union State in the modern political discourse of Russia 435
- Andronova I. V., Semochkina E. V.** Russian models of interaction between state authorities and youth associations 442
- Mikhailova E. A., Magomedov A. K.** "Sputnik V" and the information policy of the European media regarding the Russian means of combating the pandemic 447
- Dobrovolskaya Yu. A.** The communicative structure of network political leadership: Opportunities for empirical research 452
- Alexeyev A. B.** Hate speech and manipulation as peculiarities of the modern political communication 457
- Tretyak S. S.** The role of Turkey in the Syrian conflict: An analysis of the works of Russian scholars 464
- Chernyaev E. K.** Religious modernism and fundamentalism within the national model of political modernization 472
- Shestov N. I.** Activation of the historical memory resource in modern politics 479

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, Ph.D. политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

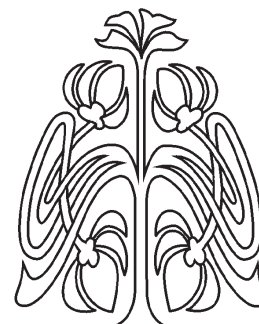
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

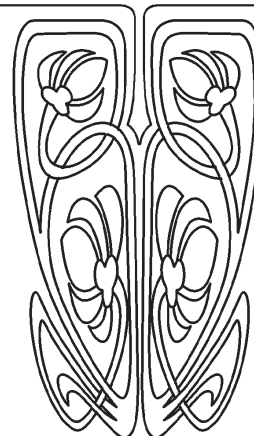
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, United Kingdom)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-372-376>

Научная статья

УДК 316.614

Соотношение мифологических, идеологических и образно-символических механизмов конструирования государственной идентичности

С. Г. Ивченков¹, В. П. Воробьев²✉, Е. В. Еремина²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

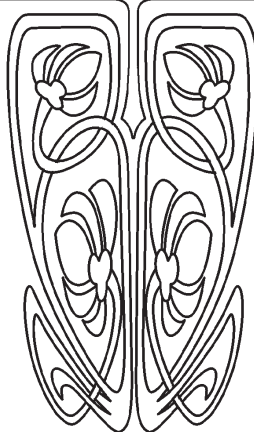
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Воробьев Владимир Павлович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и социологии региона, stlem2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>

Еремина Екатерина Витальевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и социологии региона, hope77@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0631-8397>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. В статье рассмотрено место образно-символических культурных феноменов в процессе формирования государственной идентичности современной российской молодежи. Данные феномены изучаются с точки зрения возможности прямого влияния на ценностное сознание с использованием социально-психологического потенциала «эстетической информации» (А. Моль). Показано соотношение образно-символических аспектов становления государственной идентичности с мифологическими и идеологическими аспектами данного процесса. По мнению авторов, трансформация «национальных мифологем» в рациональные идеологемы, неизбежная в условиях рационализации и глобализации современного мира, предполагает автономизацию ценностного сознания социализирующегося индивида, что в свою очередь невозможно без использования потенциала художественных образов, символизирующих культурное единство социума.

Ключевые слова: государственная идентичность, ценность, молодежь, образ, эстетическая информация, миф, идеология

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 21-011-31769).

Для цитирования: Ивченков С. Г., Воробьев В. П., Еремина Е. В. Соотношение мифологических, идеологических и образно-символических механизмов конструирования государственной идентичности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-372-376>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The correlation of mythological, ideological and figurative-symbolic mechanisms of constructing state identity

S. G. Ivchenkov¹, V. P. Vorobev² ✉, E. V. Eremina²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Sergey G. Ivchenkov, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Vladimir P. Vorobev, stlem2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>

Ekaterina V. Eremina, hope77@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0631-8397>

Abstract. The article considers the place of figurative and symbolic cultural phenomena in the process of forming the state identity of modern Russian youth. These phenomena are considered from the point of view of the possibility of direct influence on the value consciousness by using the socio-psychological potential of “aesthetic information” (A. Mol). The correlation of the figurative and symbolic aspects of the formation of state identity with the mythological and ideological aspects of this process is shown. The transformation of “national mythologems” into rational ideologems, which is inevitable in the conditions of rationalization and globalization of the modern world implies the autonomization of the value consciousness of the socializing individual, which, in turn, is impossible without using the potential of artistic images symbolizing the cultural unity of society.

Keywords: state identity, value, youth, image, aesthetic information, myth, ideology

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 21-011-31769).

For citation: Ivchenkov S. G., Vorobev V. P., Eremina E. V. The correlation of mythological, ideological and figurative-symbolic mechanisms of constructing state identity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 372–376 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-372-376>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Социетальная идентичность представляет собой фундамент государственного единства любой страны; ее становление является ключевым процессом в ходе приобщении личности к культуре общества. С этой точки зрения конструирование государственной идентичности можно воспринимать как основу не только политической, но и общекультурной социализации индивида. Различия между отношением личности к государству и к обществу («родной земле», «отечеству» и т.д.) теряют смысл, когда речь идет о самоотождествлении личности с сообществом, обладающем государственным суверенитетом: нельзя «любить Родину, но ненавидеть государство», если под государством понимать не просто систему власти, но и «политическую целостность, созданную национальной или многонациональной общностью на определенной территории»¹. По этой причине, рассматривая разноразмерные механизмы трансляции культуры при межпоколенческом взаимодействии, мы используем понятия «государственная идентичность» и «социетальная идентичность» как синонимичные.

Так случилось, что в последние десятилетия в российской науке при теоретическом рассмотрении соотношения различных аспектов формирования государственной идентичности основное внимание уделяется проблемам конструирования «официальной», непротиворечивой, патриотически ориентированной картины мира. По всей видимости, это во многом связано с особой ролью исторических знаний в процессе формирования государственной идентичности молодых россиян². Чувство общности истори-

ческой судьбы, гордость за свою историю являются критически важными «скрепами» государственного единства именно в России, которая в течение длительного времени развивалась не как национальное, а как имперское государство. В этой связи нужно учитывать отсутствие или ослабление иных механизмов социетального сплочения, и прежде всего культурно-языковой гомогенности и абсолютной идеократической власти, воспринимаемой как нечто сакральное.

Но упор на общую историю как на основу государственной идентичности сдвигает научный дискурс по соответствующим темам к проблематике, характерной именно для исторического научного знания с его тяготением к идеографическому типу мышления (В. Виндельбанд), ориентированному, в свою очередь, на описание уникальной череды исторических событий. Именно здесь можно найти первопричину того, что мировоззренческая борьба за воспроизводство позитивной государственной идентичности едва ли не в первую очередь увязывается с борьбой за историческую правду, против различного рода «фальсификаций». Не отрицая важности анализа фактологических аспектов конструирования государственной идентичности, следует все же обратить внимание на интерпретационные аспекты данного процесса. В связи с этим можно выделить следующие тезисы:

– фактологическая «оснащенность» и правдивость в большинстве случаев усиливают защищаемую идеологическую позицию;

– эта «оснащенность» не играют решающей роли в случае проигрыша в войне интерпретаций

(пример из сферы так называемой исторической политики: если война с гитлеровской Германией описывается как *этап борьбы демократии против тоталитаризма*, то в рамках такой интерпретации Мюнхенский договор и стремление натравить Гитлера на СССР с нравственной точки зрения абсолютно не нуждаются в оправдании – все эти действия Запада оказываются ничуть не более предосудительными, чем временный союз со Сталиным в 1941–1945 гг.)³.

Впрочем, существует точка зрения, согласно которой все тонкости взаимодействия между фактами, их отбором и их интерпретацией не слишком актуальны именно в сфере социализации, где решающую роль играет национальная мифология⁴.

Здесь под мифом понимается когнитивная конструкция (канонический рассказ), главными социально-психологическими свойствами которой являются:

- минимальная рефлексивность;
- синкретическое единство – нерасчлененность информационной и эмоционально-оценочной составляющей мифологического нарратива.

Именно такой канонический, эмоционально и символически «заряженный» нарратив, транслируемый в ходе социализации индивида и описывающий реальность с «выгодной» точки зрения, является главным фактором формирования позитивной государственной идентичности.

Теория мифа ценна тем, что в ней хорошо показана связь между трансляцией ценностно-символических и художественных компонентов культуры. Кроме того, мифологическая модель неплохо описывает ранние стадии первичной социализации, соответствующие тем этапам развития детской психики, которые характеризуются синкретизмом – срастанием когнитивных и оценочных ее компонентов. Более того, следует согласиться с тем, что сохранение, а возможно, и усиление некоторых черт мифологичности общественного сознания россиян – реальность нашего времени.

В то же время стоит отметить, что миф достаточно чувствителен к появлению конкурентных вариантов интерпретации реальности, и особенно – к фактам публичной профанации, высмеивания или развенчания основных смысловых конструкций мифологической матрицы. Главным ограничением использования теории мифа в процессе конструирования государственной идентичности является практическая невозможность обеспечить устойчивость национальных сакральных мифов в современных условиях. Это обусловлено информационной открытостью «общества модерна», неизбежностью появления в информационном поле общества конкурирующих мифологических конструкций, научно-критическим стилем мышления, который не может не оказывать влияния и на массовое сознание, плюрализмом мнений, в том числе и там, где речь идет об оценках прошлого, настоящего и будущего социума.

Эти факторы разрушения классических национальных мифов могут быть частично блокированы в ходе прохождения ребенком ранних стадий первичной социализации, но уже в старших классах школы начинают способствовать их расшатыванию. Синкретизм мифологического сознания делает это сознание в чем-то особенно уязвимым: так, настойчивая демонстрация фактологических дефектов национального мифа способна разрушить миф в целом – включая его ценностно-символическую основу, намертво сросшуюся с фактологическим содержанием (последнее же нередко содержит недостоверные элементы).

Идеология, в отличие от мифа, более приспособлена к эпохе «расколдованного» (М. Вебер) мира. Идеологические конструкции не только опираются на авторитет научного знания, современного рационализма, их сильными сторонами также являются следующие свойства:

- идеологические интерпретации социальной реальности в принципе не нуждаются в замалчивании или подтасовке фактов: потенциальная пристрастность социально-научных конструкций, о которой говорилось выше, сама по себе является сильным орудием как воспроизводства, так и разрушения позитивной государственной идентичности;

- идеология может содержать как недостоверные элементы исторического или социологического знания, так и уязвимые интерпретации (к примеру, просто устаревшие), в то же время крушение национальной (государственной и пр.) идеологии не столь фатально для самой государственной идентичности. Идеологемы, как и мифологемы, пристрастны, основаны на *ценностном сознании*, но, в отличие от них, частично автономны по отношению к этому сознанию. Любая, даже самая убедительная критика идеологии может не затронуть ее ценностной основы, что позволяет сконструировать новую, более удачную или более адекватную современным реалиям идеологию на традиционной ценностной основе. Что же касается социальной идентичности, то ее ценностная природа очевидна⁵.

Отметим, что необходимость идеологической переориентации даже традиционного сознания в ходе модернизации общества была показана уже в классическом труде А. Гоулднера⁶.

Таким образом, процесс формирования и воспроизводства государственной идентичности в «обществе модерна» нуждается в трансформации традиционных национальных мифологем в рациональные идеологемы. Но социализирующая эффективность идеологических информационных моделей (т.е. рациональных интерпретаций, описывающих мир через призму определенной ценностной системы) также ограничена. Дело в том, что сама по себе достоверная, фактологически безупречная модель социальной реальности не имеет каких-либо пре-

имуществ перед альтернативными моделями: одну и ту же ситуацию можно убедительно описывать в рамках противоположных идеологических конструкций, опирающихся на абсолютно разные ценностные системы и «обслуживающих» враждебные ценностные системы. Здесь также необходимо как минимум информационное доминирование привычной, ориентированной на формирование позитивной государственной идентичности картины социального мира.

В то же время возможности формирования традиционной, комплиментарной по отношению к российской истории и культуре картины мира, которая бы преобладала в информационном пространстве, резко снижается в условиях глобализации и цифровизации социальных взаимодействий. Возможности трансляции в массовое сознание молодого поколения некой официальной картины социальной реальности, основанные на информационном преобладании данной картины в национальных электронных СМИ, постепенно сокращаются. По мере развития глобальных интернет-коммуникаций растет вероятность увеличения (и даже преобладания) альтернативных и просто враждебных самой российской государственности версий социальной реальности.

Частичный демонтаж фактологической и интерпретационной составляющих национального мифа и их трансформация в национальную идеологию имеет смысл лишь тогда, когда оценочное содержание мифа также трансформируется в систему автономных, более-менее отрефлексированных социетальных ценностей, на которые ориентированы ситуативные идеологии. Этот последний процесс очень сложно описать в рамках социально-конструкционной парадигмы; здесь необходимо выявление механизмов формирования ценностного сознания в его автономной форме.

Многие педагоги связывают процесс формирования ценностного сознания с влиянием персонифицированного идеала: «Ключевую роль в воспитании ценностных отношений школьников играет пример как модель ценностного выбора»⁷. Отметим, что в рамках социологии похожие выводы были сделаны уже в прошлом веке. В первую очередь, отметим в этой связи концепцию харизматического господства (М. Вебер), основанного на влиянии отдельной яркой личности, а не просто на стандартных механизмах социального контроля, на конструировании общепринятой картины мира. При этом М. Вебер признавал особую ценностную функцию эстетического воздействия, в связи с чем искусство, по его мнению, может восприниматься как своеобразный конкурент религии⁸. Похожие идеи развивал А. Моль, который утверждал, что в процессе коммуникации, наряду с семантической информацией, важную роль играет эстетическая информация, способствующая изменению состояния человека⁹.

Соответственно, ценностный подход к формированию государственной идентичности позволяет более внимательно отнестись к социализирующему потенциалу особой группы символов государственности – символов-образов.

Специфика образно-символических социокультурных феноменов связана с их способностью не только «отсылать» воспринимающего образ к соответствующей ценности, но и воплощать эту ценность в живой, конкретно-чувственной форме.

Признавая решающее воздействие персонифицированных идеалов на формирование патриотических ценностей и социетальной идентичности в целом, отметим, что сам перечень персонифицированных «источников» влияния на личность стоит расширить. В этот перечень можно включить не только иные личности – реальные либо виртуальные, но и все эстетически окрашенные феномены, обладающие одновременно и символическим потенциалом, и свойством единичности, уникальности (архитектурные сооружения, монументы, художественные описания исторических событий, сами события, музыкальные образы и т.д.).

Самым важным является то, что образно-символическое влияние на становление молодого поколения может компенсировать информационную мозаичность современного социального пространства в результате действия двух факторов:

– из-за возможности прямой апелляции к традиционным российским архетипам, сформированным у молодого поколения уже на ранних стадиях первичной социализации под влиянием структур родного языка и национальной художественной культуры, и, соответственно, максимально устойчивым по отношению к альтернативным, в том числе враждебным (девиантным и т.д.) интерпретациям социальной реальности;

– благодаря нацеленности «эстетической информации» на формирование автономного ценностного сознания, которое, являясь исходным основанием рационального выбора человека, способно к самостоятельному отбору комплиментарных информационных социокультурных моделей и самостоятельной отбраковке девиантных моделей социальной идентичности.

По нашему мнению, у образно-символических элементов культуры имеется и еще одна функция, связанная с технологиями «мягкого» демонтажа сакральных мифов, которые, с одной стороны, традиционно играют важнейшую роль в формировании государственной идентичности молодежи (и в процессе первичной социализации в целом), а с другой стороны, не выдержали проверки на фактологическую подлинность. Это, в первую очередь, касается исторических мифов, в течение длительного времени транслируемых через СМИ, укоренившихся в общественном сознании, в научных и учебных текстах и т.д.

Очевидно, что уязвимость мифологических конструкций, используемых в ходе социализации, становится более очевидной при обнаружении различных фактологических «нестыковок» в их содержании; здесь идеологические оппоненты могут применить прямую стратегию разоблачения с использованием уже знакомых лозунгов, направленных на борьбу с историческими фальсификациями, – но уже в целях размывания исторической идентичности широких слоев населения, и прежде всего молодежи. В то же время обычная управляемая трансформация мифологем в идеологемы в данном случае невозможна. Здесь мифологема в соответствии с требованиями научного рационализма должна быть именно «разоблачена» и объявлена заблуждением либо, в лучшем случае, недостоверной легендой. Но именно в силу сакральности популярного исторического мифа такое обрушение чревато серьезной травмой для идентификационного фундамента социетальной культуры.

Историки-архивисты в связи с этим нередко приводят известную фразу Л. З. Мехлиса: «У нас достаточное количество действительно чудесных подвигов, героических эпизодов, чтобы не сочинять и не преувеличивать»¹⁰. Оптимизм относительно перспектив отказа от недостоверных исторических конструкций, возможно, оправдан, когда речь идет о сугубо научных проблемах. В сферах воспроизводства массового исторического сознания соответствующая проблема приобретают дополнительные смысловые оттенки: святость и укорененность в общественном сознании некоторых недостоверных и ложных мифов порой такова, что стандартного противопоставления им других, реальных эпизодов может быть недостаточно для предотвращения весьма негативных последствий в сфере социализации молодежи. При этом «мягкая» трансформация сакральных мифов в художественные образы возможна даже в отношении фактологически недостоверных или ложных мифов. Такая трансформация позволяет не только перейти к щадящему варианту демифологизации, но и продолжить использование сакральной силы мифа и частично самого его фактологического содержания в процессе конструирования государственной идентичности молодого поколения.

Схема такой «конвертации» мифа в образ достаточно проста: *обнаружение фактологической недостоверности сакрального мифа → честное признание этой недостоверности в научных кругах при одновременном отстаивании комплиментарной по отношению к идентификационному фундаменту традиционной культуры общей картины исторического процесса (в том числе – за счет упомянутых «действительно чудесных» фактов) → создание на основе сакрального мифа сильного художественного образа →*

дальнейшее использование данного образа в процессе патриотического воспитания → изъятие не прошедшего проверку содержания сакрального мифа из учебных текстов по истории.

«Простота» такой схемы не говорит о легкости ее реализации на практике. Самое сложное в ней – формирование образа, сравнимого по силе с исходной мифологемой; действительно качественное художественное произведение не всегда удается создать по государственному и даже общественному «заказу». Тем не менее, примеры образной трансформации мифологем имеются. Один из таких примеров связан с успехом фильма «Легенда о Коловрате» (2017 г.)¹¹, и содержание, и стиль которого прямо говорят об отсутствии у авторов претензий на историческую достоверность основной фабулы.

Примечания

- ¹ Государство // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / ред. совет : В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин [и др.]. М. : Мысль, 2010. Т. 1.
- ² См., например: Дробижева Л. М. Российская идентичность : поиски определения и динамика распространения // Социс. Социологические исследования. 2020. № 8. С. 48. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
- ³ Подробнее см.: Воробьев В. П. Соотношение фактологических, интерпретационных и ценностных аспектов мировоззренческих конфликтов // Дильновские чтения : Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. С. 228–232.
- ⁴ См., например: «Мы разрушили свой исторический миф и питаемся импортными умственными теориями...». URL: <https://www.nakanune.ru/articles/15656> (дата обращения: 15.07.2021).
- ⁵ См., например: Демин А. А. Ценностные основания формирования идентичности сообщества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52) : в 2 ч., ч. 1. С. 73–78.
- ⁶ См.: Gouldner A. W. The Dialectic of Ideology and Technology. The Origins, Grammar and Future of Ideology. New York : The Seabury Press, 1976. P. 25–26.
- ⁷ Бабурова И. В. Воспитание ценностных отношений школьников в образовательном процессе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Смоленск, 2009. С. 12.
- ⁸ См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 24.
- ⁹ См.: Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М. : Мир, 1966. С. 199–209.
- ¹⁰ Цит. по: Григорьев В. А. Великая Отечественная война в современных интерпретациях // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 3. С. 28.
- ¹¹ Фильм до сих пор входит в ТОП-50 российских фильмов по кассовым сборам.

Поступила в редакцию 17.07.2021, после рецензирования 23.08.2021, принята к публикации 30.08.2021

Received 17.07.2021, revised 23.08.2021, accepted 30.08.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 377–380

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 377–380

<https://soziopolit.sgu.ru>

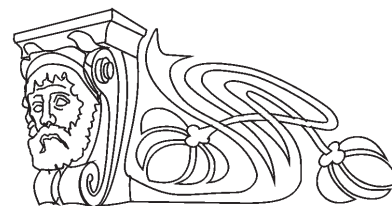
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-377-380>

Научная статья

УДК 316.334.52

Благополучие современного общества: социологический ракурс измерения

М. В. Калининкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Аннотация. Статья посвящена актуальной для современного общества проблеме переоценки ценностных компонентов, которые входят в понятие «благополучие». Сегодня становится очень важной оценка человеком своего благополучия для осознания им своей роли в обществе. Принято считать, что благополучие — это многоуровневый качественный показатель, объединяющий материальные ресурсы; потребительские блага; состояние здоровья населения, окружающей его социальной и природной среды. Однако количественные методы измерения благополучия еще недостаточно изучены. Цель данной работы — провести социологический анализ различных подходов к оценке понятия «благополучие» и выявить возможности его измерения. В статье прослежена эволюция социальных представлений о благополучии, выявлены его этапы, социологическая специфика. На основе социально-экономических литературных источников проведен анализ основных методологических конструктов благополучия: социально-психологического, социально-экономического и социально-экологического. В качестве ведущего направления автор выделил социально-экологическое направление и предложил рассматривать структуру благополучия как совокупность трех элементов, таких как уровень жизни, условия жизни и жизненная среда. Для количественного измерения той или иной составляющей благополучия предложена методика расчета интегрального показателя как суммы значений поправочных коэффициентов и площадей исследуемых пространств, приведенных на душу населения. Удельный вес таких частных индексов в общей формуле благополучия выражается посредством психологического коэффициента. Сделан вывод, что описанный способ измерения благополучия позволит провести объективное сравнение во времени и пространстве.

Ключевые слова: благополучие, благо, уровень жизни, условия жизни, жизненная среда

Для цитирования: Калининкова М. В. Благополучие современного общества: социологический ракурс измерения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 377–380. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-377-380>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The well-being of modern society: The sociological status of measurement

M. V. Kalinnikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina V. Kalinnikova, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Abstract. The article is devoted to the problem of revaluation of the value components that are included in the concept of “welfare”, which is relevant for modern society. Today it is becoming very important for a person to assess his/her well-being in order to realize his/her role in society. It is considered that well-being is a multi-level, qualitative indicator that combines material resources, consumer goods, the population state of health, its social and natural environment. However, quantitative methods of measuring well-being have not yet been sufficiently studied. The purpose of this work is to conduct a sociological analysis of various approaches to the assessment of the concept of well-being and to identify the possibilities of its measurement. The article traces the evolution of social ideas of well-being, identifies its stages and sociological specifics. The analysis of the main methodological constructs of well-being is carried out on the basis of the socio-economic sources: socio-psychological, socio-economic and socio-ecological. The author identified the socio-ecological source and proposed to consider the structure of well-being as a leading direction consisting of three elements, such as: the standard of living, living conditions, and the living environment. However, the quantitative measurements of a particular component of well-being haven't yet been sufficiently studied. The method for calculating the integral indicator as the sum of the correction coefficients' values and the areas of the studied spaces per capita is proposed. The specific weight of such private indices in the general formula of well-being is expressed by means of the psychological coefficient. It is concluded that the described method of measuring well-being allows for the objective comparison in time and space.

Keywords: welfare, benefit, standard of living, living conditions, living environment

For citation: Kalinnikova M. V. The well-being of modern society: The sociological status of measurement. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 377–380 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-377-380>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время российское общество развивается в сторону повышения уровня жизни людей, следовательно, актуализируется и проблема обеспеченности населения предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими материальные и духовные человеческие потребности. Чем выше ступень развития человеческой культуры, тем большее значение придается благосостоянию, степени обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования¹.

В современном массовом сознании, несомненно, произошла переоценка тех ценностных компонентов, которые ранее входили в понятие «благосостояние». Если в советское время представление о нем напрямую было связано с достатком, имуществом, богатством², то в современном обществе прочно утвердилась мысль, что благосостояние – это многоуровневый, комплексный качественный показатель, объединяющий ресурсы, создаваемые в сфере производства; доступность потребительских благ всем слоям населения; состояние здоровья населения, окружающей его социальной и природной среды. В настоящее время становится очень важной субъективная оценка человеком своего благосостояния для осознания им своей роли в обществе. Однако количественные методы измерения благосостояния еще недостаточно изучены. В связи с этим цель данной работы – провести социологический анализ различных подходов к оценке понятия «благосостояние» и выявить возможности его измерения.

Ориентированный на удовлетворение растущих потребностей человечества технический прогресс стал причиной инверсии материальных и духовных ценностей в промышленно развитых странах. Мир стоит перед необходимостью выбора: продолжать наращивать материальные ценности, иметь автомобиль, дом, высокую заработную плату или быть здоровым, дышать чистым воздухом, жить в безопасности.

Богатство, к которому люди стремились прежде, все больше теряет свою ценность, а природа, которая была в изобилии и не представляла никакого интереса, перемещается сегодня на верхние ступени шкалы ценностей. Телевизор, холодильник, автомобиль есть почти в каждой семье, но люди чувствуют нехватку чистого воздуха, зелени, тишины, и эти блага, которые раньше не ценились по достоинству, становятся все более ценными для нашей цивилизации. Природу непрерывно разрушают механизация, урбанизация, индустриализация. Поэтому люди жаждут природы: массовые выезды на природу

в выходные дни, массовое желание жить в экологически чистых районах. Жителям больших городов стало значительно труднее и значительно дороже, чем пищу и одежду, получать чистую воду, дышать чистым воздухом.

Осмыслили понимание благосостояния и его генетическую связь с социальным развитием общества значительное количество исследователей от древнегреческих философов до наших современников.

Анализ воззрений античных мыслителей позволяет говорить о разнообразии трактовок благосостояния: от простого наслаждения и блаженства (Аристипп, Эпикур), разумного деятельного поведения и добродетели (Антисфен, Сократ) до понятия высшей цели – счастья (Платон, Аристотель). Наивысшее благо, к которому все стремятся, т. е. счастье, достигается при совместной полноте душевных благ (чувство исполненного долга, самосовершенствования, самоутверждения личности в социальной жизни), телесных благ (здоровье, сила, красота и пр.) и внешних благ (богатство, слава и т. п.)³.

В последующем дискурс благосостояния стал постепенно наполняться социальными компонентами. В сочинениях Р. Оуэна и Т. Мора философская этика социалистов-утопистов связывает благо с материальным достатком, духовной свободой и просвещением народа. Они первыми стали говорить об общественном благополучии, а путь к нему видели в установлении равенства путем уравнительного распределения и уничтожения собственности.

В социологическую рефлексию категория «благосостояние» попала в связи с научным осмыслением роли материальных благ в объяснении различных процессов и явлений в социальных общностях. Интерес к этому проявлялся в рамках классической политэкономии конца XVIII–XIX в. Одни экономисты (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, Ф. Энгельс) выделяли политико-экономическую сущность богатства, рассматривая его элементы (вещественные, невещественные), источники, условия воспроизводства. Другие (И. Бентам, В. Парето) решали данный вопрос через рассмотрение функции общественного блага: общая польза понималась ими как увеличение наслаждения для большого количества людей или как нахождение равновесия наслаждения и минимизация страданий людей. В. Парето ввел шкалу предпочтений, так как считал, что лишь сам индивид знает, что для него является благом⁴.

В этот же период российские ученые и государственные деятели В. Г. Белинский, Н. Г. Чер-

нышевский, Д. И. Писарев основное внимание уделяли вопросам бедности и общественному благополучию. Путь к этому благополучию они видели в удовлетворении двух основных потребностей – это материальное обеспечение жизни и взаимная поддержка и помощь в общении между людьми.

Все эти идеи послужили толчком к созданию в XX в. экономической теории благополучия (А. Маршалл, А. Пигу). Вначале А. Маршалл предложил проводить классификацию благ, разделяя их на материальные (личные) и нематериальные (внешние) блага. Богатство, по мнению А. Маршалла, состоит из вещей, которые мы желаем иметь, т.е. прямо или косвенно удовлетворяющих потребности человека⁵. В последующем А. Пигу характеризует благополучие как чрезвычайно многоплановую, субъективную категорию. Он пишет: «...во-первых, понятие “благополучие” отражает элементы нашего сознания и, возможно, взаимосвязь этих элементов; во-вторых, благополучие может быть описано понятием “больше–меньше”»⁶. Основной целью экономической теории А. Пигу считает решение социальных вопросов и ратует за справедливое распределение доходов путем учета критериев, препятствующих достижению благополучия.

На современном этапе развития общества социально-психологический аспект в определении благополучия усилился и реализовался в концепции качества жизни⁷. В работах социологов Л. Дэвиса, Ф. Эндрюса, С. Уизи, А. Кэмпбелла качество жизни связывается с достигнутым уровнем материального благополучия трудящихся, акцентируется внимание на субъективном восприятии благополучия как в жизни в целом, так и в отдельных ее сферах. По мнению авторов, качество рабочей жизни охватывает все возможные аспекты жизнедеятельности, включая рабочую окружающую среду, рабочее время, оплату, перспективы карьеры и труда, социальные отношения, которые складываются в процессе самовыражения работника. Особое внимание при характеристике качества жизни, и это очень важно для определения перспектив социального развития, уделяется проработке вопросов условий труда, экологии, проблемам частной жизни в контексте увеличения и наполнения свободного времени, жилищным условиям, безопасности личности. В то же время качество жизни связывается с достигнутым уровнем материального благополучия, т.е. с объемом благ и услуг, находящихся в распоряжении членов общества.

В советской научной литературе во второй половине XX в. складывается и развивается социально-экономическое направление, анализирующее народное благополучие. Разработкой данного вопроса занимались такие известные ученые, как С. Г. Струмилин, В. Ф. Майер,

Н. М. Римашевская, А. Г. Аганбегян, С. П. Фигурнов и др. Предпринимаются попытки осмыслить все важнейшие аспекты народного благополучия путем анализа категорий «качество жизни», «стандарт жизни», «стиль жизни», «образ жизни». Народное благополучие трактовалось ими как уровень жизни, а именно обеспеченность населения необходимыми для жизни материальными и духовными благами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворенности людей этими благами.

Сегодня можно утверждать, что в современной социологии сформировались подходы, отражающие как объективистские, так и субъективные стремления. Л. Т. Волчкова в своей монографии дает расширенную трактовку благополучия как совокупности благ, находящихся во владении, распоряжении и пользовании отдельных субъектов, социальных групп, общества в целом, предназначенных для удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей личности⁸.

Важно выделить социально-экологическое направление, сложившееся в понимании категории «благополучие» к началу XXI в. Значительный вклад в его развитие внесли У. Бек, Э. Гидденс, Ф. Сен-Марк, Д. Маркович, Ю. Г. Марков, Н. Н. Моисеев, О. Н. Яницкий и др. В их трудах отмечается, что по мере социального развития, научно-технического прогресса закономерно изменяются материальные и духовные человеческие потребности, увеличивается значимость природных благ.

В книге «Социализация природы» французский социолог Ф. Сен-Марк предложил рассматривать благополучие как совокупность уровня жизни (Y_p), условий жизни (Y_c) и жизненной среды ($Ж_c$). Ученый отмечает, что прогресс или регресс благополучия зависит от суммы вариаций всех его составляющих, а не от эволюции одного компонента – уровня жизни или только жизненной среды⁹. Вместе с тем именно природная среда, по его мнению, играет главную роль в оценке качества жизни людей. С одной стороны, природа служит источником экономических богатств, с другой – создает духовные и социальные богатства, удовлетворяющие физиологические, культурные, научные потребности. Социализация природного пространства играет двойную роль. Надо ли считать с красотой леса, украшать сосновый бор новыми посадками или же достаточно ориентироваться на массовое производство древесины? Когда загрязняют озеро, оно теряет свою роль резервуара чистой воды для флоры и фауны. Когда пейзаж разрушается бетонными блоками и заборами, исчезает красота мира. Разрушая природу, зачастую получают огромную материальную выгоду, но теряют основу для расширенного воспроизводства человека, социальных групп, общества.

Для количественного измерения той или иной составляющей благосостояния была предложена методика расчета интегральных показателей, которые дадут представление о качестве жизни населения¹⁰. К примеру, для подсчета индекса обеспеченности населения зелеными насаждениями предлагается площадь зеленых пространств, рассчитанную на душу населения, умножить на качественный коэффициент. Коэффициент определяется исходя из объективных критериев: типа растительности, концентрации вредных явлений, доступности, удаленности от населения. Для индекса водных пространств рассчитывается количество квадратных метров площади водоемов (озер, рек, фонтанов), которым располагает город или район. Для индекса шума дополнительно учитываются его уровень, источники и их близость. Удельный вес таких частных индексов в общей формуле благосостояния выражается посредством психологического коэффициента, т. е. какое значение придает само население каждому из рассматриваемых индексов. Опрос населения будет точной основой для их баланса.

Аналогичная методика была опробована в ряде городов России, в том числе в Саратове. Для оценки и сравнения качества экологического состояния зеленых насаждений общего пользования проводился расчет интегрального показателя как суммы значений поправочных коэффициентов для имеющихся элементов растительности (цветники, кустарники, деревья и их вид, высота, возраст)¹¹.

Несомненно, данные способы измерения благосостояния могут показаться сложными. Однако они позволят провести объективное сравнение во времени и пространстве. Сопоставление одного города с другим, одного района города с другим, основанное на цифрах, приведет к углубленному изучению причин и следствий их сходства и различий.

Примечания

- ¹ См.: Современный экономический словарь. Справочная литература / сост. Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Старолдубцева. 2-е изд., испр. М. : ИНФРА-М, 1999.
- ² См.: Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 10.07.2021).
- ³ См.: Качур Н. В. Эволюция социологической интерпретации счастья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 44–48. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2013-13-4-44-48>
- ⁴ См.: Парето В. Учебник политической экономии / пер. с фр. А. А. Зотова, В. Л. Силаева ; предисл. В. С. Автономова. М. : РИОР ; ИНФРА-М, 2016.
- ⁵ См.: Маршалл А. Принципы политической экономии. М. : Директ-Медиа, 2012. 2127 с. Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26824> (дата обращения: 06.08.2021).
- ⁶ Лигу А. Экономическая теория благосостояния : в 2 т. / под общ. ред. С. П. Аукуционека ; пер. А. Г. Фонотов, М. С. Штенгарц. М. : Прогресс, 1985. Т. 1. С. 73.
- ⁷ См.: Нагимова А. М. Социологический анализ качества жизни населения : региональный аспект. Казань : Казан. гос. ун-т, 2010.
- ⁸ См.: Волчкова Л. Т. Благосостояние как момент, результат и предпосылка социального развития общества // Проблемы теоретической социологии : сб. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 196–211.
- ⁹ См.: Сен-Марк Ф. Социализация природы / пер. с фр. Л. М. Степачева, Ю. А. Школенко ; предисл. И. Б. Новик. М. : Прогресс, 1977. С. 128.
- ¹⁰ Там же. С. 134.
- ¹¹ См.: Романова А. Ю., Цобберг О. А. К вопросу оценки качества зеленых насаждений для комфортной городской среды (на примере пешеходной зоны «улица Рахова» г. Саратова) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 27–35. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-1-27-35>

Поступила в редакцию 09.08.2021, после рецензирования 20.08.2021, принята к публикации 01.09.2021

Received 09.08.2021, revised 20.08.2021, accepted 01.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 381–389

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 381–389

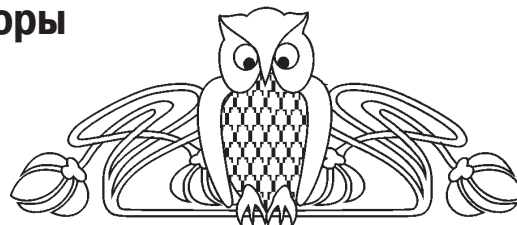
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389>

Научная статья

УДК 314.114

Социально-демографические факторы репродуктивных установок и практик молодежи в России и Саратовском регионе

И. А. Бегинина¹ , Е. В. Овчинникова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Бегинина Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии регионов социологического факультета, begininaia@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Овчинникова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по методической деятельности, Helenabuena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1197-5853>

Аннотация. В статье по результатам социологических исследований, проведенных в Саратове и России, раскрываются социально-демографические факторы репродуктивных установок молодежи. Анализ данных выявил, что с возрастом увеличивается приемлемый и должный срок рождения первого ребенка, повышается уровень детности в репродуктивных практиках молодежи, растет ответственное отношение к появлению детей. Однако большинство молодежи (57,3%) не рассматривает детей как залог личного, семейного счастья. При этом принятие решений о контрацепции, беременности, рождении детей и интервалов между этими рождениями чаще возлагается на девушек. Официальная регистрация брака не является непереносимым условием рождения детей, что способствует возрастанию уровня внебрачной рождаемости. Однако стабильность семейного положения способствует реализации традиционной мотивированности на появление детей по обоюдному желанию супругов. Чем больше детей было у родителей, тем больше желаемых и ожидаемых детей у молодежи, но в максимальных пределах 2–3 детей. Многодетность родителей не передается детям в том же объеме. Молодежь транспонирует их в рамках преимущественно малодетности. При этом она часто рассчитывает на помощь старшего поколения в уходе и воспитании детей.

Ключевые слова: социально-демографические факторы, репродуктивные установки, молодежь, пол, возраст, семейное положение

Для цитирования: Бегинина И. А., Овчинникова Е. В. Социально-демографические факторы репродуктивных установок и практик молодежи в России и Саратовском регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 381–389. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social-determination factor and practice youth in Russia and Saratov region

И. А. Бегинина¹ , Е. В. Овчинникова²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov Regional Institute of Education Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Irina A. Beginina, begininaia@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Elena V. Ovchinnikova, Helenabuena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1197-5853>

Abstract. The article on the results of sociological studies conducted in Saratov and Russia reveals the socio-demographic factors of the reproductive attitudes of young people. The analysis of the data revealed that with age the acceptable and appropriate period of birth of the first child increases, the level of childbearing in the reproductive practices of young people increases, and the responsible attitude towards the appearance of children increases. However, the majority of young people (57.3%) do not consider children as a guarantee of personal, family happiness. At the same time, decisions about contraception, pregnancy, child birth and the intervals between births are more often assigned to girls. Official registration of marriage is not a prerequisite for the birth of children, which contributes to an increase in the rate of extramarital fertility. However, the stability of the marital status contributes to the implementation of the traditional motivation for the appearance of children at the mutual desire of the spouses. The more children had parents, the more desirable and expected children in young people, but within the maximum range of 2–3 children. Parents' large children are not transferred to children in the same amount. Young people transpose them within the framework of mostly childlessness. At the same time, she often counts on the help of the older generation in the care and upbringing of children.

Keywords: socio-demographic factors, reproductive attitudes, youth, gender, age, marital status

For citation: Beginina I. A., Ovchinnikova E. V. Social-determination factor and practice youth in Russia and Saratov region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 381–389 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Общая ситуация с рождаемостью, качеством воспроизводства населения в России и регионах во многом зависит от репродуктивных установок и соответствующего поведения, практик молодежи. Именно поэтому проблема репродуктивных ориентаций молодежи в условиях современных депопуляционных процессов является актуальной и злободневной. Молодое поколение формирует свои репродуктивные установки в условиях ограниченного собственного опыта, под воздействием ценностей и традиций, предлагаемых ближайшим окружением и обществом в целом. Между тем нередко СМИ, интернет-каналы пропагандируют сомнительные репродуктивные ценности чайлдфри, однополых браков¹, что влияет на репродуктивный выбор молодежи. В реальности наблюдается противоречие между слабой информированностью молодежи о планировании семьи, рождаемости, профилактической заботы о своем репродуктивном здоровье и практиками ранней активной сексуальной жизни². Это вызывает необходимость постоянного социологического мониторинга репродуктивных установок и практик молодежи в контексте факторного анализа.

В российской науке издавна доминировал факторный подход изучения рождаемости (В. А. Борисов³, Л. Е. Дарский⁴, А. Л. Кваша⁵, Б. Ц. Урланис⁶ и др.⁷), когда демографические показатели сопрягались с другими или констатировалась их прямая корреляция с экономической сферой. Однако постепенно появилась концепция «демографического перехода» (А. Г. Вишневский⁸, В. В. Пациорковский⁹, Е. М. Щербакова¹⁰). Она стала предметом оживленных дискуссий (Т. Б. Гудкова¹¹, Н. В. Зверева¹², М. А. Клупт¹³), в ходе которых проявилась потребность в социологическом анализе рождаемости.

Развитие социологической методологии в познании рождаемости осуществлено в работах отечественных ученых А. И. Антонова¹⁴, В. А. Борисова¹⁵, Т. А. Гурко¹⁶, И. И. Елисевой¹⁷, В. Н. Архангельский¹⁸, В. М. Медков¹⁹, А. Б. Синельников²⁰ акцентировали внимание на трансформации современной семьи как социального института и выявляли ее последствия в репродуктивной сфере.

Немало публикаций отечественных исследователей (В. В. Бодрова²¹, Т. Л. Журавлева, Я. А. Гаврилова²², Р. И. Зинурова²³ и др.) посвящено выявлению факторов, влияющих на репродук-

тивное поведение и репродуктивные установки населения. Однако исследований, посвященных репродуктивным установкам молодежи, намного меньше (М. А. Беляева²⁴, Е. В. Волченкова²⁵, Н. М. Попов, И. А. Гайнутдинова²⁶). Сегодня, в условиях обостряющейся депопуляции населения, социальная обусловленность рождаемости уже ни у кого не вызывает сомнения. Вместе с тем приходится констатировать отсутствие в современной социологии монографических публикаций о молодежных установках и практиках репродуктивного поведения, что вызывает необходимость их социологического анализа как во всероссийском, так и в региональном масштабе.

Исходя из этого, в 2019 г. было проведено авторское социологическое исследование отношения к репродукции саратовской молодежи. Вероятностная квотно-территориальная выборка составила 480 респондентов. Критерии отбора – место жительства, пол, возраст. Возрастное распределение респондентов: 18–19 лет – 20%; 20–21 – 17%; 22–23 – 8%; 24–25 – 11%; 26–27 – 19%; 28–29 – 10%; 30 лет и старше – 15%. Гендерное распределение отразило доминирование девушек среди городской молодежи в соотношении 60 и 40%. Обработка осуществлялась на базе компьютерной программы SPSS.

В качестве дополнительной эмпирической основы анализа общероссийских тенденций молодежной репродукции выступила электронная база данных выборочного исследования репродуктивных ориентаций населения, проведенного Федеральной службой государственной статистики 19 сентября – 6 октября 2017 г. в 30 субъектах Российской Федерации. Были опрошены 10 054 россиянина. В возрасте до 25 лет – 14,9% девушек и 9,9% юношей; 25–29 лет – 16,7 и 12,0% соответственно; 30–34 лет – 22,0 и 15,1% соответственно. При этом 72,3% опрошенных – горожане, 27,7% – сельские жители²⁷.

Авторский опрос показал, что возраст влияет на желаемое количество детей (табл. 1). Доминирующее мнение во всех возрастных когортах – желание ограничиться двумя детьми. Молодежь ранних возрастов (18–19, 20–21 и 22–23 лет) чаще других ориентирована на трехдетность (соответственно 15,0, 11,8 и 12,5% при 8,2% в среднем по выборке). Более трех детей хотели бы только 18–19-летние (5%) и 22–23-летние (12,5% при 3,1% в среднем по выборке).

Таблица 1

Влияние возраста саратовской молодежи на желаемое количество детей, % по возрасту

Желаемое количество детей	Возраст							По выборке
	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28–29	30 +	
Один	30,0	23,5	25,0	45,5	52,9	22,2	26,7	33,0
Двое	50,0	64,7	50,0	54,5	41,2	77,8	60,0	55,7
Трое	15,0	11,8	12,5	–	5,9	–	6,7	8,2
Более трех	5,0	–	12,5	–	–	–	6,6	3,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

24–25-летние и 26–27-летние чаще других склонны к однодетной рождаемости (соответственно 45,5 и 52,9% при 33% в среднем по выборке). Молодежь более старших возрастов, 28–29 и 30 лет и старше, чаще других ориентирована на двух детей (соответственно 77,8 и 60,0%

при 55,7% по выборке). Чем старше респонденты, тем они в большей степени ориентированы на двух детей, что подтверждается и данными других исследователей²⁸. Эта закономерность подтверждается и общероссийскими данными (табл. 2).

Таблица 2

Среднее желаемое и ожидаемое число детей по возрастным группам молодых россиян, % по полу

Возраст	Девушки		Юноши	
	среднее желаемое число детей	среднее ожидаемое число детей	среднее желаемое число детей	среднее ожидаемое число детей
До 25	2,03	1,93	1,94	1,85
25–29	2,17	2,03	2,13	1,99

В ходе изучения влияния возраста на мотивацию репродуктивных установок выяснилось, что среди самых молодых (до 20 лет) 91,9% считают основной причиной для заведения детей обоюдное желание мужчины и женщины; 5,4% отметили случайность, 2,7% – необходимость по возрасту (табл. 3). Среди 20–24-летних 75% отметили, что это должно быть желание мужчины и женщины, 17,9% – желание женщины. По 3,6% опрошенных в качестве репродуктивного мотива указали на стремление удержать любимого человека и случайность. Среди 25–29-летних 71,4% считают, что главным репродуктивным мотивом является обоюдное желание мужчины и женщины; 9,5% указали на такие причины, как

стремление удержать мужа и желание мужа; по 4,8% опрошенных отметили желание жены и необходимость по возрасту. При этом обращает на себя внимание, что доминирующий мотив «взаимное желание обеих сторон» (79,8%) с возрастом несколько снижает свою значимость под влиянием жизненного (негативного, видимо) опыта. Случайность в репродуктивных установках свойственна только самым молодым женщинам (до 24 лет). Это позволяет сделать вывод о неоднозначности влияния возраста на репродуктивные ориентации молодежи, видимо, опосредованного социальным опытом и иными аспектами жизнедеятельности, что подтверждают и данные других исследователей²⁹.

Таблица 3

Влияние возраста на репродуктивные мотивы саратовской молодежи, % по возрастным категориям

Обоснования репродуктивных мотивов	Возраст			По выборке
	до 20	20–24	25–29	
Обоюдное желание обеих сторон	91,9	75,0	71,4	79,8
Желание одной стороны (мужа)	–	–	9,5	1,6
Желание одной стороны (жены)	–	17,9	4,8	8,2
Необходимость (возраст)	2,7	–	4,0	3,2
Стремление удержать любимого человека	–	3,5	9,5	4,0
Желание получить материнский капитал	5,4	3,6	–	2,4
Ребенок – дар Бога	–	–	0,8	0,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Самое распространенное среди молодежи мнение о желательном возрасте рождения первого ребенка (табл. 4) – 24–25 лет (44% опрошенных). Только 20–21-летние указали на возраст 18–19 лет (11,8%). На необходимый возраст в 20–21 год чаще других указывала молодежь 18–21 года (25,0 и 29,4% соответственно) а также 24–25-летние (27,3%). На необходимый возраст в 22–23 года чаще других указывали молодые люди 20–21 года (23,5%), 22–23 лет (37,5%) и 26–27 лет (21,1%). Таким образом, с

возрастом увеличивается приемлемый и должный срок рождения первого ребенка (отложенная рождаемость).

Большинство молодежи (60,2%) полагают, что необходима длительная подготовка к рождению ребенка (табл. 5). Чаще других на этом настаивали 20–21-летние (76,5%), 24–25-летние (63,6%) и 26–27-летние (64,7%), что показывает ответственное отношение к появлению детей. Согласны с этим, но сами так делать не собираются, 18,5%, особенно среди 18–19-летних (20,0%)

Таблица 4

Влияние возраста саратовской молодежи на необходимый возраст рождения первого ребенка, % по возрасту

Необходимый возраст	Возраст							По выборке
	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28–29	30 +	
18–19	–	11,8	–	–	–	–	–	2,0
20–21	25,0	29,4	–	27,3	21,1	20,0	6,7	20,0
22–23	15,0	23,5	37,5	9,1	21,1	10,0	13,3	18,0
24–25	50,0	35,3	25,0	36,4	26,3	70,0	66,7	44,0
26–27	10,0	–	25,0	18,2	10,5	–	6,7	9,0
28–29	–	–	12,5	9,0	15,8	–	–	5,0
30 +	–	–	–	–	5,2	–	6,6	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5

Влияние возраста саратовской молодежи на необходимость длительной подготовки к рождению ребенка, % по возрасту

Длительная подготовка к появлению ребенка	Возраст							По выборке
	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28–29	30 +	
Они абсолютно правы	55,0	76,5	37,5	63,6	64,7	50,0	60,0	60,2
Они правы, но это не для меня	20,0	5,9	37,5	18,2	17,7	20,0	20,0	18,5
Я с ними не согласен	15,0	17,6	25,0	18,2	17,6	10,0	20,0	17,3
Все зависит от ситуации	–	–	–	–	–	10,0	–	1,0
Кто как	10,0	–	–	–	–	–	–	2,0
Нет ответа	–	–	–	–	–	10,0	–	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

и 22–23-летних (37,5%). Категорически с этим не согласны 17,3% молодежи, особенно среди 22–23-летних (25,0%), 24–25-летних (18,2%) и тех, кто старше 30 лет (20,0%), что, вероятно, свидетельствует о более легкомысленных установках и низком уровне репродуктивной культуры.

Возраст оказывает влияние и на отношение молодежи к тезису «чем больше детей, тем счастливее человек» (табл. 6). С этим полностью или частично согласны 21,9% молодежи, преимуще-

ственно 20–21 лет (28,6%), 24–25 лет (30,0%) и 28–29 лет (33,3%). Таким образом, с возрастом усиливается установка на большое количество детей. Однако большинство респондентов (57,3%) в той или иной мере с этим не согласны. Особенно это касается 18–19-летних (62,5%), 22–23-летних (71,4%) и тех, кому 30 лет и старше (83,4%). Каждый пятый молодой человек склонен оценивать этот тезис ситуативно, что подтверждается и другими исследователями.

Таблица 6

Влияние возраста саратовской молодежи на оценку тезиса о детности как залого личного счастья, % по возрасту

Чем больше детей, тем счастливее человек	Возраст							По выборке
	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28–29	30 +	
Да, полностью согласен	–	14,3	–	10,0	7,1	22,2	8,3	8,5
Скорее да, чем нет	25,0	14,3	–	20,0	14,3	11,1	–	13,4
В зависимости от ситуации	–	–	–	10,0	21,4	22,2	8,3	8,5
Скорее нет, чем да	50,0	42,9	71,4	10,0	35,7	22,2	66,7	42,7
Нет	12,5	14,3	–	30,0	14,3	11,1	16,7	14,6
У всех по-разному	6,3	7,1	28,6	10,0	7,2	11,2	–	8,7
Смотря какая мать	–	7,1	–	10,0	–	–	–	2,4
Смотря какой отец	6,2	–	–	–	–	–	–	1,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Возраст влияет и на субъективную готовность молодежи к появлению детей (табл. 7). Так, 58,8% респондентов в той или иной мере готовы завести детей. Чаще других об этом заявляли 20–21-летние (64,3%), 22–23- и 26–27-летние (по 62,5%); 26,2% еще не определились с этим. Не готовы к появлению детей в той или иной степени 23,1% опрошенных, особенно 18–19-летние (40%), 24–25-летние (33,4%), а также каждый четвертый молодой человек 26–27 лет, что свя-

зано, видимо, не столько с возрастом, сколько с жизненной стратегией, направленной на получение образования (в младших возрастах) и достижение социальных целей комфортности. Это провоцирует отложенную рождаемость в молодежной среде.

Естественно, что только 40% опрошенных имеют детей (табл. 8). Чем старше молодые люди, тем выше среди них уровень детности, который к 28–29 годам достигает 90%.

Таблица 7

Влияние возраста саратовской молодежи на готовность завести детей, % по возрасту

Готовность завести детей	Возраст							По выборке
	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28–29	30 +	
Да, готовы	10,0	35,7	37,5	16,7	12,5	–	42,9	23,1
Скорее да, чем нет	20,0	28,6	25,0	33,3	50,0	50,0	14,3	27,7
Скорее нет, чем да	20,0	7,1	–	16,7	25,0	–	–	12,3
Нет	20,0	7,1	12,5	16,7	–	–	–	10,8
Нет ответа	30,0	21,5	25,0	16,6	12,5	50,0	42,8	26,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 8

Влияние возраста саратовской молодежи на наличие детей, % по возрасту

Наличие детей	Возраст							По выборке
	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28–29	30 +	
Да, есть	–	11,8	–	54,5	63,2	90,0	73,3	40,0
Нет	95,0	88,2	100,0	45,5	36,8	10,0	26,7	59,0
Нет ответа	5,0	–	–	–	–	–	–	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди детной молодежи все 20–25-летние имеют по одному ребенку (табл. 9). В 26–27 лет 75,0% молодых родителей имеют одного ребенка и 25,0% – двоих. Среди 28–29-летних 77,8% родителей воспитывают одного ребенка и 22,2% – двоих детей. В 30 лет и старше на-

ряду с одним ребенком (54,5%), двумя (36,4%), появляются родители с тремя детьми (9,1%). Таким образом, с возрастом уровень детности в репродуктивных практиках молодежи увеличивается, что подтверждают и другие исследования³⁰.

Таблица 9

Влияние возраста саратовской молодежи на количество детей, % по возрасту

Количество детей	Возраст					По выборке
	20–21	24–25	26–27	28–29	30 +	
Один	100,0	100,0	75,0	77,8	54,5	75,0
Двое	–	–	25,0	22,2	36,4	22,5
Трое	–	–	–	–	9,1	2,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Репродуктивные установки в отношении числа детей в собственной семье (табл. 10) связаны, как правило, с числом детей в родительской семье, желаемым возрастом вступления в брак или семейным статусом³¹. В результате опроса оказа-

лось, что 61% неженатой/незамужней молодежи и 71% уже после вступления в брак хотели бы иметь двух детей. Это говорит о функциональной ценности семьи и ее положительном влиянии на репродуктивные установки молодежи.

Таблица 10

Влияние семейного статуса российской молодежи на желаемое число детей, % по семейному статусу*

Желаемое число детей	Холостые / незамужние	Семейные
Один	3,8	8,8
Двое	61,3	71,3
Трое	7,5	3,8
Затрудняюсь сказать	27,6	16,4
Итого	100,0	100,0

*Рассчитано по: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 04.02.2020).

Чтобы конкретизировать эту связь, посмотрим на отношение молодежи к форме брака. Сегодня в России растет доля незарегистрированных браков (табл. 11). За последние три десятилетия доля юношей и девушек, живущих в незарегистрированном браке, увеличилась более чем в 10 раз. Как показал авторский опрос, 50,7% молодежи не замужем/неженаты, 36,0% семейные, 11,3% состоят в гражданском браке, 2,0% респондентов разведены.

Таблица 11

Динамика незарегистрированных браков российской молодежи по году вступления в брак, % по полу*

Год вступления в брак	Девушки	Юноши
До 1990	—	1,2
1990–1994	3,2	4,8
1995–1999	7,1	9,0
2000–2004	8,4	10,7
2005–2009	13,4	14,2
2010–2014	20,8	24,3
2015–2017	40,6	41,3

*Рассчитано по: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 04.02.2020).

Это соотносится с общероссийскими данными (табл. 12): 38,6% замужних девушек до 25 лет и 46,7% семейных юношей этого возраста живут в незарегистрированном браке. В возрасте старше 25 лет таковых меньше – соответственно 20 и 22,3%.

Таблица 12

Доля российской семейной молодежи, состоящей в незарегистрированном браке, % по полу*

Возраст	Девушки	Юноши
До 25	38,6	46,7
25–29	20,0	22,3

*Рассчитано по: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 04.02.2020).

Причем в первой возрастной когорте у 84,3% девушек и 59,3% юношей это не первый брак (табл. 13). Среди 25–29-летних таковых меньше – 58,4 и 49,9% соответственно.

Таблица 13

Доля российской семейной молодежи, состоящей в незарегистрированном браке, в зависимости от возраста и очередности брака, % по полу*

Возраст	Девушки		Юноши	
	первый брак	не первый брак	первый брак	не первый брак
До 25	36,7	84,3	45,9	59,3
25–29	15,5	58,4	20,4	49,9

*Рассчитано по: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 04.02.2020).

По данным исследований, 16,4% девушек, состоящих в незарегистрированном браке, настроены обязательно зарегистрировать брак в будущем (табл. 14). Еще 24,4% из них хотели бы этого, 38,5% – нет. Однако в случае беременности обязательно вступят в законный брак 30,9% девушек, хотели бы этого – 25,8%, нет – 29,1%. После рождения ребенка 35,8% девушек настроены зарегистрировать брак, 19,5% рассчитывают на это и 28,9% – нет.

Таблица 14

Намерение российских девушек, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его, % к опрошенным*

Условия намерения зарегистрировать брак	Обязательно	Желательно	Нет	Трудно сказать
При отсутствии беременности	16,4	24,4	38,5	20,7
В случае беременности до рождения ребенка	30,9	25,8	29,1	14,1
После рождения ребенка	35,8	19,5	28,9	15,8

*Рассчитано по: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 04.02.2020).

Настроены обязательно зарегистрировать брак в будущем 18,1% юношей, состоящих в незарегистрированном браке (табл. 15). Еще 21,6% из них хотели бы этого, 41,7% – нет. Однако в случае беременности девушек обязательно зарегистрируют брак 31,8% юношей, хотели бы этого 21,7%, нет – 13,2%. После рождения ребенка 38,0% юношей намерены обязательно зарегистрировать брак, 14,5% рассчитывают на это и 14,4% – нет.

Таблица 15

**Намерение российских юношей, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его,
% к опрошенным***

Условия намерения зарегистрировать брак	Обязательно	Желательно	Нет	Трудно сказать
При отсутствии беременности	18,1	21,6	41,7	18,5
В случае беременности до рождения ребенка	31,8	21,7	33,3	13,2
После рождения ребенка	38,0	14,5	33,1	14,4

*Рассчитано по: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 04.02.2020).

Большинство опрошенных указали, что они заводили ребенка по взаимному решению (табл. 16). Среди семейных таковых 39,5%, среди внесемейных – 29,0%. Это демонстрирует традиционность репродуктивных установок современной молодежи. При этом 4,0% молодых людей указали, что рассматривали ребенка как инструмент для удержания около

себя любимого человека. Таковых также больше среди семейной молодежи. Холостые и незамужние саратовцы чаще настаивали на том, что это – прерогатива жены. Многочисленные исследования³², посвященные семье, подтвердили то, что ответственность за рождение ребенка и его воспитание чаще всего ложится на женщин.

Таблица 16

Влияние семейного положения саратовской молодежи на мотивы рождения ребенка, % к опрошенным

Основной мотив для решения завести ребенка	Семейное положение					Итого
	незамужем / неженат	семейные	в гражданском браке	вдовы	разведенные	
Обоюдное желание обеих сторон	29,0	39,5	9,7	0,8	0,8	79,8
Желание мужа	–	1,6	–	–	–	1,6
Желание жены	3,2	1,6	0,8	0,8	1,6	8,1
Необходимость (возраст)	0,9	1,6	–	–	0,8	3,2
Желание удержать любимого человека	0,8	2,4	–	–	0,8	4,0
Случайность	0,8	0,9	0,8	0,0	–	2,5
Ребенок – дар Бога	–	0,8	0,0	0,0	0,0	0,8
По выборке	34,7	48,4	11,3	1,6	4,0	100,0

На тезис «ребенок – цель моей жизни» указали все овдовевшие, 80,0% разведенных, 78,6% состоящих в гражданском браке, 60,0% замужних/женатых, 51,2% незамужних/неженатых. Вариант «ребенок выступает в качестве ценности жизни» отметили 18,6% незамужних/неженатых, 14,3% состоящих в гражданском браке, 13,3% замужних молодых людей; «ребенок – способ сохранить семью» выбрали 20,0% разведенных, 15,0% семейных, 9,3% внесемейных молодых людей, 7,1% состоящих в браке. Следующими по популярности были ответы: «ребенок – репродуктивная функция женщины». Его отметили 14,0% молодежи вне брака, 3,3% семейных; «ребенок – способ создать семью» – 7,0% внебрачной молодежи, 1,7% семейных; «ребенок – способ удержать любимого человека» – 5,0% семейных, 1,7% внесемейной молодежи. Отсюда вытекает вывод, что чем стабильнее семейное

положение молодежи, тем чаще проявление традиционных мотивов установки на детность по обоюдному желанию супругов.

В социальный опыт, влияющий на молодежные ориентации в контексте численности детей, входят и практики жизнедеятельности в родительской семье. Всероссийский опрос показал, что среди девушек, выросших в одиночестве, без братьев и сестер, среднее желаемое число детей – 1,84, среднее ожидаемое – 1,56 (табл. 17), среди юношей соответственно 1,79 и 1,57. Среди девушек, имеющих одного брата или сестру эти показатели выше – соответственно 2,12 и 1,84, среди юношей – 2,12 и 1,85. Если же в семье молодых людей было трое детей, то и их репродуктивные установки выше: среди девушек соответственно 2,34 и 2,06, а среди юношей – 2,30 и 2,00.

Однако даже среди выросших в многодетных семьях (4–5 детей) среднее количество желаемых

Таблица 17

Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от числа детей, рожденных в родительской семье*

Число детей в родительской семье респондента	Девушки		Юноши	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
Один	1,84	1,56	1,79	1,57
Двое	2,12	1,84	2,12	1,85
Трое	2,34	2,06	2,30	2,00
Четверо	2,63	2,35	2,57	2,21
Пятеро и более	2,88	2,60	2,76	2,38

*Рассчитано по: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 04.02.2020).

и ожидаемых детей не дотягивает до 3. Чем больше детей было у родителей, тем больше желаемых и ожидаемых детей у молодежи, но в максимальных пределах 2–3 детей. Иными словами, установки на многодетность родителей не передаются детям в том же объеме. Молодежь транслирует их в рамках преимущественно малодетности. К тому же большинству детной молодежи (59%) родители помогали в воспитании детей. Зачастую чем больше помощи от родителей, тем большего смогут добиться их дети, тем свободнее они себя чувствуют в своих репродуктивных намерениях.

Подводя итог, можно сказать, что на репродуктивные установки молодежи самое большое влияние оказывают социально-демографические факторы – возраст и пол. По мере взросления увеличивается допустимый срок появления первенца, увеличивается реальное количество детей, возрастает социальная ответственность за появление ребенка, сильнее проявляется установка на то, что это выступает залогом личного и семейного счастья. Впрочем, последнее не является доминантой мнения молодежи. Анализ гендерного влияния показал, что решение вопросов желаемого количества детей, дистанции между их рождением, контрацепция, ответственность за беременность асимметрично перекладывается преимущественно на девушек.

Семейный статус молодежи также выступает важным, но неоднозначным фактором репродукции. Наличие факта регистрации брака не считается сегодня необходимым условием репродуктивных установок и практик, что провоцирует увеличение уровня внебрачной рождаемости. Однако чем стабильнее семейное положение молодежи, тем чаще проявление традиционных мотивов установки на детность по обоюдному желанию супругов. Репродуктивные установки родителей значимо влияют на такие установки выросших детей. Чем больше детей было у родителей, тем больше желаемых и ожидаемых детей у молодежи, но в максимальных пределах двое–трое детей. Молодежь транслирует их в рамках преимущественно малодетности. Однако

и в этом случае важную роль в репродуктивных практиках молодежи играет ожидаемая и реализуемая помощь старшего поколения в уходе и воспитании детей.

Примечания

- 1 См.: Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России : что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21, № 1. С. 145–187.
- 2 См.: Назарова И. Б., Зеленская М. П. Исследование репродуктивных установок студенческой молодежи (обзорная статья) // Россия : тенденции и перспективы развития : ежегодник / отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 12. М. : ИНИОН РАН, 2017. Ч. 3. С. 523–525.
- 3 См.: Борисов В. А. Депопуляция в России : причины и следствия, пути преодоления // Демографические процессы и семейная политика : региональные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Липецк, 28–30 сентября 1999 г.) / отв. ред. А. И. Антонов, В. М. Медков. М. : [б. и.], 1999. С. 72–79.
- 4 См.: Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи : сб. ст. / под ред. А. Г. Волкова. М. : Статистика, 1979. С. 85–125.
- 5 См.: Кваша А. Я. Что такое демография. М. : Мысль, 1993.
- 6 См.: Народонаселение стран мира : справочник / под ред. Б. Ц. Урланиса, В. А. Борисова. 3-е изд., перераб., доп. М. : Финансы и статистика, 1984.
- 7 См.: Население России 2012. Восьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М. : Изд. дом ВШЭ, 2013.
- 8 См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, №1. С. 6–33.
- 9 См.: Пациорковский В. В. Актуальные вопросы повышения рождаемости // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 1. С. 31–47.
- 10 См.: Вишневский А. Г., Щербакова Е. М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-48-70>

- ¹¹ См.: Гудкова Т. Б. Концептуализация второго демографического перехода : эвристический потенциал и ограничения теории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 124–136. <https://doi.org/10.17223/1998863X/43/12>
- ¹² См.: Зверева Н. В. Демографический переход : спор о теориях разного уровня // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 1. С. 6–23.
- ¹³ См.: Клунт М. А. Население и прокреация // Семья в России и Китае : процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой, Аньци Сюй. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 15–29.
- ¹⁴ См.: Антонов А. И. Социология рождаемости : Теоретические и методологические проблемы. М. : Статистика, 1980.
- ¹⁵ См.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М. : Статистика, 2015.
- ¹⁶ См.: Актуальные проблемы родительства в России / отв. ред. Т. А. Гурко. М. : Ин-т социологии РАН, 2013. 209 с. 1 CD-ROM (1.99 МБ).
- ¹⁷ См.: Елисеева И. И. Рождения и нерождения // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 204–223. <https://doi.org/10.25990/socmstras.pss-10.g1cq-yc02>
- ¹⁸ См.: Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г. Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения // Народонаселение. 2019. Т. 21, № 2. С. 18–33.
- ¹⁹ См.: Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М. : Изд-во МГУ, 2014.
- ²⁰ См.: Синельников А. Б. Семья и брак : кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>
- ²¹ См.: Бодрова В. В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Социс. Социологические исследования. 2012. № 6. С. 96–102.
- ²² См.: Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Указ. соч.
- ²³ См.: Зинурова Р. И., Миронова Ю. Г. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // Социс. Социологические исследования. № 3. 2015. С. 54–98.
- ²⁴ См.: Беляева М. А. Воспитание репродуктивной культуры молодежи : культурологический аспект // Педагогическое образование в России. 2011. № 1. С. 77–85.
- ²⁵ См.: Волченкова Е. В. Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 21–25.
- ²⁶ См.: Попов Н. М., Гайнутдинова И. А., Гильманова Д. Х. Репродуктивные установки современной молодежи // Modern Science. 2019. № 12–2. С. 124–127.
- ²⁷ См.: Выборочное всероссийское наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm (дата обращения: 04.02.2020).
- ²⁸ См.: Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Шульгин С. Г. Указ. соч.
- ²⁹ См.: Попова Н. М., Гайнутдинова И. А., Гильманова Д. Х. Указ. соч.
- ³⁰ См.: Ровина Е. В., Ефимова Г. З. Репродуктивные установки современной молодежи // «Научное сообщество студентов XXI столетия». Общественные науки : материалы XIII студенческой междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 29 октября 2013 г.). Новосибирск : Изд-во «СибАК», 2013. С. 61–67.
- ³¹ См.: Сучков А. Н. Репродуктивные установки в студенческой среде (по материалам социологического исследования) // Высшее образование в России. 2014. № 10. С. 44–49.
- ³² См.: Дементьева И. Ф. Семья в системе стартовых жизненных условий старшеклассников // Социс. Социологические исследования. 1995. № 6. С. 134.

Поступила в редакцию 10.02.2021, после рецензирования 18.03.2021, принята к публикации 20.05.2021

Received 10.02.2021, revised 18.03.2021, accepted 20.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 390–394

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 390–394

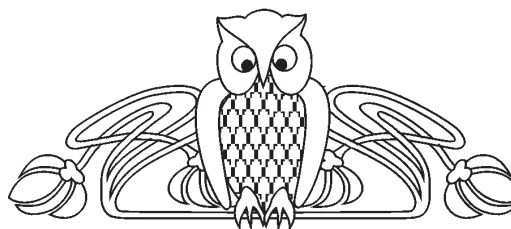
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-390-394>

Научная статья

УДК 316.73+316.77

О коммуникативной природе электронной культуры

О. Ю. Голуб

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Ольга Юрьевна, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций, goloub@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6280-9011>

Аннотация. Интернет, как глобальный канал коммуникации, выступает фактором, системно трансформирующим всю социальную действительность. Цифровизация практически всех сфер жизни, виртуализация коммуникаций и расширение сетевых взаимодействий приводят к глубоким изменениям в общественном устройстве, социальных институтах, социокультурных механизмах функционирования общества, пересмотру этических и правовых норм. Трансформационные перемены масштабного социокультурного контекста порождают новый тип культуры. В статье дается теоретико-методологическое обоснование феномена современной электронной культуры в традициях коммуникационного подхода. Автором делается вывод об обусловленности формирования культуры цифрового мира через все виды коммуникации, позволяющие осуществлять социально-культурные взаимодействия индивидов и социальных общностей.

Ключевые слова: коммуникативистика, виртуальная коммуникация, социальные сети, электронная культура

Для цитирования: Голуб О. Ю. О коммуникативной природе электронной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 390–394. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-390-394>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the communicative nature of electronic culture

O. Yu. Golub

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Golub, goloub@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6280-9011>

Abstract. The Internet, as the global communication channel, is a factor systemically transforming all social reality. Digitalization of almost all spheres of life, communications virtualization and the expansion of network interactions lead to deep changes in the social structure, social institutions, sociocultural mechanisms for the functioning of society and revising ethical and legal norms. Transformation changes of a large-scale sociocultural context generate a new type of culture. The article gives the theoretical and methodological substantiation of the phenomenon of modern electronic culture within the communication approach. It is concluded that the formation of digital world culture is conditioned by all types of communication, allowing for the social and cultural interactions of individuals and social communities.

Keywords: communication, virtual communication, social networks, electronic culture

For citation: Golub O. Yu. On the communicative nature of electronic culture. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 390–394 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-390-394>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Перенос значительной части социальных коммуникаций в интернет-пространство стимулирует развитие новых моделей поведения, видов социальных практик, формирование новых ролей, статусов, идентичностей, что, по сути, означает формирование культуры нового типа. В последнее время в социогуманитарной науке феномен информатизации культуры изучается весьма активно. Истоки подобного интереса заложены теориями информационного

общества Й. Масуды, Д. Бэлла, А. Тоффлера, М. Маклюэна, М. Кастельса, Дж. Нейсбита и др. Анализ процессов социокультурного развития общества и человека в эпоху высоких технологий Ю. Хабермаса, Н. Лумана, У. Бека, Р. Барта, П. Бурдьё был продолжен в трудах Ж. Бодрийяра, М. Хайма, Б. Жира и других, предложивших новые методологические подходы к изучению проблемы развития виртуальной реальности и культуры.

В современной западной и отечественной литературе для описания происходящих изменений и феноменов, возникающих на основе информационных технологий, используются близкие, но, на наш взгляд, не тождественные понятия, такие как информационно-коммуникационная культура, цифровая культура, киберкультура, интернет-культура, виртуальная культура, электронная культура и др. Сравнительно-сопоставительный анализ этих терминов осуществлен Л. В. Баевой. Разделяя ее позицию относительно понятия электронной культуры как более объемного по отношению ко всем другим¹, отметим, что содержание этого термина вбирает не только собственно информационные технологии, информационные программы, обеспечение, формы защиты информации, но и аналоги существующих реальных объектов, Интернет, электронные формы коммуникации, социальные сети, цифровую экономику, платформы для дистанционного образования; цифровые реконструкции объектов культурного наследия; компьютерные игры; электронные СМИ; электронное искусство; электронные архивы, библиотеки, другие феномены и процессы информационной эпохи. Л. В. Баева определяет электронную культуру как «совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения инноваций, информатизации, характеризующихся созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, дистанционной технологией»², призванную обеспечить индивиду новые формы существования – «без жестких границ между внешним и внутренним, творчеством и потреблением, уникальным и программируемым»³.

К настоящему времени в науке сложились методологические подходы к исследованию электронной культуры: технико-технологический, культурно-архивный, стадийный, креативно-онтологический, коммуникационный, медиа-лингвистический, экзистенциально-аксиологический, в традициях которых изучаются ее природа, структура и функциональные проявления⁴. Автор настоящей публикации разделяет коммуникационный подход, связанный с пониманием современной электронной культуры как вида социальной связи на основе направленной передачи информации, позволяющего осуществлять социально-культурные взаимодействия индивидов и социальных общностей. Культура любого типа развивается через все виды коммуникации. Сетевое общество, о котором писал М. Кастельс, на основе плотной сети коммуникаций посредством компьютерных и мобильных систем обеспечивает небывалый уровень синхронизации, приводящей к изменениям ценностей, принципов, норм, этики коммуникаций и в конечном итоге формированию нового типа культуры. Главная задача электронной этики, сформулированная еще Н. Винером, заключается в конкретизации моральных норм с

целью регулирования человеческого поведения в сфере создания и использования информационно-компьютерных технологий.

В современной коммуникативистике сложилось общее представление об этических принципах коммуникаций. К их числу относят: осмысленность коммуникаций; эффективность использования различных каналов информации; внимательное восприятие не только вербальных, но и невербальных сообщений партнера по коммуникации, сопричастность его эмоциям, переживаниям; активное слушание с ориентацией на партнера; трансляция корректной информации⁵. Наблюдая процессы, протекающие в социальных сетях, мессенджерах, чатах, форумах, электронной почте, пока нельзя однозначно сказать, востребованы ли и в какой мере данные принципы в современном коммуникативном пространстве. Дезинформация, открытый доступ запрещенной информации, различные формы манипулирования сознанием, нарушения авторских прав и плагиат, передача личных данных третьим лицам, оскорбление достоинства, использование ненормативной лексики, эпатаж, троллинг, взлом чужих аккаунтов, спам, интолерантное отношение и прочее становятся достаточно распространенными явлениями. Очевидно, что подобного рода проблемы лежат не только в плоскости соблюдения этических норм, но и в поле правового регулирования.

Формирование электронной культуры сопровождается следующими процессами. Во-первых, с одной стороны, она предоставляет человеку новые познавательные, образовательные, коммуникативные, рекреационные возможности, а с другой – усиливаются стандартизация, унифицированность, усредненность, выравнивание, обезличивание, когда все похоже на всех. Все это неминуемо приводит к потере многообразия, изменению содержания и формы современной культуры. Во-вторых, электронная культура наполняется не только и не столько за счет модернизации реальной культуры, сколько благодаря появлению собственных элементов, существование которых возможно исключительно в уникальной виртуальной среде: массовости, индивидуализации, расширению творческого пространства, антииерархичности, сюрреальности, доминированию импровизационного начала над организованным, поликонтекстности, анонимности. В-третьих, порождение феномена клиповой эстетики и клипового сознания. Разорванная, фрагментированная частичная реальность клипа превращает его в базовую модель формирования стратегий восприятия, оценивания и действия. «Дефицит реальности» вынуждает производить симулирующие ее формы – достаточно краткие, чтобы обеспечить непрерывную циркуляцию образов, остановка в череде которых была бы вторжением реаль-

ного, чего стремятся избежать любыми способами. Новый тип визуальности, порождаемый автономной и самодостаточной логикой функционирования образов, генерирует новые схемы восприятия, трансформирующие саму действительность⁶. В-четвертых, многообразие виртуальных форм досуга и развлечений приводит к увеличению количества и качества рекреационных услуг, превращению гедонизма в идеологический код современной культуры. По мнению Т. Д. Лопатинской, понятие «гедонизм» стало относиться к кодовым, весьма эффективно воздействующим на сознание каждого конкретного индивида и все общество в целом. Она пишет о том, что благодаря своей убедительности и силе эмоционального воздействия, системности гедонистических образов и высокой частотности их повторений гедонистический код рождает у индивида устойчивую острую необходимость в эмоциональном подъеме, получении удовольствия, блаженства, провоцируя постоянную погоню за наслаждением, превращая его в самоцель каждого⁷.

Некоторые авторы, раскрывая содержание культуры как феномена, имеющего информационный базис, обращают внимание на то, что информация в этой системе сохраняется, накапливается и преобразуется с помощью создаваемых людьми знаковых средств в основном во внешней для них среде. Однако при этом упускается из виду, что информация может проявить себя только посредством коммуникации, обеспечивающей взаимодействие людей и придающей ему активный характер, побуждающий к действию⁸. Известно, социальная составляющая культуры проявляется только во взаимодействии с «другим» при помощи коммуникации и обмена информацией. Коммуникация – ключевой элемент в пространстве электронной культуры, которая предоставляет субъекту возможность получить новую степень свободы для активного коммуницирования со средой, формирования собственного мнения по поводу происходящих событий, одновременного присутствия во многих мирах, а также создания различных моделей самоидентификации. Виртуальная коммуникация на условиях равенства и всеобщности, отрицающая иерархию, преодолевающая любые – национальные, конфессиональные, территориальные и прочие – границы и различия, становится доминирующей. Человек, живущий в виртуальном пространстве, ощутивший вкус безграничной свободы выбора любых возможных форм самоопределения и самовыражения, говоря словами Ж. Бодрийера, переживает «экстаз коммуникации». Интериоризация нового содержания социальной жизни, порождаемого опосредованной коммуникацией, нарушает процессы рационального, критического осмысления и объекти-

зации. В результате виртуальная реальность воспринимается как реальность подлинная.

Становление сетевого общества за счет развития «массовой самокоммуникации» приводит к «культуре реальной виртуальности» (М. Кастельс), предоставляющей, по сравнению с культурой жизненного мира индивида с ее предписанными и весьма ригидными статусами, практически безграничные возможности для саморазвития и становления себя с иными, как правило, более высокими статусами, которые к тому же можно изменять по желанию. С. А. Кравченко обращает внимание на побочные следствия подобных процессов: сжатие мировоззренческого восприятия, в силу чего видение общественных проблем ограничено тем социальным кругом, с которым, собственно, осуществляется общение; утверждаются пассивные формы существования, не ориентированные на развитие пассионарности и не нацеленные на общественно значимые преобразования⁹. Иначе говоря, новый тип электронной культуры, реализуемый посредством информационно-коммуникативных инноваций, приводит к трансформации социально-культурной среды.

По мере расширения процессов интернетизации и роста интернет-аудитории, особенно в последние два года на фоне пандемии коронавируса в условиях самоизоляции и дистанционных форматов работы, произошел значительный рост потребления разнообразного контента в Сети. В 2020 г. Интернетом в России регулярно пользовались около 100 млн чел.¹⁰. По данным исследования компании Mediascope, за последние два года проникновение Интернета выросло на 10%, произошло это как за счет увеличения пользователей мобильного Интернета, так и роста числа интернет-пользователей старшего возраста¹¹. Разумеется, сама по себе динамика медиапотребления россиян не дает ответа на вопрос о его социальной роли в жизни пользователей. Однако очевидно, что для огромного количества людей, в первую очередь молодых, Интернет стал приоритетным инструментом познания и одновременно образом жизни в значительной степени за счет пользования социальными сетями и мессенджерами, выполняющими значимую коммуникативную функцию установления и поддержания контактов, обмена информацией. По данным опроса, проведенного Фондом общественного мнения (ФОМ) в марте 2021 г., какими-либо социальными сетями или мессенджерами пользуются две трети россиян¹².

Привлекательным отличием сетевой коммуникации от непосредственного общения является то, что такой коммуникационный контакт по желанию пользователя может стать доступным неограниченному количеству адре-

сатов, следовательно, коммуникация становится принципиально публичной. Массовым видом повседневных интернет-практик становится коммуникация ради коммуницирования, гонка за новыми формами разнообразной коммуникации, обмен «бессмысленными смыслами», что, на первый взгляд, выглядит как торжество информационно-коммуникационной революции. Такое поведение влечет неоднородные последствия. Результаты многочисленных исследований социологов, психологов, медиков свидетельствуют, что в последнее время вполне отчетливо обозначается тенденция неконтролируемого процесса техногенного порабощения и усиления манипуляционного воздействия виртуальных практик на сознание людей. В первую очередь, подобным информационным манипуляциям подвергается молодежь из-за постоянного присутствия в Интернете и социальных сетях, высокой коммуникативной потребности, сублимационной самопрезентации, простоты материальных запросов и возрастных психологических особенностей (негативизма, максимализма, немотивированной активности, потребности в причастности и лидерстве)¹³. В итоге молодые люди начинают испытывать сложности с формированием абстрактного мышления, невозможность концентрации внимания, недолговечность запоминания информации. «Цифровой туман» – термин, в последнее время получающий распространение, – описывает ситуацию стресса в условиях глубокого погружения в виртуальный мир.

Одним из элементов новой электронной культуры является интернет-мем. В научном дискурсе интернет-мем подвергается активному изучению в различных аспектах: как социокультурный, лингвистический феномен, вид искусства; средство современной коммуникации (в том числе маркетинговой и политической); средство манипулирования общественным сознанием; оружие информационной войны и др. Многие авторы отмечают, что благодаря своим главным характеристикам – вирусности, эмоциональности, серийности, минималистичности, актуальности – мем направлен прежде всего на комическое переосмысление действительности, что приводит к имитации коммуникации, иллюзии двусторонней коммуникации. С распространением практики создания в сетевых сообществах мемов и фреймов, заставляющих молодых людей совершать конкретные действия, некоторые исследователи связывают реальную опасность манипуляции сознанием, рассматривают мемы как опасное для социума явление. На первый взгляд, безобидное явление может послужить основанием не только для административного, но и для уголовного преследования. В. М. Беренкова выделяет характеристики мемов, которые могут стать

основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 282 УК РФ. К ним она относит: непристойное содержание; наличие злого умысла и подстрекательский характер; открытый доступ для общественности, публичный характер; умышленную дискредитацию лица или группы лиц в глазах общественности¹⁴.

Чрезвычайно высокая скорость распространения интернет-мемов может использоваться для дестабилизации внутреннего положения в стране. В частности, А. Ф. Невоструева напоминает о примерах разнообразных «цветных» революций последних десятилетий, подтверждающих это предположение. Она пишет о том, что «репликаторами», копирующими и распространяющими такие мемы, в большинстве случаев выступали и выступают представители внесистемной оппозиции. Кроме того, подобные приемы широко используются в современном сетевом маркетинге, за что такие сетевые структуры подвергаются аргументированной критике¹⁵.

Потоки информационного мусора и манипуляций формируют дезориентирующее пространство, в котором представлены все информационные патологии и их последствия – от информационно-психологических войн до откровенных девиаций¹⁶. Мониторинг общественного мнения, регулярно проводимый авторитетными социологическими центрами по проблемам влияния Интернета и социальных сетей на общество, фиксирует изменение настроения россиян относительно регулирования интернет-контента. Так, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного в апреле 2021 г., 54% россиян считают, что развитие информационного пространства, объединяющего весь мир, идет на пользу нашему обществу. На вопрос о том, какую информацию нужно ограничить в Интернете, 91% респондентов ответили, что нужно ограничивать информацию об оружии, взрывчатых веществах и их производстве из подручных материалов; столько же респондентов (91%) выступают за ограничение информации, содержащей призывы к вступлению в радикальные, экстремистские группировки и движения; о необходимости ограничить призывы к вступлению в религиозные секты высказались 89%, информацию о самоубийствах – 88%, порнографические материалы – 84%, сцены насилия, агрессии и жестокости в видео/компьютерных играх – 82%. Большинство (78%) наших соотечественников согласны, что бороться с подобной информацией в Интернете необходимо, так как сокращение ее объема уменьшает угрозы для населения. В целом 65% опрошенных вполне позитивно относятся к цензуре, не воспринимая регулирование Интернета как ущемление своей личной свободы¹⁷.

Результаты опроса ФОМ оценки уровня развития информационных технологий, опубликованные 7 апреля 2021 г., показывают, что 64% интернет-пользователей испытывают беспокойство по поводу конфиденциальности персональных данных в Интернете. Чаще всего люди боятся, «что деньги украдут» или «долги повесят», а также «махинаций и мошенничества», «утечки информации обо мне и близких». Половина россиян, например, одобрительно отзываются о законе, согласно которому производители электронных устройств теперь обязаны предустанавливать на них российские программы¹⁸.

Очевидно, что новое сетевое пространство коммуникаций порождает потребность выработки новых норм и правил, позволяющих осуществлять социальный контроль в новом культурном пространстве. Деятельность по удовлетворению такой потребности должна осуществляться комплексно, ибо она затрагивает три измерения: социальное, духовное и правовое. Общество предъявляет запрос на создание системы регулирования интернет-коммуникаций не только на этическом уровне, но и его перевод в правовую плоскость.

Содержание и последствия социокультурных трансформаций, происходящих в условиях и под влиянием повсеместного распространения Интернета и других информационно-коммуникационных технологий, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении. Вследствие мозаичности электронной культуры, освоения новых виртуальных практик коммуникации, темпа и ритма жизни, заданных информационным обществом, модель поведения современного человека трансформировалась. Ресурсами личности становятся ее креативность, гибкость и системность мышления, умение принимать решения в условиях неопределенности и дефицита времени, способность овладевать навыками пользования постоянно обновляющимися коммуникативными технологиями. Возникает новая коммуникативная ситуация, в которой виртуальность – органичная культурная среда, обладающая большей ценностью и притягательностью, нежели реальные жизненные процессы.

Примечания

¹ См.: Баева Л. В. Развитие системы электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания // *Философские науки*. 2018. № 6. С. 88–89.

- ² Баева Л. В. Информационная эпоха : метаморфозы классических ценностей. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2008. С. 29.
- ³ Баева Л. В. Информационная этика в условиях развития электронной культуры // *Информационное общество*. 2020. № 6. С. 37.
- ⁴ См.: Баева Л. В. Развитие системы электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания.
- ⁵ См.: Социальные коммуникации в информационном мире : от этики к праву / О. Ю. Голуб, С. Н. Коневцев, Д. С. Артамонов [и др.]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. С. 26–27.
- ⁶ См.: Ахметова Д. И. Виртуальный способ существования культуры // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2011. № 2 (1). С. 372.
- ⁷ См.: Лопатинская Т. Д. Виртуализация современной культуры и ее феноменов // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 4. С. 37.
- ⁸ См.: Невоструева А. Ф. Культура в системе современного информационно-коммуникационного пространства // *Общество : социология, психология, педагогика*. 2018. № 8 (52). С. 36. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.8.6>
- ⁹ См.: Кравченко С. А. Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале : изменения в характере коммуникаций // *Коммуникология*. 2020. Т. 8, № 3. С. 17. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-3-15-28>
- ¹⁰ См.: В Минэкономсвязи назвали число пользователей интернета в России // *Газета.RU* : [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2020/08/30/n_14866939.shtml (дата обращения: 13.04.2021).
- ¹¹ См.: Mediascope расширила измерения мобильного интернета до всей России // *Исследовательская компания Mediascope* : [сайт]. URL: <https://mediascope.net/news/1067271/> (дата обращения: 13.04.2021).
- ¹² См.: Социальные сети и мессенджеры : Какими социальными сетями и мессенджерами пользуются россияне? // *ФОМ* : [сайт]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555> (дата обращения: 13.04.2021).
- ¹³ См., например: Шаповалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // *Социс. Социологические исследования*. 2015. № 4. С. 150.
- ¹⁴ См.: Беренкова В. М. Интернет-мемы как основание для уголовного преследования // *Эпомен*. 2020. № 41. С. 231–232.
- ¹⁵ См.: Невоструева А. Ф. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁶ См.: Шаповалова И. С. Указ. соч. С. 151.
- ¹⁷ См.: Интернет : возможности или угрозы? // *ВЦИОМ* : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-vozmozhnosti-ili-ugrozy> (дата обращения 15.04.2021).
- ¹⁸ См.: Информационные технологии : Оценка уровня развития инфотехнологий. Отношение к предустановке российских программ // *ФОМ* : [сайт]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14561> (дата обращения 15.04.2021).

Поступила в редакцию 29.06.2021, после рецензирования 23.08.2021, принята к публикации 30.08.2021

Received 29.06.2021, revised 23.08.2021, accepted 30.08.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 395–402

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 395–402

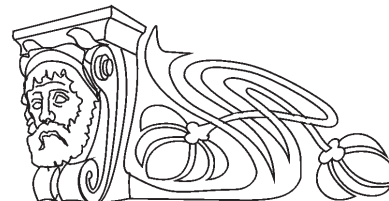
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402>

Научная статья

УДК 316.2

Место и роль научного знания в современном обществе риска и травмы: анализ концепций современных российских социологов

М. С. Ивченкова

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Аннотация. В статье автор обращается к работам О. Н. Яницкого, Ж. Т. Тощенко и С. А. Кравченко, в фокусе которых находится концептуализация социальных процессов в мире в целом и современной России в частности. Цель статьи – выявление общих и специфичных взглядов современных российских социологов на определение роли и места научного знания в развитии российского социума. Значимость научного знания в политическом процессе (О. Н. Яницкий), в процессе разработки и реализации национальной стратегии развития страны (Ж. Т. Тощенко) и, в самом общем смысле, на уровне социальной динамики (С. А. Кравченко) не вызывает полемики. Все три автора сходятся во мнении, что прогрессивное развитие общества во многом определяется развитостью института науки. Ж. Т. Тощенко обращает наше внимание на важную роль научного знания в травматическом социуме в самом широком смысле. О. Н. Яницкий демонстрирует конкретные механизмы производства социально-научного знания и включения его в политические процессы. С. А. Кравченко фокусируется на осмыслении новых качеств, новых путей становления ученого и эксперта в обществе риска и травмы.

Ключевые слова: научное знание, экспертное знание, общество риска, общество травмы, современные социологические теории

Для цитирования: Ивченкова М. С. Место и роль научного знания в современном обществе риска и травмы: анализ концепций современных российских социологов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 395–402. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The place and role of scientific knowledge in risk and trauma society: The analysis of modern Russian sociologists' concepts

M. S. Ivchenkova

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, korpus 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia

Maria S. Ivchenkova, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Abstract. The article refers to the works of O. N. Yanitskiy, Zh. T. Toschenko and S. A. Kravchenko that are focused on modern world social processes, particularly in modern Russia. The purpose of the article is to identify the general and specific views of modern Russian sociologists on the role of scientific knowledge in developing Russian society. The importance of scientific knowledge in the political processes (O. N. Yanitskiy), in the process of developing and implementing the national government strategy (Zh. T. Toshchenko) and, in the most general sense, at the level of social dynamics (S. A. Kravchenko) is out of question. All three authors agree that the progressive development of society is largely determined by the development of the institute of science. Zh. T. Toshchenko highlights the important role of scientific knowledge in trauma society. O. N. Yanitskiy shows specific mechanisms for the production of social and scientific knowledge and its inclusion in political processes. S. A. Kravchenko focuses on comprehending new qualities and new ways of becoming a scientist and an expert in risk and trauma society.

Keywords: scientific knowledge, expert knowledge, risk society, trauma society, modern sociological theories

For citation: Ivchenkova M. S. The place and role of scientific knowledge in risk and trauma society: The analysis of modern Russian sociologists' concepts. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 395–402 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-395-402>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Размышляя о современном мире, вспоминаются понятия, плотно вошедшие не только в научный оборот, но и в повседневный лексикон, – глобализация, модернизация, информатизация, диджитализация. В научном сообществе общественно-гуманитарных дисциплин эти понятия активно обсуждаются, изучаются, осмысливаются последние полсотни лет.

Стремительное развитие производства и технологический прогресс, начавшаяся гонка вооружений мировых держав СССР и США во второй половине XX в. заложили тренд востребованности научного знания на многие десятилетия вперед. В 1960-е гг. наука становится нематериальным активом государства, происходит ее популяризация, а профессия ученого уже является массовой. Ввиду высокой социальной значимости наука выступает предметом изучения социологов, и начинает активно развиваться такое направление, как социология научного знания. Изучаются природа научного знания, способы его производства, его институциональное взаимодействие. Научное знание становится драйвером прогресса. С развитием технологий, проникших во все без исключения сферы социума, начала формироваться новая реальность – реальность постиндустриальная, где ключевым элементом стало не просто научное знание, а информация в самом широком понимании.

Серьезные трансформационные процессы и возникновение совершенно нового типа общества – общества информационного – сформировали запрос на новые формы научного знания, более адаптивного для широкого практического применения. В 1970-е гг. под влиянием работ Т. Куна наука начала трактоваться и восприниматься как процесс социального производства нового знания, теоретические концепции и эмпирические исследования научной деятельности стали акцентироваться на социальную составляющую научного знания¹.

Высокая скорость технологического развития дала почву для рефлексии социально-гуманитарных ученых касательно последствий прогресса для человечества. Появились концепции информационного и сетевого общества (Ян ван Дейк, М. Кастельс), общества риска (У. Бек, Н. Луман), текучего общества (З. Бауман), цифрового общества (В. Моско). Теоретическое осмысление различных социальных процессов современного социума заинтересовало и российских социологов. Ж. Т. Тощенко предложил теорию общества травмы с диагностикой социальных реалий России. С. А. Кравченко посвящает свои научные труды вопросам социальной динамики в обществе рисков, вводя в научный оборот понятие метаморфотизации как особого типа социального развития. О. Н. Яницкий как основатель российской экосоциологии обращается к концепции общества риска для понимания

и интерпретации происходящих в российском социуме трансформаций. Особое место в этих теориях занимает осмысление места и роли науки, социальной и гуманистической составляющей знания в социальном процессе, а также связи науки и общества.

В данной работе мы обратимся к работам О. Н. Яницкого, Ж. Т. Тощенко и С. А. Кравченко, в фокусе которых находится концептуализация социальных процессов в мире в целом и современной России в частности. Целью ставим выявление общих и специфичных взглядов этих социологов на определение роли и места научного знания в развитии российского социума.

Осмысляя концепции зарубежных ученых, посвященных исследованиям социальных рисков, О. Н. Яницкий выдвинул свою собственную идею общества риска применительно к постсоветской России². Он определил набор измерений и, основываясь на логике концепции У. Бека, представил модель российского рискогенного общества. Яницкий придерживался представлений У. Бека о том, что современный социум постоянно производит новые риски, причем производство рисков носит «эффект бумеранга», когда и тот, кто производит риск (высшие слои), и те, кто оказывается в зоне риска (нижние слои), лишаются полной безопасности, предсказуемости и линейности последствий социальных процессов³.

Яницкий принимает за норму факт производства рисков, но говорит о двойственности этого общественного производства, вследствие которого могут образоваться «два качественно различных типа переходного общества: созидательный и разрушительный»⁴. Первый тип при производстве активов и рисков использует человеческий капитал, возможности институтов гражданского общества и «креативный потенциал и ресурсы», в результате чего в обществе созидательного (креативного) типа наблюдается позитивная динамика развития. Разрушительный тип общества, наоборот, обесценивает творческий потенциал имеющихся ресурсов, что ведет к демодернизации социума, кроме того, такие «общества становятся периферией глобального социетального пространства или могут вообще исчезнуть с исторической арены»⁵.

Поэтапно анализируя стратегический вектор политики, способы общественного производства рисков, социальный порядок, социальную структуру, социальную среду и социальную динамику, Яницкий делает вывод о том, что постсоветская Россия начала 2000-х гг. тяготеет к практикам разрушительного типа рискогенного общества. Он акцентирует внимание на деструктивных практиках, складывающихся в обществе, но в то же время дает рекомендации по нивелированию рисков и обращению к стратегии креативного развития.

Одним из «слабых мест» российского социума является отсутствие долгосрочной национальной стратегии, «согласованного проекта будущего». Главной целью, определяющей политику государства в целом, является выживание и перераспределение ресурсов, что автоматически снимает ответственность за участие в политическом процессе населения и, следовательно, развитие институтов сдержек и противовесов власти. Таким образом, политика все чаще становится не полем для поиска консенсуса между властью и обществом, а местом агрессивной борьбы за ресурсы.

Проблему рискогенности российского общества Яницкий видит в тренде на «всеобщую тенизацию» – преобладание неформальных договорных отношений над институционализированными практиками. Теневые и коррупционные отношения из экономики проникают во все сферы, блокируя развитие и институционализацию социального порядка, а также модернизацию страны. По прошествии 20 лет мы можем видеть негативный эффект описанного Яницким тренда с той лишь разницей, что некоторые практики все же получили свое правовое подкрепление и сформировались в достаточно мощный институт контрольно-надзорных органов, активно функционирующий в современной России. Кроме того, было бы некорректно говорить о полной демодернизации страны. С точки зрения развития новых цифровых технологий Россия занимает лидирующие позиции в мире. В стране не только растет индивидуальное пользование Интернетом и внедряется различный софт на уровне бизнеса и государственных структур, но и формируется уникальная цифровая среда благодаря национальным цифровым платформам (Яндекс и СБЕР). Цифровизация российского социума – это тоже рискогенный процесс, вектор которого может быть направлен на креативное развитие страны, а может быть смещен в усиление контроля над гражданами и драматическое сокращение их прав и свобод.

Еще одной причиной рискогенности российского общества О. Н. Яницкий называет неспособность правящей элиты к критическому и концептуальному мышлению. Это обусловлено неразвитостью публичной политики и социально-политических институтов, таких как институционализированный лоббизм, аналитические центры («фабрики мысли»), научные сообщества, которые могут выстраивать эффективный диалог между социумом и властью для минимизации социальных рисков. О подобном диалоге научного сообщества и власти Яницкий написал в одной из последних своих работ, опубликованной уже после его кончины, «Глобализация: новые вызовы для науки»⁶. В этой статье Олег Николаевич размышляет о социальных последствиях эпидемии COVID-19 и необходимости

обращения российской власти к научному социологическому сообществу с целью получения профессионального социального знания для выработки политических решений.

В своей концепции общества риска Яницкий очень четко разделяет фундаментальную науку и «социально-научное знание». Первая для него – это социальная рискология – отрасль социологической науки, занимающейся метатеоретизированием существующих концепций общества риска и эмпирическими исследованиями рисков (адаптации к рискам, их институционализация и пр.). Значение развития рискологии как науки и ее места в современном социуме вполне традиционно – это приращение научного знания. Следует отметить, что Яницкий обращает наше внимание на важность междисциплинарности в исследовании рисков и критикует российскую науку за то, что она до сих пор развивается в монодисциплинарном ключе⁷.

Интересным для нашего исследования становится «социально-научное знание», выделяемое Яницким в отдельный тип: это уже не только научное знание в традиционном академическом виде, но знание, которое включено в политическое поле и в процесс принятия политических решений. Он также называет его «адвокативным знанием»⁸. Роль этого типа знания (в идеальной ситуации) Яницкий понимает в «двуединности его целей: достижение взаимопонимания (согласия) между конфликтующими сторонами и максимальной пользы или смягчения неизбежного вреда (риска)»⁹.

Основными характеристиками социально-научного или адвокативного знания являются, во-первых, его «социальная обусловленность». В зависимости от развитости экономики, политических и социальных институтов в политическом поле возникает запрос на аналитическую информацию, которая производится уже не только учеными, но и другими акторами процесса. Второй важный аспект адвокативного знания – его локальность. Обобщенное социально-научное знание должно быть адаптировано к условиям, событиям и культуре каждого конкретного региона. Такое знание тяготеет к субъективности, но именно оно содержит в себе местный контекст и потенциал влияния на политический процесс. Третьей ключевой особенностью адвокативного знания является способ его производства. Оно не спущено «сверху вниз» в виде директив и догм, а создается в процессе взаимодействия множества акторов – ученых, политиков, экспертов (национальных и локальных), активных граждан, журналистов и др.

Как социально-научное знание создается, О. Н. Яницкий моделирует на примере экологической политики в России¹⁰. Политика для него – это не просто линейный процесс принятия политических решений, а совокупность

взаимодействий политических акторов, которых он с некоторыми оговорками ограничивает до трех – исполнительная власть, некоммерческие организации и научное сообщество¹¹. Модель взаимодействия вышеперечисленных акторов, называемая Яницким «треугольником», предлагается как теоретическая конструкция для анализа эко-политического процесса в том или ином регионе страны. Модель эта двухфазная – «рутинная» и «мобилизационная».

В рутинной фазе власть, НКО и научное сообщество взаимодействуют между собой и с внешним политическим полем линейно, регламентированно, в соответствии с нормативно-правовыми процедурами. В рутинной фазе акторы пассивны, треугольник может «потерять» одну из сторон, если, например, научное сообщество находится под контролем власти и лишь артикулирует ее интересы, либо треугольник «растворяется», когда каждый актор занимается обслуживанием своих интересов и поддержанием жизнедеятельности собственной системы.

Мобилизационная фаза взаимодействия власти, НКО и научного сообщества подразумевает конфликтные ситуации (новый законопроект, протестные настроения среди населения) и периоды наступления широкомасштабных рисков. Треугольник в таком случае ярко вырисовывается и имеет разные углы в зависимости от расстановки сил. Здесь каждый актор ведет «борьбу за доступ к источникам ресурсов, за завоевание и обустройство своей ниши в меняющейся институциональной системе и в итоге за легитимацию себя как участника политического процесса»¹².

Идеальное состояние треугольника – это симметрия: партнерские отношения, отношения кооперации всех трех акторов и среды, в которой они взаимодействуют. Такая модель достижима только при наличии общих целей и национальной стратегии развития страны.

Какую бы модель ни принимало взаимодействие власти, НКО и научного сообщества, в этом взаимодействии производится социально-научное знание. А вот его потенциал или, как говорит Яницкий, «политическая чувствительность (реактивность)» зависит от уровня конфликтности взаимодействия всех участников, от развитости институтов. Чем выше потенциал социально-научного знания, тем выше вероятность развития общества риска (и в первую очередь развитие России) в созидательном креативном ключе.

Современный мир в понимании О. Н. Яницкого – это общество риска. Производство рисков постоянно и является неотъемлемой частью развития человечества, но производство это имеет двойственный характер. От того, какая стратегия на уровне государства будет определена, таким и будет вектор развития общества риска – созидательный (креативный) или разрушительный. Этот вектор развития, в свою очередь, определя-

ет социальную динамику, социальную структуру, социальную среду и повседневные практики, социальный порядок и способы производства. В процессах общественного взаимодействия, по Яницкому, производится социально-научное знание. Этот тип знания он отделяет от фундаментальной науки, наделяя иными характеристиками и задачами. Социально-научное знание включено в политический процесс, его язык адаптируется под внеакадемическую среду, а его главной целью становится коммуникация между властью и обществом. Именно это социально-научное знание играет значительную роль в выборе пути развития общества риска.

Жан Терентьевич Тощенко пришел к выводу, что имеющиеся концепции о развитии обществ и проходящих в них трансформаций в самом общем смысле лежат в плоскости категории прогресса. Традиционно развитие человечества интерпретировалось в двух модальностях: либо к осмыслению процессов в конкретном социуме было применимо понятие революции, либо общество развивалось эволюционно¹³. Мир в XX в. стал меняться очень быстро, масштабно и нелинейно. Социальные изменения стали многообразными и неоднозначными ни в интерпретации происходящего, ни в прогнозировании будущего. Трансформационные процессы хотя и имеют схожие черты в разных странах и, конечно, их допустимо разделить на революционные и эволюционные, но остаются государства, процессы развития которых не так однозначны. Тощенко выделяет более 50 стран, «которые не могут описываться в показателях успешности развития и находящихся длительное время в нестабильном, неустойчивом положении»¹⁴. К государствам, находящимся «в длительном деформированном состоянии», Тощенко применяет термин «общества травмы».

Общество травмы является пограничным состоянием между революционной и эволюционной модальностью, поэтому в ситуацию социальной травмы могут попадать и страны с успешной траекторией развития. Тощенко называет 6 типов обществ, базируясь на ключевых причинах возникновения социальной травмы.

К первому типу относятся страны, где декларируемые политические инициативы и реальная практика не согласованы, когда отсутствует четкая стратегия развития государства (например, Центрально-Африканская Республика, Чад, Зимбабве, Молдова). Зачастую это происходит после смены политической формации, когда новое правительство, несмотря на революционный характер изменений, не реализует провозглашенные цели и не проводит реформы, заложенные в первоначальных идеях. Второй тип общества травмы возникает в результате силового (обычно военного) изменения политического режима, осуществляемого под давлением внеш-

них сил (например, Афганистан, Ирак, Ливия, Йемен, Сирия). В этом случае травма наступает не столько от рассогласованности идеологии и практики, сколько из-за насильственного характера внедрения новых практик, далеких от исторических, культурных и других особенностей страны. Третий вид общества травмы – это государства после цветных революций (например, Украина, Грузия, Киргизия). Здесь наблюдается усиление уже имеющегося «эффекта травмы», обусловленного разнонаправленными целями групп интересов: для внешних инициаторов это геополитические цели, а для внутренних элит – это вопрос их политического влияния внутри государства. Четвертый тип общества травмы обусловлен этническими и конфессиональными противоречиями внутри социума (например, Босния и Герцеговина, Косово, Судан, Сомали, Эфиопия, Мьянма). Пятый тип возникает при неэффективном управлении государством, стихийном и планомерном развитии различных секторов экономики, деградации социальной сферы (например, Филиппины). Шестой тип общества травмы, когда государства «в результате ошибочного курса по изменению общественного строя уже более четверти века находятся в ситуации стагнации или рецессии, замерли или отступили от ранее достигнутых рубежей»¹⁵ (например, Россия, страны Восточной Европы).

Обобщая, можно привести определение Ж. Т. Тощенко: «...общество травмы – это результат длительной неопределенной, турбулентной трансформации, характеризующейся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений»¹⁶.

Ответственность за возникновение травмы и погружение общества в длительную неопределенность и стагнацию несут политические и экономические элиты, у которых нет единой стратегии развития страны, их действия рассогласованы, противоречивы и ведут к не прогнозируемым эффектам. Более того, при отсутствии четкой политической программы зачастую в обществах травмы происходит откат от результатов, которыми оно обладало до начала изменений.

О необходимости иметь национальную стратегию для прогрессивного развития общества говорит и Яницкий, но он не перекладывает всю ответственность только на элиты, а включает в процесс трансформации общественные объединения и научное сообщество.

Тощенко в своей концепции общества травмы обращается к осмыслению места и роли науки в социуме пограничной модальности. Ценность науки для него неумолима. «Забвение науки – это один из показателей травмированного общества», – пишет он¹⁷. Участие науки в процессах общественных трансформаций является одним из главных условий выхода из

состояния неопределенности и ориентации на эволюционный путь развития. Отдельно Тощенко говорит об образовании как ресурсе развития человеческого капитала. Повышение значимости и влияния образования позитивно отражается на выходе общества из состояния турбулентности и стагнации.

Ж. Т. Тощенко вводит в научный оборот понятие общества травмы как пограничного состояния социума между эволюционным и революционным развитием, когда общество долгое время находится в стагнирующем неопределенном состоянии. Россия сегодняшнего дня – это общество травмы, общество с неопределенной национальной стратегией развития, с рассогласованными и противоречивыми действиями политических и экономических элит. Общество травмы не перманентное состояние, и выход из него Тощенко видит в том числе в развитии научного потенциала страны. В концепции общества травмы нет описания конкретных механизмов участия научного знания в общественных трансформационных процессах, но уделяется большое внимание значимости разработки единой государственной стратегии развития страны и обращения к фундаментальной науке в процессах государственного управления.

К осмыслению и концептуализации реалий современного социума обращается еще один наш современник – профессор Сергей Александрович Кравченко. Он отмечает, что ускорение социального времени оказывает значительное влияние на социум и создает эффект ускоряющегося развития. В этом ускоряющемся развитии современного мира приходят в движение и научные системы¹⁸. «Одним из критериев валидности знания становится скорость диагностики и теоретизирования происходящих изменений в обществе, технике, природе»¹⁹. Таким образом, традиционные формы научного инструментария становятся малоэффективными и происходит «новая рефлексия доверия относительно существующего знания»²⁰.

Социальная скорость, распространение науки как профессии, объемы произведенного научного знания делают ученого нового времени амбивалентным. С одной стороны, развиваясь в угоду сложившимся ценностям и культурным нормам, он производит «желательное», «предсказуемое» и «функциональное» для общества знание. С другой же стороны, современный ученый развивается как критически мыслящий и производит «нелинейные знания», которые могут образовывать новые риски и одновременно новые возможности, инновации в своем научном поле. С увеличением скорости социального времени и развитием технологий научное знание множится, но не хаотично. Объемы вновь произведенного научного знания не разрушают систему, а лишь трансформируют, в результате

чего возникает «динамическая научная инновационность и организованность, в основе которой лежит сетевая упорядоченность, открытость для сотворчества представителей естественных, социальных и гуманитарных наук»²¹.

Запрос на междисциплинарность научного знания Кравченко объясняет не только ускорением развития, но и усложнением социальных процессов и «социо-техно-природных систем», которые могут проявиться одновременно и негативно и позитивно для деятельности человека. Кравченко не отрицает негативного побочного эффекта от массового производства знания, но обращает наше внимание на значимость социальной ориентированности ученых с целью минимизации производства новых рисков от «прагматизации знания и меркантилизации социальных практик»²².

На наш взгляд, такую роль на себя может взять именно экспертное знание – как пограничная форма между традиционным научным знанием и сугубо прикладным, получаемым из опыта отдельно взятых людей, зачастую далеких от научного мира.

Рассуждая об особенностях научного знания в эпоху высокоскоростного общества, Кравченко выделяет следующие характеристики, которым должно отвечать научное знание, чтобы сохранить не только свою валидность, но и практическую эффективность. В первую очередь, он отмечает одновременное существование различных научных парадигм, каждая из которых находится на разных уровнях развития. Залог эффективности научного знания лежит в мультипарадигмальном подходе и в открытости систем научного познания, их подвижности и быстрой трансформации. Эти факторы обуславливают следующее качество научного знания – сокращение «значимости авторитетов, задающих строгие, предсказуемые типы мышления, модели творчества»²³, уход от излишнего традиционализма в науке. Третьей характеристикой научного знания, востребованного современным социумом, называется его «гуманистическая составляющая» и ориентация не столько на производство знания самого по себе, сколько на производство знания, потенциально применимого на практике для оценки рисков. Это особо интересный тезис в нашем поиске определений границ экспертного знания. Ведь именно для экспертного знания ключевой функцией является прогнозирование и анализ рисков различного генезиса. Четвертой особенностью современного научного знания Кравченко называет отсутствие универсальности и возрастания значимости культурного и временного пространства, в котором то или иное знание было применено. Что подтверждает наши рассуждения о важности привлечения именно локального эксперта в процессы управления на региональном уровне, ведь эксперт, находящийся

в конкретном культурном пространстве и понимающий происходящие социальные процессы изнутри, способен произвести более адекватный анализ ситуации и рисков²⁴.

Современное научное знание, по мнению Кравченко, уходит от строгой институциональности не только в части выбора при производстве единственного авторитета, парадигмы или школы, но и в части организации научной дискуссии и профессии. Современные технологии дают ученому свободу и выход за пределы традиционного института науки, он может сам формировать свою научную репутацию и свои научные контакты, дискуссии – т. е. свою научную сеть в самом широком смысле слова. Для современного эксперта технологии также открывают большие возможности для формирования своей профессиональной репутации и становятся рабочим инструментом. Более того, на наш взгляд, современный эксперт может полностью отказаться от традиционной институционализации своей карьеры, грамотно применяя механизмы создания профессиональной репутации в социальных сетях и Интернете, за счет чего даже может приобрести более значимый социальный вес. Ученый же менее свободен в полном отказе от традиционных форм подтверждения своего профессионализма.

Еще одной значимой характеристикой современного научного знания, по Кравченко, является интеграция естественнонаучных, социальных и гуманитарных дисциплин. Такая комплексная междисциплинарность, по мнению Сергея Александровича, «позволила бы учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии, турбулентности социума, осуществляя при этом поиски новых форм гуманизма»²⁵. Не вызывает сомнения, что междисциплинарность особо востребована в процессах управления на этапах привлечения экспертного знания. Самым ярким примером аккумуляции в одном месте экспертов из самых различных отраслей является американская некоммерческая организация РЭНД.

Описывая современного ученого, выделяя ключевые характеристики производства научного знания в условиях высокоскоростного текущего рискогенного социума постмодерна, Кравченко не идеализирует роль и место ученого, он постоянно обращает наше внимание на бивалентность и парадоксальность каждой выделенной характеристики производства научного знания. Например, самоорганизация и саморефлексия ученого может породить хаос, а может, наоборот, сформировать нелинейные концепты, способные лечь в основу инноваций. Именно эта двоякость современного мира и всех происходящих в нем процессов делает актуальным запрос на экспертизу, на привлечение экспертов на всех уровнях управленческих процессов. Пользуясь концеп-

цией Сергея Александровича при обращении к экспертному знанию на практике с целью оценки и минимизации рисков, мы также сталкиваемся с бивалентностью и производством новых рисков. Привлекая эксперта к управленческому процессу, мы, с одной стороны, пытаемся получить новое, актуальное, максимально эффективное экспертное знание, но с другой – несем риски в самом получении знания от эксперта (например, в части его качества и объективности).

Важно, что Кравченко не просто говорит о ценности научного и экспертного знания в современном турбулентном мире, но рассуждает о качествах, которыми должен обладать производитель знания. Он обращает наше внимание на то, что необходимо готовить молодежь жить в высокоскоростном обществе, а ученых – к формированию «нелинейного мышления», способного адаптироваться к усложняющимся социальным и культурным реалиям, к преодолению ранее существовавших границ между естественнонаучным, социальным и гуманитарным знанием²⁶.

С. А. Кравченко, размышляя о социальных трансформациях, приходит к интерпретации современной жизни через понятие сложных метаморфоз. Нелинейная трансформация, функциональная амбивалентность – ключевые характеристики сегодняшнего общества, которые могут оказывать как негативные, так и позитивные, интеграционные эффекты. Особую роль здесь играет эффект «ускоряющегося развития», при котором традиционные общественные институты попадают в зону турбулентности. Научное знание в концепции Кравченко – это неотъемлемая часть социальной жизни. Оно развивается «ускоряющимися темпами и усложняющимся образом», следовательно, сталкивается с вызовами современного социума, такими как доверие к знанию, его эффективность в управленческих процессах, его объективность и независимость. Кравченко тонко показывает многогранность и рискогенность производства знания и в то же время дает рекомендации по направлению развития нового типа ученого, несущего гуманистическую пользу социуму.

В данной работе мы обратились к концепциям современных российских социологов – О. Н. Яницкого, Ж. Т. Тощенко, С. А. Кравченко – и постарались отразить не только их взгляд на стремительные трансформации современного мира, но и на их восприятие места научного знания в этих изменениях.

Значимость научного знания в политическом процессе (О. Н. Яницкий), в процессе разработки и реализации национальной стратегии развития страны (Ж. Т. Тощенко) и, в самом общем смысле, на уровне социальной динамики (С. А. Кравченко) не вызывает полемики. Более того, все три автора сходятся во мнении,

что прогрессивное развитие общества во многом определяется развитостью института науки. Но научное знание в рассматриваемых концепциях имеет различные качества и потенциал. Так, Ж. Т. Тощенко обращает наше внимание на важную роль знания в травматическом социуме в самом широком смысле – развитая фундаментальная наука является залогом прогрессивного развития государств. О. Н. Яницкий демонстрирует конкретные механизмы производства социально-научного знания и включения его в политические процессы для креативного развития общества. С. А. Кравченко фокусируется на осмыслении новых качеств, новых путей становления ученого и эксперта в обществе риска и травмы. Но концепции всех этих ученых играют важную методологическую роль в осмыслении научного и экспертного знания как социологической дефиниции.

Примечания

- 1 См.: Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 291.
- 2 См.: Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 7, № 1. С. 3–35; *Его же*. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003; *Его же*. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.
- 3 См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- 4 Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. С. 6.
- 5 Там же.
- 6 См.: Яницкий О. Н. Глобализация: новые вызовы для науки // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 511–528.
- 7 См.: Яницкий О. Н. Актуальные проблемы динамики русской науки // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 107–117. <https://doi.org/10.31857/S086904990010753-0>
- 8 См.: Яницкий О. Н. Диалог науки и общества // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 86–96; *Его же*. К вопросу о производстве социально-научного знания // История и современность. 2007. № 1. С. 3–18.
- 9 Яницкий О. Н. К вопросу о производстве социально-научного знания. С. 6.
- 10 См.: Яницкий О. Н. Экологическая политика как сетевой процесс // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 44–57. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.05>; *Его же*. Россия как экосистема // Социс. Социологические исследования. 2005. № 7. С. 84–93; *Его же*. Актеры и ресурсы социально-экологической модернизации // Социс. Социологические исследования. 2007. № 8. С. 139–145.
- 11 См.: Яницкий О. Н. Экологическая политика как сетевой процесс. С. 46.
- 12 Там же.

- ¹³ См.: Тоценко Ж. Т. Травма общества : между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.07> ; Его же. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Соис. Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26 ; Его же. Общество травмы : между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020.
- ¹⁴ Тоценко Ж. Т. Общество травмы : между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). С. 23.
- ¹⁵ Там же. С. 36.
- ¹⁶ Там же. С. 38–39.
- ¹⁷ Там же. С. 236.
- ¹⁸ См.: Кравченко С. А. Усложняющиеся метаморфозы : социологические поиски ответов на вызовы. М. : АНО «Редакция журнала «Знание-сила»», 2019 ; Кравченко С. А., Коннов В. И. Проблема доверия к научному знанию : риски и способы их преодоления // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 108–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.09>
- ¹⁹ Кравченко С. А. Указ. соч. С. 38.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 40.
- ²² Там же. С. 49.
- ²³ Там же. С. 73.
- ²⁴ См.: Ивченкова М. С. Экспертное знание в управлении регионом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 264–267. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267>
- ²⁵ Кравченко С. А. Указ. соч. С. 76.
- ²⁶ Там же. С. 41.

Поступила в редакцию 01.08.2021, после рецензирования 15.08.2021, принята к публикации 28.08.2021
Received 01.08.2021, revised 15.08.2021, accepted 28.08.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 403–406

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 403–406

<https://soziopolit.sgu.ru>

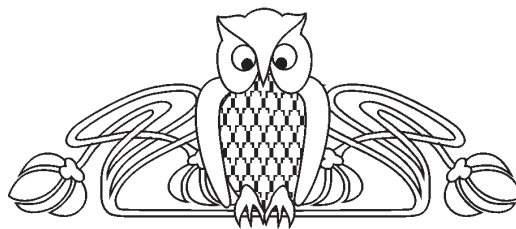
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-403-406>

Научная статья

УДК 316.75

Культурологические аспекты феномена неопределенности

Н. П. Лыскова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лыскова Наталия Павловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии, 450885@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3373-3676>

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки возрастания неопределенности в условиях глобализации общества, особое внимание уделяется определению, характеристикам и особенностям культурологических аспектов феномена неопределенности. Выясняются причины доминирования данного феномена в научном, художественном, обыденном сознании. Обосновывается необходимость исследования последствий реализации принципа неопределенности в сферах культуры, образования, производства.

Ключевые слова: феномен неопределенности, принцип неопределенности, культура, образование, дистанционное общение

Для цитирования: Лыскова Н. П. Культурологические аспекты феномена неопределенности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 403–406. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-403-406>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cultural aspects of uncertainty phenomenon

N. P. Lysikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia P. Lysikova, 450885@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3373-3676>

Abstract. The article examines the prerequisites for increasing uncertainty in the context of the globalization of society, and pays special attention to the definition, characteristics and features of the cultural aspects of the phenomenon of uncertainty. The reasons for the dominance of this phenomenon in the scientific, artistic, and everyday consciousness are clarified. The article substantiates the need to study the consequences of the implementation of the uncertainty principle in the fields of culture, education, and production.

Keywords: phenomenon of uncertainty, principle of uncertainty, culture, education, remote communication

For citation: Lysikova N. P. Cultural aspects of uncertainty phenomenon. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 403–406 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-403-406>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Принцип неопределенности впервые был обоснован в физике, когда ученые констатировали исчезновение всеобщей определенности, проявившейся в независимости существования материи от законов, представляющих устойчивые повторяющиеся объективные закономерности, существующие в природе. Однако сформулированный в 1927 г. известным немецким физиком В. Гейзенбергом принцип соотношения неопределенностей сыграл прогрессивную роль в развитии научного знания, заложив основы физической квантовой механики, за создание которой в 1932 г. он стал лауреатом Нобелевской премии.

Постепенно неопределенность становится неотъемлемой характеристикой современного природного, социального, культурно-личностно-

го мира и как феномен и принцип начинает активно исследоваться в разных областях научного знания и практиках, в том числе в психологии, социологии, педагогике, культурологии, менеджменте, что объясняется рядом причин.

Во-первых, возникновение и распространение естественных, социальных, технических, гуманитарных наук, непосредственно связанных со стремительным преобразованием, модернизацией и глобализацией реальности, с их непредсказуемыми последствиями, увеличивают значение неопределенности как возможности достижения положительного или отрицательного результата.

Во-вторых, любая научно-исследовательская и практическая деятельность сопровождается фактором неопределенности, т. е. невозмож-

ностью достижения в удаленной перспективе абсолютно безупречного результата. Неслучайно У. Бек утверждал, что «в спорах о будущем мы, следовательно, имеем дело с “проектируемой переменной”, с “предсказываемой причиной” индивидуального и политического поведения, релевантность и значение которой возрастают прямо пропорционально содержащейся в ней угрозе и тому обстоятельству, что она не поддается расчету; мы моделируем ее (должны это делать), чтобы наметить и организовать сегодняшние наши действия»¹.

В-третьих, в познавательном процессе большое значение имеют как «способ или источник получения знания, в частности: обращение к науке, общепризнанным научным авторитетам, опора на общественный здравый смысл и традицию, использование интуиции, а в последнее время чаще всего к виртуальности»², так и подготовленность самого реципиента к освоению нового знания и нравственная ответственность за его реализацию.

Отсюда следует, что феномен неопределенности, с одной стороны, демонстрирует ограниченность научных знаний в конкретной области исследования, а также их недостаточность, неполноту у конкретного человека по отдельному вопросу или проблеме. С другой стороны, неопределенность заключает в себе скрытую возможность или, наоборот, невозможность достижения сформулированной цели познания в связи с ограниченностью, противоречивостью исходных данных, используемых методов, технологий, в том числе с недостаточной подготовленностью к данной деятельности самого исследователя. Можно предположить, что период неопределенности в познавательном процессе следует рассматривать как временный, поворотный, как один из этапов освоения нового, связанный с активным накоплением, систематизацией знаний, который предшествует возникновению инновационной идеи или гипотезы. Например, в науке давно известна гипотеза холодной темной материи как формы материи, не участвующей в электромагнитном взаимодействии и поэтому являющейся недоступной; в астрономии, космологии, теоретической физике до последнего времени она считалась самой вероятной. Однако разработки ученых из Университета в Ёнсе в Корее, Лионского университета во Франции ставят под сомнение сам факт ее существования, что свидетельствует о необходимости дальнейших масштабных исследований с привлечением современного инструментария и консолидацией усилий мирового научного сообщества в этом направлении.

Неопределенность, неочевидность доминирует не только в научном, но и в художественно-эстетическом, обыденном сознании, в повседневной культуре вследствие недоступных, скрытых знаний или по причине их неполноты или отсутствия. В связи с этим возникает необ-

ходимость рассмотрения культурологических аспектов данного феномена, потому что каждый человек существует и реализуется не только в естественном, природном мире, где его развитие детерминировано биологическими и физиологическими законами, но одновременно он является частью культурного мира, сформированного предшествующими поколениями и его современниками.

Известному отечественному психологу Л. С. Выготскому принадлежит идея о том, что развитие высших психических функций представляет одну из основных сторон культурного развития поведения человека, которое, по своей сути, является надбиологической программой его жизнедеятельности, объединяющей данного индивида с предшествующими поколениями и способствующей дальнейшей социализации и инкультурации его личности. Ученый при этом особое внимание обращает на развитие ребенка и полагает, что оно не может рассматриваться «вне социальной среды, вне культурной среды и господствующих в ней форм логического мышления, мировоззрения и представления о причинности»³. Действительно, без овладения внешними средствами культурного поведения, прежде всего письменным и устным языком, счетом, рисованием, основами музыкальной культуры, невозможно полноценное существование индивида в обществе, потому что именно культура усложняет развивающуюся систему поведения, создает особые его культурные формы, видоизменяет деятельность психических функций. Л. С. Выготский отмечает, что «*врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет обычно единый сплав с процессами его органического созревания*», поэтому ученым-теоретикам и практикам необходимо сосредоточить внимание на исследовании данной кардинальной проблемы, так как пока «не написана еще история культурного развития ребенка»⁴.

Различие ценностных установок античной культуры в древнегреческих городах Афины и Спарта подтверждает актуальность данной проблематики, об этом свидетельствуют социологические исследования ученых. Так, на основании статистического и других видов анализа 186 обществ американские социологи С. Эрдер и Н. Эрдер заключают, что «уровень агрессивности и насилия в обществе прямо пропорционален частоте, с какой это общество вовлекается в войны. Причем именно так, а не наоборот: как только общество, пусть даже по независимым от него причинам, оказывается вынужденным жить в мире, в течение десяти лет уровень насилия в нем падает». Следует согласиться с выводом исследователей о том, что настоящей причиной подобной зависимости они считают особую «социализацию на насилие», которой подвергаются мальчики в обществах, ведущих войну или недавно ее переживших»⁵.

Отсюда следует, что если культурная нацеленность на мирное сосуществование общества или насильственные действия с большой долей вероятности прогнозирует будущее молодого человека, то культурная неопределенность, наоборот, не позволяет ему впоследствии соотнести собственные культурные предпочтения с ценностями организационной культуры учебного заведения, корпоративной культурой фирмы, производственного комплекса или предприятия. В творческой организации особенно сложно будет работать специалисту, который ориентирован исключительно на последовательное стандартное выполнение задания, исключающее креативный или инновационный моменты в производственном процессе, реализацию собственных идей, образцов и проектов.

Перезапуск Российского общества «Знание», которое в советские время активно занималось воспитанием населения, приобщением его к культуре, начался трансляцией просветительского марафона «Новое Знание», собравшего сорок миллионов просмотров, т. е. почти треть граждан страны. Первая масштабная встреча известных деятелей науки, искусства, культуры, образования в новом формате заложила инновационный неформальный прецедент коммуникации со всеми слоями общества, прежде всего с молодежью. Существуют объективные предпосылки того, что возрождение общества «Знание» снизит уровень неопределенности, которая сформировалась в культурно-образовательной сфере.

Директор Эрмитажа профессор М. Б. Piotrovsky, выступивший для марафона с лекцией «Культура и коллективный иммунитет», посвященной просветительскому опыту Государственного Эрмитажа, отметил, что в настоящее время «довольно сложно решаются вопросы просвещения. Потери, которые приносят законы – а законы у нас довольно сложные и зачастую противоречат культуре, будут возмещены благодаря новому обществу “Знание”... Культура – то, что нам дали, и то, что останется после нас. А сегодня мы благодаря культуре получаем, создаем индульгенцию на будущее. От той ругани, которая на наше поколение будет сыпаться от наших потомков»⁶. Из этого следует, что неопределенность, проявляющаяся в неполноте, неустойчивости, противоречивости информации в культурной сфере, повышает риск принятия ошибочных и случайных решений, которые могут иметь весьма непредсказуемые последствия.

Снятие культурной неопределенности представляет достаточно непростой и длительный процесс. В образовательных организациях в большинстве случаев он связан с уточнением имеющихся и приобретением дополнительных знаний и практик, с участием в культурно-просветительных мероприятиях, организованных в рамках неформального и внеформального образования, ассамблеях, работе дискуссионных пло-

щадок, в том числе виртуальных, где можно прояснить свою позицию, высказать личное мнение, тем самым преодолев культурно-личностную неопределенность.

Несколько десятилетий назад значительное место в приращении и коррекции знаний занимало познавательно-просветительское телевидение, имеющее четкую направленность контент-стратегии преимущественно на приобретение новых познаний в различных областях жизнедеятельности человека и общества, формирование целостной позитивной картины мира. В последние годы, особенно для молодых людей, телевидение уже не является приоритетным источником информации и даже средством свободного времяпрепровождения. С целью выяснить, какое место среди источников получения знаний и информации занимает телевидение, проанализировать его сегментацию, уровень речевой культуры, тематику, публичность, рекреативность, приоритетность отдельных каналов, программ, телеведущих, определить отношение к нему в целом, студентам-первокурсникам Института дополнительного профессионального образования СГУ им. Н. Г. Чернышевского, изучающим риторику дистанционно, было предложено к семинарскому занятию написать эссе.

Из 35 студентов, представивших эссе, ни один не отметил, что телевидение является для него необходимым и постоянным средством получения знаний, информации, комфортного досуга. Среди положительных моментов была выделена информация о погоде в разных регионах страны и мира, демонстрация спортивных соревнований и концертов на канале «Культура» в режиме онлайн, просмотр исторических и документальных фильмов. При характеристике отрицательных сторон современного телевидения обращалось внимание на противоречивость и неопределенность культурных позиций, несоответствие дискурса нормам русского литературного языка, нарушение условий функционирования разговорной речи, ненормативность языка участников и даже ведущих телепередач. Большинство студентов достаточно эмоционально в своих устных ответах высказывались об «аморальном поведении», «бесполезной информации», «надуманности сюжетов», «разжигании низменных страстей», «коммерциализации», «манипуляции сознанием», «девальвации отечественных культурных ценностей», «психологическом мазохизме», «негативном влиянии на молодежь», присутствующих в телепередачах «Дом-2», «Давай поженимся», «Пусть говорят», «Пацанки», «На самом деле», «Привет, Андрей!» и многих других. В одном из эссе с возмущением отмечалось, что передача «Дом-2» является «инкубатором сериальных актеров, она существует уже 16 лет и не думает заканчиваться». Отметим, что в конце 2020 г. по ряду объективных и субъективных причин руководством канала ТНТ

было принято решение об окончательном закрытии реалити-шоу «Дом-2». Полученные результаты в целом показали, что студенты имеют свое мнение и собственную позицию по вопросу о месте и роли современного телевидения в процессе приобщения целевой аудитории к культуре и знаниям, что им небезразличны содержательное наполнение телеканалов информацией и используемые формы трансляции.

Снятие культурной неопределенности в производственных организациях, фирмах, на предприятиях решается руководством преимущественно путем селекции, т. е. подбором специалистов, исходя не только из их профессиональных качеств, но и общего уровня культуры, этноконфессиональных отношений, региональной культуры для того, чтобы избежать конфликтности, недопонимания и иных противоречий в трудовом коллективе. При таком подходе корпоративная культура становится более однородной и целостной, работники чувствуют себя намного комфортнее, не испытывают чувства неопределенности по отношению к культурным ценностям организации, постепенно становятся ее носителями и приверженцами. Однако в некоторых учреждениях, отличающихся высокой степенью плюрализма и противоречивости культур, конфессий, этничности, данный подход, связанный с принудительным внедрением новых культурных норм и правил, может привести к резкому их неприятию и даже к конфликту.

Современные организации, ориентированные на будущее развитие и расширение своих средств, ресурсов, мощностей, используют иной путь для снятия культурной неопределенности в коллективе, который давно и успешно используется в учреждениях высшей школы, а именно создание необходимых условий для социализации и инкультурации профессорско-преподавательского состава и студенчества, развития профессионализма через систему повышения квалификации, стажировку и переподготовку.

Возникновение нового типа культурной неопределенности в образовательных, культурно-просветительных и производственных организациях связано в том числе и с дистанционным форматом учебы и работы, на который в последнее время частично или полностью переведены многие обучающиеся и специалисты. В условиях виртуального взаимодействия возрастает значение культурологического аспекта неопределенности, спровоцированного разным уровнем общей, профессиональной, языковой культуры, этноконфессиональностью, производственным, психолого-педагогическим, повседневным опытом. Особенно четко это проявляется, когда про-

изводственный и образовательный процессы «встроены» в принятие индустриальных, технологических, экономических, политических, социокультурных, образовательных решений. В условиях дистанционного формата электронные средства коммуникации занимают основное место в обучении и социальной коммуникации, потому что при освоении новых знаний, социальных изменений опосредованно используется виртуальное общение, которое играет в настоящее время трансформирующую роль в концептуализации действительности. Отправитель или получатель информации не только по-своему конструирует личность собеседника и выбирает свою собственную идентичность, но в то же время он не может быть полностью уверен в качестве и достоверности получаемой и отправляемой информации.

Таким образом, рассмотрение предпосылок, основных характеристик, специфики, культурологических аспектов неопределенности свидетельствует о ее тенденции к возрастанию, особенно на производстве, в культуре и образовании среди молодежи. В разных организациях используются как общие, так и особенные пути и средства ее преодоления. Полагаем, что исследование культурологических аспектов неопределенности имеет теоретическую и практическую перспективу в условиях глобализации общества и культуры, возрастания рисков межкультурной интеграции, сложности и противоречивости этноконфессиональных и этнокультурных отношений в современном социуме.

Примечание

- ¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 23.
- ² Лыскова Н. П. Риски возрастания неопределенности в условиях виртуального общения // Человек в условиях неопределенности : сб. науч. тр. : в 2 т. / под общ. и науч. ред. Е. В. Бакшутовой, О. В. Юсуповой, Е. Ю. Двойниковой. Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2018. Т. 2. С. 47.
- ³ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М. : Педагогика, 1983. С. 16.
- ⁴ Там же. С. 68.
- ⁵ Цит по: Макаров И. М. Искусственный интеллект : состояние, проблемы, перспективы // Человек. 1995. № 2. С. 68.
- ⁶ Перезапуск общества «Знание» удивил даже организаторов // Взгляд. Деловая газета : [сайт]. URL: <https://vz.ru/society/2021/5/24/1100725.html> (дата обращения: 05.06.2021).

Поступила в редакцию 19.06.2021, после рецензирования 16.08.2021, принята к публикации 20.08.2021

Received 19.06.2021, revised 16.08.2021, accepted 20.08.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 407–412

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 407–412

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-407-412>

Научная статья

УДК 316.7

Профессиональный имидж современного преподавателя высшей школы

О. Л. Малышева

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Республика Татарстан, 420015, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68

Малышева Ольга Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии, Olga_tuz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6422-2591>

Аннотация. В статье анализируется структура имиджа педагога высшей школы, включающего базовые компетенции, социальный статус, профессиональные компетенции, составными частями которого являются дидактические умения, концептуальная подготовка, профессиональное «Я». Рассматриваются факторы, влияющие сегодня на профессиональный имидж профессорско-преподавательского состава высшей школы: переход к компетентностно ориентированному образованию; требования российских работодателей к выпускникам вузов; коммерциализация высшего образования; специфика студенческой аудитории, представленной поколением «Z», которое в качестве источников информации предпочитает интернет-ресурсы. В статье освещается профессиональный имидж профессорско-преподавательского состава в глазах как административных структур университетов, так и студентов. На выявление последнего было нацелено пилотное исследование восприятия профессионального имиджа профессорско-преподавательского состава глазами студентов факультета промышленной политики и бизнес администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета. Благодаря проведенному исследованию удалось установить наиболее важные характеристики, с точки зрения студентов, как внутреннего имиджа преподавателя – его профессиональных и базовых компетенций, так и значимость его внешнего имиджа.

Ключевые слова: профессиональный имидж, профессорско-преподавательский состав, профессиональные компетенции, социальный статус, Болонский процесс, коммерциализация высшего образования, поколение «Z», клиповое мышление, интерактивные технологии

Для цитирования: Малышева О. Л. Профессиональный имидж современного преподавателя высшей школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 407–412. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-407-412>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The professional image of a modern university lecturer

O. L. Malysheva

Kazan National Research Technological University, 68 Karl Marx St., Kazan 420015, Republic of Tatarstan, Russia

Olga L. Malysheva, Olga_tuz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6422-2591>

Abstract. The article analyzes the structure of the university lecturer image consisting of basic competencies, a social status and professional competencies – didactic skills, conceptual training, and professional-Self. The article considers the factors affecting the professional image of the universities' teaching staff, nowadays, such as: the transition to a skills-oriented education, the Russian employers' requirements for university graduates, the commercialization of higher education, and the students' audience specifics of the represented by generation "Z", preferring the Internet resources as the main information sources. The article highlights the professional image of the teaching staff both in the eyes of the administrative structures of universities and students. A pilot study of the teaching staff professional image perception as seen from the students' perspective was carried out the department of industrial policy and business administration of Kazan National Research Technological University. Due to the conducted research, it became possible to establish the most important characteristics of the internal image of a university lecturer from the students' point of view and the significance of his/her external image.

Keywords: professional image, teaching staff, professional skills and knowledge, social status, Bologna process, commercialization of higher education, generation "Z", worldwide network, clip thinking, interactive technologies

For citation: Malysheva O. L. The professional image of a modern university lecturer. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 407–412 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-407-412>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сформировавшись в середине 1960-х гг. в бизнес-среде, понятие «имидж» очень скоро проникло во все публичные профессии. Одной из них является профессия педагога. Несмотря на то что время вносит новые краски в имидж педагога, он включает в себя три постоянные константы:

1) базовые компетенции, которые основываются на свойствах характера, интеллектуальных, эмоциональных, коммуникативных качествах человека. Являясь фундаментом профессиональной деятельности педагога, они сложнее всего поддаются коррекции. Между тем цельный характер, по мнению К. Фишера, является величайшим умножителем человеческих способностей;

2) социальный статус, который формируется на основе полученного семейного воспитания и системы ценностей, транслируемых в семье и обществе; образования и стиля жизни, которого придерживается человек;

3) профессиональные компетенции, которые, по мнению О. В. Ярошевич, включают в себя:

- дидактические умения: коммуникативные навыки; владение современными образовательными технологиями; выстраивание оптимального взаимодействия со студенческой аудиторией; навыки решения проблемных ситуаций;

- концептуальная подготовка: профессиональная и общая эрудиция; современность знаний;

- Я-профессиональное: понимание и приверженность своей профессии; индивидуальный стиль профессиональной деятельности¹.

Взаимодействуя в процессе формирования имиджа педагога, эти компоненты, как и сам имидж, не являются статичными. Более того, совершенствование профессионального имиджа преподавателя в современных условиях – это динамичный процесс, на который влияет множество факторов.

Компетентностный подход изменил оценку эффективности как образовательной деятельности организационных структур вузов, так и каждого конкретного преподавателя. Возросла значимость так называемых *soft skills*, которые в новых ФГОС ВО 3++ прописаны в формате универсальных компетенций. Между тем значительная часть преподавателей неоднозначно относится к модернизации образовательного процесса в этом ключе, противопоставляя его традиционному образованию в пользу последнего. Речь идет о регламентировании учебного процесса посредством унифицированных рабочих программ, требования к которым меняются с завидным постоянством; рейтинговой оценки работы преподавателя, где доминантой становится наличие научных статей ВАК, РИНЦ, Scopus.

Понимая, что профессиональный имидж профессорско-преподавательского состава в глазах работодателя отличается от такового в вос-

приятии учащейся аудитории, нужно признать, что овладение этими компетенциями играют существенную роль в принятии студентами как преподавателя, так и его профессионального имиджа.

Профессиональный имидж – во многом междисциплинарное понятие, лежащее на стыке психологии, экономики и социологии. Исследования имиджа играли и играют важную роль в теории и практике PR как в бизнесе, так и в политике.

В контексте предметности социологической науки структура имиджа преподавателя вуза рассматривается нами сквозь призму понятий «социальная роль» (соответствие ожидаемого поведения ситуации взаимодействия), «модус поведения» (стиль работы) и «групповое мнение» (в данном случае оценки студентами общепринятых в академической среде педагогических компетенций преподавателя).

Социологические исследования проблемы имиджа профессуры высшей школы за рубежом проводились I. D. Currie, H. C. Finney, T. Hirschi and H. C. Selvin², K. Aldrup, U. Klussman, O. Ludtke, R. Gollner, U. Trautwein³, рядом других авторов, чей подход можно охарактеризовать как социально-психологический.

Имидж как научная проблема стала в России предметом общественного внимания и научного анализа с конца XX столетия, которые были связаны, главным образом, с проблематикой политического лидерства. Близким к изучению имиджа в социологии образования и высшей школы можно считать работы Л. И. Бойко⁴, О. Н. Козловой, М. Б. Булановой⁵, Е. А. Володарской⁶, А. С. Кокарева⁷, М. А. Лукашенко, А. А. Ожгихиной⁸, Т. И. Заславской⁹, О. И. Поповой¹⁰, Е. Ю. Сысоевой¹¹, О. В. Ярошевич¹² и др. Рассмотрение их подходов убеждает нас в необходимости изучения процессов построения имиджа преподавателя высшей школы как эффективного инструмента в учебно-воспитательном процессе вуза.

Российские работодатели в условиях рыночной экономики предъявляют серьезные претензии к высшей школе на основе логики утилитарности. Главной является оторванность теоретической подготовки студентов от практики. Фундаментальное знание все более становится «символическим капиталом».

Востребованными сегодня являются навыки самопрезентации, деловых коммуникаций, работы в команде, быстрой адаптации молодого специалиста в коллективе и к реалиям профессиональной, часто конкурентной среды, его готовность систематически повышать свою профессиональную квалификацию и организационно-управленческие навыки. Можно спорить о том, что первостепенно – теоретические знания или вышеназванные навыки. Но факт остается фактом: чтобы привить столь необходимые на рынке труда навыки, нужно, чтобы они нашли

свое достойное место в профессиональных компетенциях и имидже самого преподавателя. А это значит, что учебный процесс должен строиться не только на информации, имеющей лишь отдаленное отношение к практике, а желательно на практическом опыте работы профессорско-преподавательского состава высшей школы. Если же этого опыта нет – то на глубоком узнавании жизненных реалий и следовании практическим требованиям к той специальности, по которой обучается студент.

Проведенное нами в марте 2021 г. пилотное исследование «Преподаватель глазами студентов» среди обучающихся Казанского национального исследовательского технологического университета (N = 400 из них 75% – граждане Российской Федерации; 25% – представители Вьетнама, Туркменистана, Узбекистана) с использованием техники балльной оценки (от 1 до 5) показало, что студенты крайне позитивно относятся к насыщенности занятий «примерами из жизни» (рис. 1).

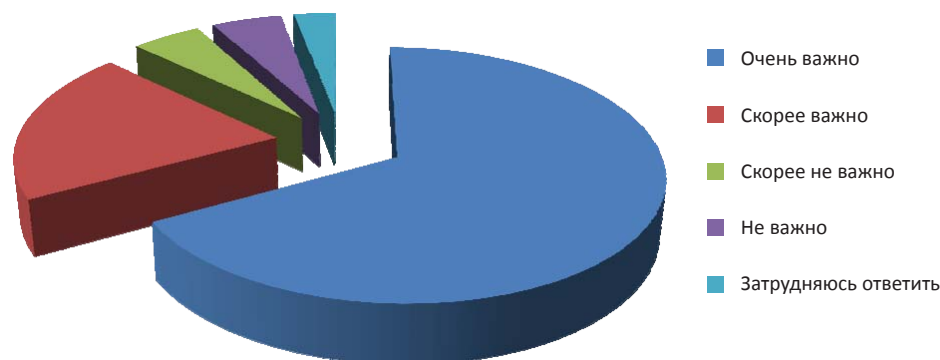

Рис. 1. Отношение студентов к примерам «из жизни» (цвет online)

Коммерциализация высшего образования усиливает конкуренцию на образовательном рынке. Абитуриенты вольны выбирать не только профессию, но и вузы, в которых на нее готовят. Имидж вуза имеет первостепенное значение. И здесь нет мелочей. Имеет значение, является ли вуз государственным; как скоро планируется аккредитация специальности, выбранной абитуриентом; как вуз представлен в информационном пространстве; какова его репутация в обществе. А репутацию составляют и качество преподавания, и имидж профессорско-преподавательского состава.

Современное медиатизированное общество предоставляет огромное количество источников информации, где преподаватель может стать слабым звеном. Поколение «Z» черпает информацию из соцсетей, видеоблогов, в YouTube. К слову, управляющий директор Google Омид Кордестани еще в 2015 г. отмечал, что количество пользователей, у которых YouTube является стартовой страницей, ежегодно увеличивается в три раза¹³. Значит, и преподаватель должен быть на «ты» со Всемирной сетью, которая стала обыденным ареалом обитания молодежи. Игнорирование этого стиля жизни, а тем более высокомерное отношение к нему приведут лишь к неприятию педагога. Только постоянная работа над профессиональным имиджем, включающим свободное ориентирование преподавателя в мире Интернета, позволяет ему стать автори-

тетным носителем знания, а также проводником в мире интернет-ресурсов, которые зачастую являются солдатами в консциентальной войне (войне в пространстве массового сознания, которая предполагает, что предметом поражения и уничтожения являются определенные типы сознаний).

Интерактивные формы преподавания (проектное обучение, тренинги, деловые игры, решение бизнес-кейсов), которые сегодня составляют основу образовательного процесса, также выдвигают новые требования к профессиональному имиджу преподавателя: его умению вести групповую дискуссию, слыша мнение учащихся; быть модератором мозгового штурма; учить студентов навыкам презентации проектов и самопрезентации. Наши исследования среди студентов КНИТУ подтверждают данный тезис (рис. 2). Все это влияет на групповое мнение студентов о преподавателе, что непосредственно сказывается на его имидже и результативности учебного процесса.

Студенческая аудитория претерпевает существенные изменения¹⁴.

1. Приходится учитывать ценностный разрыв, с которым сталкиваются прежде всего возрастные преподаватели. В советское время наличие конфликта отцов и детей не отменяло преемственности ценностей: несколько поколений советских людей воспитывались на одних и тех же книгах, фильмах, что определяло их

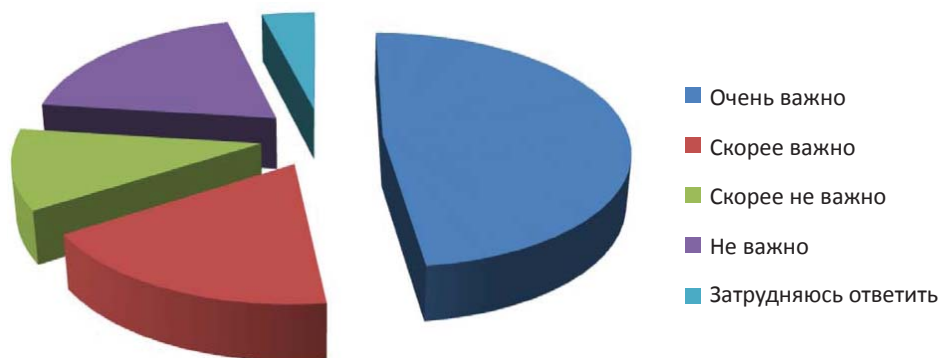

Рис. 2. Отношение студентов к активным формам обучения (бизнес-кейсы, тематические дискуссии, деловые игры и т.п.) (цвет online)

восприятие жизни. Поколение «Z» смотрело в детстве американские мультфильмы, а в юности потребляет в основном продукцию Голливуда, которая транслирует совсем иной ценностный ряд. Чаще всего студенты слабо, а иногда совсем не ориентируются в российской кинопродукции или книгах за авторством российских писателей, не говоря уж о советском культурном наследии. Преодоление этого ценностного разрыва и аккуратная коррекция ценностей учащихся – еще один компонент современного профессионального имиджа преподавателя высшей школы, который требует очень серьезной работы в этом ключе.

2. Погружение молодежи в цифровой мир, с одной стороны, привело к ее способности быстро обрабатывать информацию, с другой – уменьшает значение чтения как научной, так и художественной литературы. Так, по данным статистики, 79% молодежи предпочитают Интернет, 39% читают художественную литературу и журналы и лишь 21% – учебную литературу¹⁵. Преподаватели все чаще сталкиваются с проблемой отсутствия усидчивости и внимательности студенческой аудитории, ее неспособностью проводить глубокий логический анализ и сосредоточиваться длительное время на чем-то одном. Клиповое мышление стало данностью, и с этим тоже приходится считаться, меняя методику преподавания в сторону «крючков» в лекции – коротких и информативных видеороликов, жизненных примеров; любопытных фактов биографии ученых, общественных и государственных деятелей и т.д.

3. Коммерциализация высшего образования открыла двери казанских вузов представителям других государств, чаще всего среднеазиатских. И это тоже создает сложности в формировании профессионального имиджа преподавателя, который должен найти подход к студентам с плохим знанием русского языка, иным менталитетом, другими ценностями и настороженным восприятием российской действительности, ко-

торая в корне отличается от той, в которой они воспитывались и жили прежде. Компетенция, включающая толерантное отношение к культурным, языковым, конфессиональным различиям, работает мало. Здесь нужны искренний интерес и знание культуры, религии, которые исповедуют иностранные студенты, индивидуальный подход к ним.

Как уже отмечалось ранее, имидж преподавателя с точки зрения университетской администрации отличается от того, что включают в понятие профессионального имиджа студенты, какие его характеристики имеют для них приоритетное значение. В упомянутом выше пилотном исследовании «Преподаватель глазами студентов», проведенном нами в КНИТУ, для изучения особенностей оценки обучающимися имиджа преподавателя использовалась методика анкетирования. Были предложены вопросы относительно того, каким, по мнению студентов, должен быть «идеальный» преподаватель. Очень важными в профессиональном имидже преподавателя признаются умение выстраивать партнерские отношения с аудиторией (76%) и справедливость (68%) (рис. 3, 4). Но это не убирает на второй план значимость «владения своим предметом», которую подчеркнули 83% опрошенных студентов.

В процессе выстраивания эффективной коммуникации для студентов большое значение продолжает играть внешний облик «идеального» преподавателя. Внешний вид – это значимая часть самопрезентации преподавателя, которая может вызвать в глазах студентов как уважение, так и отторжение. По внешнему виду – предпочтениях в одежде, причёске – вполне можно судить о личностных ценностях и внутреннем имидже человека. Аккуратный, ухоженный вид преподавателя транслирует окружающим его положительную самооценку, что очень важно для молодежи. Но внешний имидж имеет и другие инструменты воздействия – невербальные. В общении 60% информации человек передает

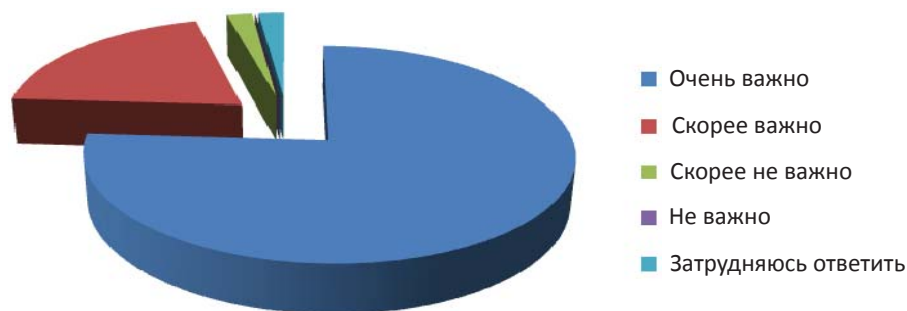

Рис. 3. Значимость партнерских отношений со студентами в имидже преподавателя (цвет online)

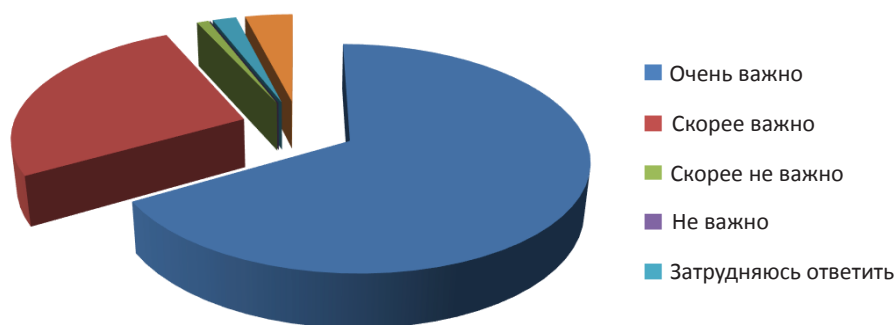

Рис. 4. Значимость справедливости в имидже преподавателя (цвет online)

через позу, жесты, выражение лица. Еще 30% общения происходит через интонации и тембр голоса. И только 10% информации воспринимается на слух¹⁶. Так что внешний вид и невербальное поведение дают сведения об эмоцио-

нальном состоянии педагога, его личностных качествах и самооценке, отношении к аудитории и т.д. (рис. 5). Они и сильнее воздействуют, так как употребляются неосознанно и воспринимаются непосредственно.

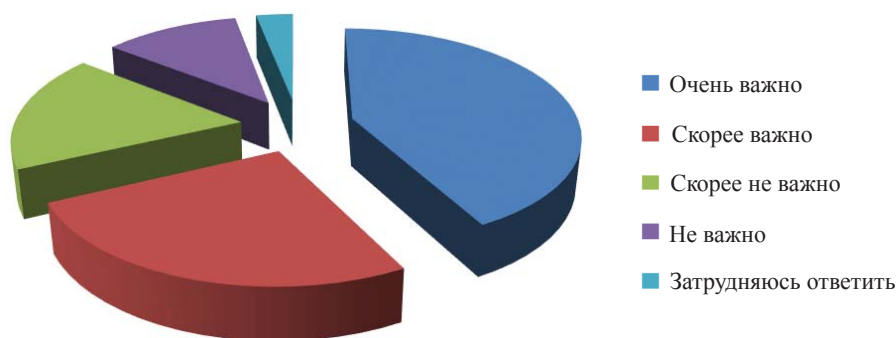

Рис. 5. Значимость внешнего вида для имиджа «идеального» преподавателя (цвет online)

Нельзя пройти мимо и такого важного компонента в имидже преподавателя вуза, как его эрудиция. Студенты это также высоко ценят (91% считают его важным и скорее важным) (рис. 6). Думается, это не удивительно, ведь вузовский преподаватель представляет высшее образование, т. е. такой уровень образования, который ассоциируется с обширными знаниями.

Анализ данных демонстрирует взаимосвязь всех компонентов имиджа преподавателя высшей школы. При этом в его профессиональных качествах очень важным признается обращение к современным методикам преподавания. Традиционно для полноценного и плодотворного взаимодействия со студенческой аудиторией очень значимыми считаются коммуникативные ком-

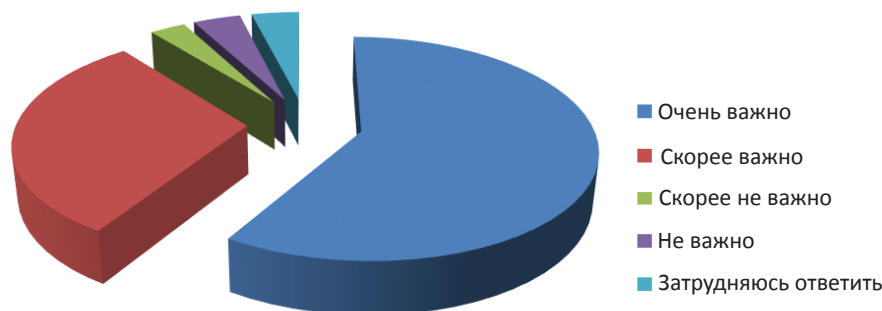

Рис. 6. Значимость эрудиции для имиджа преподавателя (цвет online)

петенции педагога. Собственно, они являются фундаментом профессионализма преподавателя. Но, как и прежде, профессиональный имидж неотделим от внешнего вида педагога, что влияет на восприятие его статуса. Не менее важным является и стиль работы преподавателя, его «поведенческий модус» (умение выстраивать партнерские отношения с группой и справедливость в оценках). Все это формирует групповое мнение студентов и способствует формированию имиджевых характеристик педагога высшей школы.

Примечания

- 1 См.: Тузиков А. Р. Высшее образование : идеологемы реформ и практика имитаций // Управление устойчивым развитием. 2020. № 1 (26). С. 60–66.
- 2 См.: Currie I. D., Finney H. C., Hirschi T., Selvin H. C. Images of the professor and interest in the academic profession // *Sociology of Education*. 1966. Vol. 39, № 4. P. 301–323. <https://doi.org/10.2307/2111916>
- 3 См.: Aldrup K., Klussman U., Ludtke O., Gollne R., Trautwein U. Student misbehavior and teacher well-being : Testing the mediating role of the teacher-student relationship // *Learning and Instruction*. 2018. Vol. 58. P. 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2018.05.006>
- 4 См.: Бойко Л. И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества // Социс. Социологические исследования. 2002. № 3. С. 78–82.
- 5 См.: Козлова О. Н., Буланова М. Б. Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции : иллюзии и реальность // Социс. Социологические исследования. 2001. № 11. С. 58–68.
- 6 См.: Володарская Е. А. Социально-психологическое содержание представлений о современном российском ученом // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 4. С. 60–65.
- 7 См.: Кокарев А. С., Николукина Н. Б. Социальный портрет преподавателя высшей школы (на основе анализа вузов Тамбовской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 1. С. 154–161
- 8 См.: Лукашенко М. А., Ожгихина А. А. Имидж преподавателя вуза : мнения и приоритеты студентов // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 1. С. 46–56. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-46-56>
- 9 См.: Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества : Деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002.
- 10 См.: Попова О. И. Имидж преподавателя вуза : проблема трансформации в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2007.
- 11 См.: Сысоева Е. Ю. Рефлексивный анализ имидж-образующих характеристик преподавателей вуза // Азимут научных исследований : педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 209–213.
- 12 См.: Ярошевич О. В. От имиджа преподавателя к имиджу кафедры. URL: <http://dgng.pstu.ru/conf2015/papers/51/> (дата обращения: 10.04.2021).
- 13 См.: Статистика молодежи // Vavilon : [сайт]. URL: <https://vavilon.ru/statistika-molodezhi/> (дата обращения: 30.03.2021).
- 14 См.: Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Социология студенчества : теоретический статус и исследовательские практики // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 6. С. 40–51. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-6-40-51>
- 15 См.: Озимко К. Социология поколения Z // СОНАР 2050. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/sociologiya-pokoleniya-z/> (дата обращения: 10.04.2021).
- 16 См.: Козлов Н. И. Невербальное общение // Психологос : энциклопедия практической психологии : [сайт]. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/neverbalnoe-obschenie> (дата обращения: 02.04.2021).

Поступила в редакцию 12.04.2021, после рецензирования 27.08.2021, принята к публикации 01.09.2021
Received 12.04.2021, revised 27.08.2021, accepted 01.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 413–420

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 413–420

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420>

Научная статья

УДК 314.114

Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы

Н. В. Шахматова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2413-1534>

Аннотация. В статье по данным статистики и результатам социологического исследования, проведенного в Саратове, раскрываются основные тенденции и проблемы работающих пенсионеров, показана их динамика в России и Саратовской области. Показано, что Саратовскую область можно отнести к зоне демографического бедствия, так как доля лиц старших возрастов в регионе достигает 28,2%, из них работающих пенсионеров – 14% (каждый третий пенсионер-москвич, каждый четвертый пенсионер-россиянин). Ежегодная индексация пенсий компенсирует рост цен далеко не в полном объеме. Это привело к тому, что пенсионеры стали составлять почти третью долю малоимущего населения и вынуждены подрабатывать или продолжать работать. Однако 49% работающих пенсионеров не могут себя представить без работы, которая служит им источником самореализации имеющегося потенциала и приносит удовлетворение. Показаны особенности их стиля жизни в контексте модели благополучной старости и актуальные проблемы поддержания жизненного тонуса.

Ключевые слова: пожилые, пенсионеры, работающие пенсионеры

Для цитирования: Шахматова Н. В. Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 413–420. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Working pensioners in Russia and the region: Trends and problems

N. V. Shakhmatova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nadezhda V. Shakhmatova, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2413-1534>

Abstract. The article presents the statistics and the results of the sociological study conducted in Saratov, reveals the main trends and problems of working pensioners and shows their dynamics in Russia and Saratov region. It is shown that Saratov region can be attributed to the zone of demographic disaster, since the share of older people in the region reaches 28.2%, including working pensioners – 14% (every third pensioner-Muscovite, every fourth pensioner-Russian). The annual indexation of pensions does not fully compensate the growth of prices. As a result, the pensioners make up almost a third of the poor population and are forced to earn extra money or continue to work. However, 49% of working pensioners cannot imagine themselves without work, which serves as a source of self-realization of their existing potential and brings satisfaction. The features of their lifestyle in the context of the prosperous old age model and effective problems of maintaining vitality are presented.

Keywords: elderly, pensioners, working pensioners are shown

For citation: Shakhmatova N. V. Working pensioners in Russia and the region: Trends and problems. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 413–420 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В нашей стране, как и во всем мире, наблюдается значительное увеличение численности пожилых людей. Численность населения России в возрасте старше трудоспособного в 2020 г. превысила 36 629 млн чел., или 25% от общей численности населения¹. В настоящее время 15,5% жителей страны находятся в возрасте 65 лет

и старше. За последние 60 лет страна из демографически молодого государства превратилась в старое. В 2035 г. численность населения России старше трудоспособного возраста превысит 43 млн чел., или 30% от общей численности населения страны. По высокому варианту прогноза, она может повыситься к началу 2036 г. до

47,7 млн чел. (31,1% от общей численности населения России), а по низкому варианту составит 42,5 млн чел. (30,8%)².

Некоторые регионы России стали зонами демографического бедствия, где доля лиц старших возрастов достигает 26–28%. К их числу относится и Саратовская область. В регионе сегодня 688 376 пенсионеров (28,2%). По оценкам Росстата, на начало 2018 г., на 1000 женщин старше трудоспособного возраста в России приходилось 423 мужчины старше трудоспособного возраста. В нашей области также преобладают женщины (на тысячу мужчин приходится 2339 женщин)³. Это означает значительную деформацию гендерной структуры пожилого населения России. Тенденция к росту численности престарелых требует коренного изменения социальной политики в отношении этой, наиболее социально незащищенной категории общества.

Устойчивый рост численности пожилых людей в России, к сожалению, не является следствием увеличения продолжительности жизни, а происходит на фоне высокой общей смертности населения, низкой рождаемости, пандемии, пенсионной реформы. На этом фоне ярко проявилась другая тенденция – сокращение численности пенсионеров. Только за 2020 г. их число уменьшилось почти на 1 млн чел.⁴. С 1 июля 2020 г. по 1 июля 2021-го получателей пенсии стало меньше почти на 2 млн чел. – это рекордное сокращение с 1998 г. Общее число пенсионеров теперь составляет около 42,3 млн человек (это минимум с 2015 г.)⁵.

Демографическая нагрузка старшими возрастными на население России трудоспособного возраста растет. К началу 2018 г. она поднялась до 454 чел. старше трудоспособного возраста на 1000 чел. трудоспособного возраста против 326 на начало 2005 г. При этом состав демографической нагрузки кардинально изменяется – повышается нагрузка старшими возрастными (с 14% в середине прошлого века до 40% в начале нынешнего, 45% в настоящее время и более 50% с конца 2020-х гг.). Коэффициент потенциальной поддержки (обратное соотношение) снизился с 3,1 чел. трудоспособного возраста на одного человека старше трудоспособного возраста до 2,2⁶. Это существенно видоизменяет задачи, стоящие перед обществом в области социального обеспечения, образования, здравоохранения и других сферах социально-экономического регулирования.

Пожилые люди в Российской Федерации обладают всей полнотой социально-экономических и личных прав и свобод, закрепленных Конституцией РФ, другими законодательными актами. Однако изменение социального статуса человека в старости, связанное с прекращением или ограничением трудовой и общественной де-

ятельности; трансформацией ценностных ориентиров, образа жизни и общения; затруднениями в социально-бытовой адаптации к новым условиям, порождает серьезные социальные проблемы и диктует необходимость выработки и реализации специфических подходов, форм и методов, особых технологий социальной работы с такими людьми.

Сегодня процесс старения активно изучается социологами (М. Л. Варганова, П. К. Газимагомедова⁷, К. А. Галкин⁸, О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль⁹, М. В. Корнилова, К. Е. Новиков¹⁰, О. А. Парфенова¹¹). Особый акцент в публикациях делается на специфике социальной, семейной (М. Э. Елютина¹²), трудовой (Е. В. Андрианова¹³, М. Л. Варганова¹⁴, К. А. Галкин¹⁵), потребительской активности пожилых людей (Д. Л. Иванов¹⁶). В этих работах выход на пенсию рассматривается не только как завершение одной деятельной фазы социальной жизни человека и начало другой, резко отличающейся от предшествующей. Часто это не всегда четко зафиксированное во времени событие, оно может иметь долговременное воздействие, так как перестройка стиля жизни человека, находящегося на пенсионном этапе жизни, начинается задолго до фактического оставления работы, когда идет переосмысление всего образа жизни. Более того, эта перестройка может стать долговременным процессом, особенно для тех, кто после выхода на пенсию продолжают трудиться.

В современном обществе условный «порог старости» чаще всего увязывают с возрастом, при достижении которого приобретает право на получение пенсионных выплат, призванных компенсировать утрату заработной платы, иных выплат и вознаграждений в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости. В России на протяжении ряда десятилетий этот возраст составлял 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. В соответствии с изменениями, внесенными в пенсионное законодательство осенью 2018 г., он будет увеличиваться ежегодно на 12 месяцев и в 2023 г. достигнет соответственно 60 и 65 лет¹⁷.

Размер пенсии у опрошенных в основном на уровне прожиточного минимума, установленного для пенсионеров в Саратовской области. По данным ПФР, по состоянию на 1 января 2020 г. средний размер пенсии в целом по Российской Федерации составил 15 697,46 руб. Динамика ежегодного прироста прожиточного минимума пенсионеров (табл. 1) как в России, так и в нашем регионе, не успевает за ростом цен. Ежегодная индексация пенсий с учетом инфляции является вынужденной мерой в ситуации, когда рост цен обгоняет увеличение размера пенсий, когда падает покупательская активность пенсионеров.

Таблица 1

Динамика величины прожиточного минимума пенсионера по субъектам РФ, руб./мес.¹⁸

Субъекты РФ	2012	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация	5564	8540	8726	8846	9311	10 022
Город Москва	7137	11 561	11 816	12 115	12 578	13 496
Саратовская область	5045	7700	7990	8278	8278	8566

Однако в реальности индексация компенсирует рост цен далеко не в полном объеме. Это привело к тому, что пенсионеры стали составлять значительную долю малоимущего населения. И эта доля растет (табл. 2). В 2018 г. она

составила 29%. У пенсионеров возникли проблемы с оплатой необходимых расходов (включая ЖКХ), услуг, покупкой лекарств и пр. Это сразу сказалось на их общем самочувствии и образе жизни.

Таблица 2

Доля пенсионеров в составе малоимущих россиян, % к опрошенным¹⁹

Категории малоимущих	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Все население, 2018 г.
Все малоимущее население, в том числе	100	100	100	100	100	100	100
пенсионеры по старости	7,3	6,4	7,0	7,5	6,7	6,8	27,3
пенсионеры по инвалидности	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2	1,6	1,4
пенсионеры по случаю потери кормильца	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	1,4	0,7
получатели социальных пенсий	1,1	1,2	1,2	1,1	0,7	0,8	0,6

Данные табл. 3 показывают, что в 2018 г. резко снизилась активность пожилых людей. Этому способствовало прекращение индексации

и перерасчета пенсий работающим пенсионерам, так как они лишились дополнительного стимула к активному образу жизни.

Таблица 3

Доля лиц в возрасте 55 лет и старше, способных вести активный образ жизни и занимающихся какими-либо видами активного отдыха, % к опрошенным²⁰

Категории пожилых людей	Все респонденты			
	2011	2014	2016	2018
Лица в возрасте 55 лет и старше – всего	100	100	100	100
из них способных вести активный образ жизни и занимавшихся какими-либо видами активного отдыха	5,3	6,4	7,3	5,8
Мужчины в возрасте 55 лет и старше – всего	100	100	100	100
из них способных вести активный образ жизни и занимавшихся какими-либо видами активного отдыха	6,5	7,6	8,6	6,4
Женщины в возрасте 55 лет и старше – всего	100	100	100	100
из них способных вести активный образ жизни и занимавшихся какими-либо видами активного отдыха	4,7	5,7	6,4	5,4

Сохранение трудоспособности и желание продлить экономическую активность при низком уровне пенсионного обеспечения позволяют, а в ряде случаев – заставляют получателей пенсий работать. Еще недавно работал каждый третий из числа состоящих на учете и получающих пенсионные выплаты в Пенсионном фонде России – до 36% в 2015 г. После прекращения индексации и перерасчета пенсий работающим пенсионерам их доля резко снизилась – до 22% на начало 2018 г. Наиболее высока доля работающих пенсионеров среди получателей пенсий по старости – в 2014–

2015 гг. она достигала 40%. После прекращения индексации пенсий работающим пенсионерам эта доля снизилась до 24%. Практически вдвое сократилась доля работающих пенсионеров и в группе федеральных государственных гражданских служащих (с 31 до 15%). Незначительно снизилась доля работающих пенсионеров-инвалидов (31%). Доля работающих среди получателей пенсии по случаю потери кормильца по определению невысока, но в последние годы она несколько увеличилась (с 3,3% на начало 2017 г. до 2,5% на начало 2018 г.). Невысока доля рабо-

тающих и среди получателей социальной пенсии, но в последние годы она также росла, превысив 6,0% в 2017 г.²¹. Можно предположить, что для этих категорий пенсионеров прожить только на пенсию особенно затруднительно.

Одним из способов преодоления бедности и повышения качества жизни пенсионеров выступает продолжение трудовой деятельности.

Сегодня в России работает каждый пятый пенсионер (табл. 4). И как правило, это вынужденная мера. Однако часть пенсионеров не могут себя представить без работы, которая служит им источником самореализации имеющегося потенциала. Это подтверждают и результаты опроса ВЦИОМ: каждый четвертый россиянин-пенсионер работает²².

Таблица 4

Рабочая сила и лица, не входящие в состав рабочей силы, в возрасте старше трудоспособного*²³

Годы	Рабочая сила, тыс. чел.	В том числе		Лица, не входящие в состав рабочей силы, тыс. чел.	Уровень участия в рабочей силе, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
		занятые, тыс. чел.	безработные, тыс. чел.				
Всего							
2017	7492,6	7245,1	247,5	28 493,7	20,8	20,1	3,3
2018	7865,7	7648,6	217,1	28 819,4	21,4	20,8	2,8
2019	8141,8	7944,3	197,5	29 221,5	21,8	21,3	2,4
Мужчины							
2017	2086,6	2015,9	70,7	8403,3	19,9	19,2	3,4
2018	2190,9	2129,7	61,1	8589,6	20,3	19,8	2,8
2019	2319,6	2256,8	62,8	8788,9	20,9	20,3	2,7
Женщины							
2017	5406,0	5229,2	176,8	20 090,4	21,2	20,5	3,3
2018	5674,8	5518,8	156,0	20 229,8	21,9	21,3	2,7
2019	5822,1	5687,5	134,6	20 432,6	22,2	21,7	2,3

Примечание. *Мужчины в возрасте старше 60 лет, женщины – старше 55 лет.

Данные табл. 5 отражают ситуацию с занятостью пенсионеров в 2019 г., когда работал каждый третий пенсионер-москвич, каждый четвертый россиянин. В Саратовской области ра-

ботает 14% населения старше трудоспособного возраста. Показатели безработицы невелики, так как большинство пенсионеров не встают на учет в службах занятости.

Таблица 5

Показатели занятости населения в возрасте старше трудоспособного возраста* по субъектам Российской Федерации в 2019 г.²⁴

Субъекты РФ	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы, мес.
Российская Федерация	21,3	2,4	7,9
Город Москва	27,3	0,5	7,0
Приволжский федеральный округ	18,0	1,7	9,0
Саратовская область	14,1	1,2	8,6

Примечание. *Мужчины в возрасте старше 60 лет, женщины – старше 55 лет.

Статистика работающих пенсионеров (табл. 6) наглядно отражает разнонаправленную динамику их доли. Сначала наблюдался их устойчивый рост. Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 29.12.2015 № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий», предусматривающего отказ от индексации пенсий работающим пенсионерам. Поэтому с 2017 г. доминирует тенденция стабильного снижения доли работающих пенсионеров. Немного меньше это проявляется среди пенсионеров-инвалидов. И только среди тех, кто пострадал

в результате различных катастроф, и членов их семей, а также среди социальных пенсионеров численность работников продолжала расти. Для них изменение ситуации не снизило актуальности работы, что, видимо, связано либо с крайне низким уровнем пенсии (вынужденная работа), либо со стремлением продолжать реализовывать свой трудовой потенциал. Однако

здесь не учитываются работающие пенсионеры, которые трудятся по «серой схеме», без официального оформления. В условиях сегодняшней социально-экономической ситуации в России продолжение профессиональной деятельности для представителей пожилого возраста является практически единственным способом улучшения их материального благосостояния.

Таблица 6

Динамика численности работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ, по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в РФ по состоянию на 1 января, тыс. чел.²⁵

Категории работающих пенсионеров	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Все работающие пенсионеры, тыс. чел.	14 325	14 917	15 259	9883	9669	9667	9315	8891
В % к численности пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации	34,9	36,0	35,7	22,9	22,2	22,0	21,4	20,7
В том числе получающие пенсии:								
по старости	13 280	13 872	14 199	8791	8602	8574	8197	7765
по инвалидности	795	773	759	679	656	652	669	666
по случаю потери кормильца	10	17	23	46	35	37	34	33
пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей	113	118	127	144	164	172	178	182
федеральные государственные гражданские служащие	20	20	22	12	11	11	10	10
социальные	106	116	128	211	201	221	227	235

Исходя из актуальности проблемы и распространенности трудовой занятости пенсионеров, в 2020 г. было проведено социологическое исследование работающих пожилых саратовцев. По вероятностной квотной одноступенчатой выборке были опрошены 480 пенсионеров, продолжающих на момент опроса свою трудовую деятельность, в возрасте от 55 лет и старше. Критерии отбора – пол, возраст, рабочий статус. Среди опрошенных 57% женщин и 43% мужчин, что соответствует генеральной совокупности саратовского населения.

Опрос показал, что многие пенсионеры сохраняют трудоспособность и желание работать, продолжают активно реализовывать свою социальную роль без исключения из сферы активной деятельности. После выхода на пенсию 90% опрошиваемых продолжают трудовую деятельность на прежнем месте работы, 10% пенсионеров перешли на должности, не требующие высокой квалификации. Иными словами, они имеют ограниченную сферу занятости.

Из данных табл. 7 видно, что подавляющее большинство занятых пенсионеров (81%), особенно женщины (82%), работают вынужденно, в силу небольшого размера пенсий. Еще 36% работают, чтобы помогать детям и внукам, что, видимо, связано со спецификой российского

межпоколенческого семейного контракта. Чуть больше это свойственно женщинам с высшим образованием (39%), которые острее воспринимают эту взаимосвязь. В ситуации с низкими заработными платами старшее поколение вынуждено помогать младшим поколениям. Вместе с тем 49% пенсионеров, особенно женщины (50%) и лица с высшим образованием (54%), продолжают трудиться, так как им нравится их работа, хочется находиться в коллективе. В последнем случае работа носит добровольный характер и приносит пожилому человеку удовлетворение.

Данные показывают, что привычка работать больше всего проявляется у военных пенсионеров (31%) и специалистов с высшим образованием на производстве, в сфере обслуживания (27%). У этих категорий пенсионеров также чаще встречается интерес и желание работать (соответственно 35 и 26%). Стремление помочь детям и внукам особенно отличает предпринимателей (50%) и офисных работников без высшего образования (40%). Недостаточный размер пенсии как стимул к работе отмечали почти все категории работающих пенсионеров. Только военные в качестве стимула отмечали стремление сохранить очередь на жилье, на машину, продуктовые заказы, путевки и т.п. Го-

сударственные служащие, работники административных органов (44%), специалисты с высшим образованием вне производства и офисные работники (по 34%) чаще других указывали на

желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе. Таким образом, характер работы значительно стимулирует пенсионеров продолжать трудиться.

Таблица 7

Причины продолжения работы пенсионерами, % к опрошенным*

Причины продолжения работы пенсионерами	Всего	Пол респондента	
		мужчины	женщины
Привычка работать	24	26	21
Интерес к работе, желание работать	21	21	21
Недостаточный размер пенсии	81	79	82
Стремление материально помочь детям, внукам	36	34	38
Стремление сохранить очередь на жилье, машину, продуктовые заказы, путевки и т.п.	3	3	3
Желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе	28	27	29
Другие	1	1	1
Затрудняюсь ответить	1	1	0
Итого	195	192	195

Примечание. *Респонденты давали более одного ответа, поэтому сумма не сводима к 100%.

Результаты анкетирования показали, что материальное положение у 53% пенсионеров на сегодняшний день хуже, чем год назад из-за роста цен и инфляции, стало лучше у 7,5% пенсионеров, осталось примерно таким же, как год назад, у 40% пожилых людей. Более четверти работающих пенсионеров не имели полного набора товаров, который считается в России абсолютно необходимым, чтобы их не сочли «бедными» (холодильник, стиральная машина, пылесос, мебельный гарнитур и цветной телевизор). Кроме того, так называемые товары длительного пользования, которые есть у пожилых людей (телевизоры, холодильники, машины, бытовая техника), как правило – старые. Техника ломается, а деньги на ее замену требуются для пенсионеров неподъемные. У работающих россиян насчитывалось не менее 10 наименований товаров длительного пользования, причем как минимум 7 куплены были в последние семь лет. У 50 процентов пенсионеров таких товаров было не более семи, а сравнительно новых среди них – три штуки.

Одним из препятствий нормальной жизнедеятельности пожилых людей является недостаточность и несбалансированность питания. По данным исследования работающих пенсионеров, питание после выхода на пенсию не изменилось у 45%, изменилось (стало намного лучше, разнообразнее) у 52,5% опрошенных, у 2,5% питание стало хуже. У многих пенсионеров питание улучшилось в основном за счет получения одновременно двух видов доходов – заработной платы и пенсии. В среднем на питание у большин-

ства пенсионеров уходит $\frac{3}{4}$ от пенсии. Так, 25% опрошенных на питание тратят 40–50% от всех доходов, 30% пенсионеров тратят 60% доходов, у 32% на еду уходит 70–75%, 13% опрошенных тратят на питание 80% доходов. Это заставляет их искать возможность получения дополнительного дохода, подработок, работы.

Физическое здоровье самым непосредственным образом связано со способностью пожилых людей участвовать в жизни общества. В последние годы отмечается ухудшение показателей физического здоровья пожилых людей, проявляющееся в увеличении заболеваемости, инвалидности и смертности²⁶. Среди пожилых людей только 22% относительно здоровых, остальные страдают различными хроническими заболеваниями, имеют тяжелые нарушения функций. Это заставляет их внимательнее относиться к своему здоровью. На момент опроса проводили оздоровительные мероприятия 87,5% работающих пенсионеров. В основном это посильная утренняя гимнастика, бег, ходьба, езда на велосипеде, редко бассейн. Таким образом, работающие пенсионеры в современных условиях стараются не терять физической активности, поддерживать свое здоровье.

Представители старшего поколения ведут активную социальную жизнь: несколько раз в неделю встречаются с родственниками, друзьями или знакомыми 87%. Большинству россиян 60 лет и старше (85%) есть с кем обсудить вопросы личного характера. Есть к кому обратиться за помощью в критический момент 88% представителей старшего поколения. По результатам

опроса, 50% респондентов считают, что человек пенсионного возраста может продолжать учиться, все опрошенные считают, что вполне могут заниматься творчеством, посещать библиотеки, театры, концертные залы, кинотеатры.

Хорошее образование и способность адаптироваться к новым условиям многим пенсионерам помогают не «потеряться» в обществе. Как показали результаты анкетирования, 25% работающих пенсионеров умеют пользоваться компьютером. Использовали они его в основном для работы, для получения информации и новостей, справочных материалов и для расширения кругозора. Активными пользователями Интернета являются 12%, 21% за последний год пользовались интернет-магазинами и интернет-услугами. Это еще раз подтверждает, что у работающих пенсионеров имеется значительный потенциал развития.

Таким образом, вопросы социальной защищенности работающих пожилых людей становятся особенно актуальными в современных условиях. Старение населения ставит перед государством, различными социальными институтами множество серьезнейших проблем – экономических, социальных, психологических, культурных, которые решаются не в одночасье и только на основе выверенной специальной государственной социальной политики в отношении граждан старшего возраста. Важно не только создавать условия для их достойной жизни, но и сформировать новые представления о старости, позитивное отношение к ней, установить гармоничные отношения пожилых с социальным окружением, значительно расширить возможности продолжения трудовой деятельности граждан старшего поколения. Важнейшая задача системы социальной защиты – поддержание уровня жизни пожилых людей и в экстремальных ситуациях, содействие их адаптации к условиям рыночной экономики, цифрового общества.

Изучение социальных связей показывает, что работающие пенсионеры продолжают активно реализовывать свою социальную роль без исключения из сферы активной деятельности. Они в большей степени реализуют модель достойной старости – сохраняют социальные связи, общественные контакты, активно участвуют в жизни, уделяют больше внимания будущему и более оптимистичны. Работающие пенсионеры полны положительных эмоций, чувствуют себя нужными, значимыми и самостоятельными. Их качество жизни отличают относительное материальное благополучие, уважение окружающих, активный отдых и возможность заниматься интересной работой, стиль жизни, побуждающий к постоянной активности, к чувству ответственности за собственную личность. Но это напрямую зависит от того, как долго они смогут сохранить свою трудоспособность. В результате анализа

основных сторон качества жизни людей старшего поколения были выявлены болевые точки в их жизни, такие как материальное обеспечение и медицинское обслуживание.

Для уменьшения влияния негативных факторов, препятствующих полноценному участию пожилых людей в трудовых процессах, необходимо разработать специальные государственные меры, направленные на повышение ответственности работодателей за сохранение рабочих мест за пенсионерами. Важно также обеспечить доступ пожилых людей к образовательным программам, поощряя их стремление к непрерывному образованию, в том числе в период подготовки к выходу на пенсию, стимулировать развитие социального участия пожилых людей в организованных социокультурных группах; привлекать на государственном и муниципальном уровнях средства массовой коммуникации для реализации просветительских, информационных, консультативных, развлекательных программ для пожилых людей с учетом их групповых интересов; развивать систему бытового обслуживания пенсионеров, особенно проживающих в малых городах и сельской местности.

Примечания

- 1 См.: Распределение населения России по возрастным группам. URL: <https://ruexpert.ru/статистика> (дата обращения: 09.10.2020).
- 2 См.: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 года : стат. бюл. М. : Росстат, 2018. С. 5–7.
- 3 См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области : [сайт]. URL: <https://srtv.gks.ru/folder/27444?print=1> (дата обращения: 09.10.2020).
- 4 См.: Росстат раскрыл неудобную правду о рекордной убыли числа пенсионеров. 23 июня 2021. URL: <https://zen.yandex.ru/media/fintonkosti/rosstat-raskryl-neudobnuiu-pravdu-o-rekordnoi-ubyli-chisla-pensionerov-60d233389e2a48409a4e9f2e> (дата обращения: 25.07.2021).
- 5 См.: Число пенсионеров сокращается рекордными темпами. Август 23, 2021, 12:47. URL: https://www.if24.ru/chislo-pensionerov-sokrashhaetsya-rekordnymi-tempami/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 10.08.2021).
- 6 См.: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2018 года.
- 7 См.: Вартамова М. Л., Газимагомедова П. К. Особенности процесса адаптации и социализации пожилых людей в современном обществе // Вестник Академии знаний. 2020. № 41 (6). С. 43–50. <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10759>
- 8 См.: Галкин К. А. Онтологическая сборка сред старения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 2. С. 67–86. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.3>

- ⁹ См.: Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Старение населения : вызовы трудовой и социальной сфере (на основе данных эмпирических исследований) // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : ВЦИОМ, 2017. С. 1317–1320.
- ¹⁰ См.: Корнилова М. В. Одинокая старость : причины и ресурсы адаптации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 66–80 ; Новиков К. Е., Быканова Д. Ценности пожилых и политические последствия глобального старения населения // Демографическое обозрение. 2017. № 3. С. 153–180.
- ¹¹ См.: Парфенова О. А. Самоизоляция пожилых в городе во время пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33, № 6. С. 1027–1031. <https://doi.org/10.34922/AE.2020.33.6.002>
- ¹² См.: Елютина М. Э., Болотов Г. И. Супружеская солидарность в позднем возрасте // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия : Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 36–39. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-36-39>
- ¹³ См.: Андрианова Е. В., Худякова М. В. Виды социальной активности современного пенсионера : возможности и барьеры // Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности», 20 мая – 14 ноября 2020 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : ВЦИОМ, 2020. С. 69–73.
- ¹⁴ См.: Вартанова М. Л. «Деревни для пожилых» как новая форма организации социально-экономической помощи в условиях демографического старения населения // Вестник Академии знаний. 2020. № 40 (5). С. 91–98. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2020-10598> ; Её же. Факторы, способствующие сохранению трудовой деятельности в пожилом возрасте // Деловой вестник предпринимателя. 2020. № 2 (2). С. 17–26.
- ¹⁵ См.: Галкин К. А. Особенности нерационального социологического интервью : если у информанта диагноз «деменция» // Laboratorium : Журнал Социальных Исследований. 2020. Т. 12, № 2. С. 212–220. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-212-220>
- ¹⁶ См.: Иванов Д. Л. Проблематизация потребительского поведения старших возрастных групп // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 14–17. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-14-17>
- ¹⁷ См.: Приложение 6 к Федеральному закону «О страховых пенсиях» № 400-ФЗ (введено Федеральным законом от 03.10.2018 № 350-ФЗ) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-ostrahovyh-pensijah/prilozhenie-6/> (дата обращения: 12.12.2020).
- ¹⁸ Старшее поколение Демографические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.10.2020).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Активная жизнь на пенсии. Россияне старшего поколения ведут активный образ жизни, увлекаются различными хобби и следят за здоровьем // ВЦИОМ, 28 мая 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/aktivnaja-zhizn-na-pensii> (дата обращения: 12.07.2021).
- ²³ Старшее поколение. Демографические показатели // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 09.10.2020).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Социальный атлас российских регионов / Тематические обзоры. URL: <http://atlas.socpol.ru/overviews/settlement/index.shtml> (дата обращения: 12.12.2020).

Поступила в редакцию 12.08.2021, после рецензирования 27.08.2021, принята к публикации 01.09.2021

Received 12.08.2021, revised 27.08.2021, accepted 01.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 421–425

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 421–425

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-421-425>

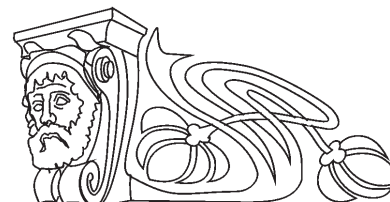
Article

The double-nature of uncertainty and risk phenomena under cross-cultural communication

B. R. Mogilevich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia.

Bronislava R. Mogilevich, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Abstract. The article studies the phenomena of uncertainty and risk, namely their double-nature. It is shown that uncertainty and risk are inherent in people's life cycles. Their importance grows at present due to the abundance of information and digitalization. Special attention is paid to the various points of view on this problem and its characteristics. Moreover, uncertainty is one of the cultural categories in terms of cultural types. In this respect uncertainty and risk acquire special importance in the course of cross cultural communication. The ways of reducing uncertainty and risks are highlighted, namely adherence to the principles of Cooperation and Politeness.

Keywords: uncertainty, risk, disorientation, globalization, fluid modernity, uncertainty reduction theory, cross-cultural discomfort

For citation: Mogilevich B. R. The double-nature of uncertainty and risk phenomena under cross-cultural communication. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 421–425. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-421-425>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 316.347

Двойственная природа феноменов неопределенности и риска в процессе межкультурной коммуникации

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Аннотация. В статье исследуются феномены неопределенности и риска, а именно их двойственная природа. Показано, что неопределенность и риск присутствуют в жизненном цикле людей. В настоящее время их важность возрастает благодаря обилию информации и цифровизации. Особое внимание уделено различным точкам зрения на эту проблему и ее характеристики. Более того, неопределенность является культурной категорией при рассмотрении типов культуры. В этой связи неопределенность и риски приобретают особую важность в процессе межкультурной коммуникации. Обозначены способы сокращения неопределенности, а именно следование принципам кооперации и вежливости.

Ключевые слова: неопределенность, риск, дезориентация, глобализация, текущая современность, теория сокращения неопределенности, межкультурный дискомфорт

Для цитирования: Mogilevich B. R. The double-nature of uncertainty and risk phenomena under cross-cultural communication [Могилевич Б. Р. Двойственная природа феноменов неопределенности и риска в процессе межкультурной коммуникации] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 421–425. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-421-425>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Uncertainty is of great importance for all humans as it presents, on the one hand, an ontological phenomenon of human existence and, on the other hand, is a cultural category. Therefore, its double-nature influences people's everyday lifestyles and is worthy of studying and evaluating.

Uncertainty and risk are permanent components of human life, and any kind of socio-cultural reality is characterized by risk categories and ambiguity in the cases where the possibility of adequate understanding

of the present and predicting the future disappears. The reason is the asymmetry of the perceived information, its interpretation and analysis in relation to the real situation. Since uncertainty and risk as concepts and states represent a categorical characteristic of all aspects of human existence, their research is interdisciplinary in nature.

The phenomenon of the uncertainty acquired particular importance in the XX century, when W. Heisenberg in 1927 discovered the principle ac-

cording to which it is possible to define any object of the material world since is possible to determine the coordinates of the object location by its impulses.

Modernization of all aspects of human life, manifested in the development of globalization, digitalization and informatization, actualizes a new perspective of socio-cultural reflection of the problem. The emphasis on the concept of uncertainty is conceptual not only in the humanitarian aspect, but also in the natural and mathematical fields.

It would seem that the post-industrial information society, representing the abundance and diversity of information, provides extensive access to its consumption and guarantees its authenticity. In fact, it is these characteristics of postindustrial reality generate uncertainty as information of communicators' disorientation. It is the increase in the amount of information, and often its redundancy, cause the violation of the communication stability, in particular, in the field of choosing the best options and the amount of information.

It should be noted that the uncertainty in the socio-cultural context is ambivalent – it reflects the perception of the social reality of the individual, that is, it is subjective. On the other hand, uncertainty is objective as a projection of destruction / change of existing socio-cultural meanings, processes, institutions [1].

F. Knight, one of the first researchers of the uncertainty phenomenon, has identified its causes: the lack of information, ignorance, accident, counteraction [2].

In other words, most of the socio-cultural processes taking place in modern social reality are characterized by varying degrees of uncertainty. These phenomena complicate or even block the possibilities of adequate solutions to ensure the stability of socio-cultural norms, contributing to the emergence of emotional instability, confusion, nervousness, and depression [3].

As N. G. Osipova notes, informatization and digitalization of the changing social reality contribute to the mixing of basic concepts of life in society, including citizenship, confessional affiliation and even gender. Individuals, receiving a variety of information that is difficult to perceive and analyze, cannot concentrate. In this case, the picture of the world is presented as a mosaic picture, which is difficult to perceive logically [4].

The greatest contribution to the study the uncertainty phenomenon was introduced by Z. Bauman that defined modern social reality as “fluid modernity» (“liquid modernity”). It is interesting to note that the first studies of uncertainty as a category of social reality were undertaken back in antiquity. So Thales, a representative of the Milet school, believed that water is not an embodiment of uncertainty because of its constant movement and variability. Aristotle in his turn, defined movement as the embodiment of uncertainty [5]. According to Z. Bauman, fluid

modernity is a transition from a structured social reality and the presence of stable institutions to the society free from obligations, boundaries and conditions. This condition is characterized by all sorts of surprises, uncertainty, inconsistency, and a person in this reality acquires social mobility and possibilities of social lifts and access to various information. Z. Bauman uses beautiful, even poetic metaphor “fluid modernity” for the characteristic of our, very complex, fluid and flexible social reality, full of risks of varying degrees of danger, on the one hand, and the great opportunities for progress, on the other.

Highlighting variability and uncertainty of fluid present, Z. Bauman identified five new characteristics of the basic concepts of human life:

- liberation as freedom from society, but also freedom of destruction of identity;

- individuality as the antipode of a citizen and encouraging consumerism and interest in the private life of people (for example, stars and politicians), and not in their activities;

- time and space as a change in these concepts in the process of electronic;

- work as a new form of employment – distance work and study outside offices and educational institutions;

- community – urbanization and the creation of megalopolises have aggravated the opposition “friend” – “alien” in the form of outbursts of nationalism, xenophobia and fascism [6].

The speed of life in the flow of liquid modernity requires the person to be in permanent tension because of such fears as “not to have time”, “not to catch up”, “not to get” to the detriment of self-reflection. The state of uncertainty provokes the emergence of risks as components of the life cycle. The classical definition of risk is presented as follows – “...active, conscious action of a person with the hope of good luck in conditions of uncertainty of the activity's outcome” [7, p. 96].

N. Luhmann, presenting a critical concept of the state of risk, emphasized its ontological essence and emphasized the probabilistic nature of man. In other words, N. Luhmann, in solidarity with F. Knight, thought, that risks arise by chance, and sociological perspective on this phenomenon lies in the fact that the nature of the risk to be judged in the context of communications with the inclusion of its meaning and decision taking. Thus, according to N. Luhmann, the risk is due to a person's active life position [8].

W. Beck in his research to the nature of the risks focuses on the fact that globalization accelerates and multiplies the numerous risks – natural, technological, social, economic, financial and political. In these conditions a national government, in the classical sense of the term, cannot with its duties and gives way to transnational institutions. Society, according to W. Beck becomes: “...a risk society, and the risks are multiplied all the time due to the development of science and technology. Risk is the systematic interac-

tion of society with the threats and dangers created by modernization as such. Unlike past eras, today's risks are the consequences, directly connected to the alarming power of modernization and uncertainty globalization" [9, p. 188].

According to W. Beck, globalization leads to the dominance of terrorism, environmental and socio-humanitarian disasters. He compares global terrorism to the Chernobyl of the world economy: "Nuclear waste was buried at Chernobyl, and globalization "buried" its promises to the world's salvation". He believes that the terrorists discovered not only the vulnerability and weakness of Western civilization, but also anticipated globalization economic conflicts [9, p. 21].

The concept of risk by E. Giddens postulates the riskiness of modern social reality. Risk, according to E. Giddens, is a product of modernization and globalization. But, unlike W. Beck's concept of the nature of risks, E. Giddens emphasizes its positive functions as mobilizing and dynamic forces that characterize modern society, and people do not rely on natural forces, religious dogmas and traditions, but act independently and determine their future. E. Giddens defines the social reality of postmodernity as "high modernity" full of numerous risks, uncertain situations that threaten both the whole of humanity and its individual representatives [10].

There are many classifications of risk, but 2 types are most often traced – technogenic and sociogenic risks. Technogenic risks are caused by the loss of control over production and its negative impact on the environment; sociogenic risks, in turn, are the reason for the emergence of social uncertainty due to the loss of control over social transformations on the part of society. Sociocultural risks, in turn, are due to the asymmetry of the subject's actions in relation to the transformations of society in conditions of uncertainty. In turn, the socio-cultural risks can be represented as: ethnic, military, political, financial, etc. [11].

Intercultural risks deserve special attention in the context of globalization, as they reflect the functioning of international contacts. Intercultural communication as the interaction between representatives of different cultures and different languages is always driven by their cultural identity, which is manifested in different spheres of life.

Uncertainty as a sociocultural phenomenon is present in the processes of socialization, enculturation and acculturation in the life cycle of each individual as a member of society in all spheres of his life – in other words, in a spatio-temporal context. It is known that the phenomenon of culture has the greatest number of definitions, each of which characterizes different aspects of this all-encompassing concept. From the point of view of intercultural differences, culture, according to G. Hofstede, is "collective programming of consciousness that distinguishes members of one group or types of people from others" [12, p. 14].

Nevertheless, all cultures have universal categories that reflect the natural and social needs of individuals, namely: generally accepted value-behavioral models in such universal situations as gender relations, custody of young children, satisfaction of basic human needs for food, warmth, sex, attitude to the elderly, the sick, the disabled [12].

Currently, there are six categories of culture:

- power distance, reflecting different interpretations of inequality;
- avoidance of uncertainty, as a level of social tension in relation to the risks of uncertainty;
- and individualism / collectivism as the degree of inclusion of individuals in primary groups;
- masculinity / femininity as social roles distribution between men and women;
- long-term / short-term orientation as a focus of action either on now or on the past or on the future;
- indulgence / restraint in the form of speed of satisfaction of needs.

Turning to the phenomenon of uncertainty as a cultural characteristic, it should be noted that this cultural category reflects the degree of society's resistance to the diversity and ambiguity of sociocultural meanings. This means the method and degree of protection of members of society in the face of non-standard situations. Thus, cultures with a high level of uncertainty avoidance tend to reduce the risks arising in the process of development. For these purposes, in these types of cultures there is a regulation of behavior in the form of following the rules and norms, traditions, customs and rituals. At the same time, deviation from generally accepted opinions and truths is condemned, and sometimes punishable by law. Representatives of these cultures are characterized by increased emotionality and often experience nervous tension. On the contrary, representatives of cultures with low uncertainty avoidance are more tolerant and tolerant of the opinions of others, do not seek to introduce many rules and prohibitions, and do not experience excessive and constant emotional stress.

G. Hofstede provides a comparative table of ten differences between cultures by degree of uncertainty avoidance. Thus, a low degree of uncertainty avoidance is characterized as follows:

- acceptance of uncertainty as a vital characteristic;
- the life cycle is perceived without tension, there is self-control in society and a low level of anxiety;
- people rarely discuss their health and well-being with others;
- in society there is tolerance for deviation from the behavioral norms;
- a calm attitude towards manifestations of disorder and ambiguity is widespread;
- school teachers often say, "I don't know," and this is considered the norm;
- there is a frequent change of job, profession and place of residence;
- all norms (rules) are in doubt;

- the authorities and the people are mutually critical and rational in relation to each other;
- the dominant position in the scientific and religious spheres is occupied by relativism and empirical methodology.

As for cultures with a high level of uncertainty avoidance, their specificity is manifested in the following:

- uncertainty impedes the flow of the life cycle and requires constant struggle and overcoming;
- throughout their life, individuals constantly experience anxiety, tension and nervousness;
- members of society are prone to frequent and verbose discussions of their health and well-being with others;
- in society there is an intolerant attitude towards all manifestations of deviant behavior due to its danger;
- teachers at school do not have the right to answer, “I don’t know”, since confidence in their erudition is a sign of a “real” teacher;
- an intentional tendency to follow the rules, even if they themselves do not follow them;
- a lack of a rational and critical attitude towards the authorities;
- the predominance of a conservative-orthodox worldview in the scientific and religious spheres [13, p. 30].

In the modern global world, a huge role is played by the implementation of full-fledged intercultural communication, which is necessary for the normal functioning of various spheres of human life – politics, economics, science, education, etc. Lack of information about the specifics of partners as representatives of “their” culture and bearers of “their” languages is often the reason for the emergence of cultural and communicative uncertainty. Cultural uncertainty occurs in situations where communication partners cannot achieve their goals and are forced to use adaptive mechanisms to suppress feelings of dissatisfaction and alienation, thus avoiding a state of frustration.

The dichotomy “friend” – “alien” as a model of the opposition “I” – “Others” actualizes the state of uncertainty at three levels of communication:

- cognitive in the form of ignorance of the “alien” socio-cultural specifics;
- emotional as doubts and uncertainty in an adequate assessment of “their” behavior on the part of “aliens”;
- behavioral in the form of indifference or aggression, or frustration towards “aliens” [14].

Uncertainty problems arising in the process of intercultural communication lead to the fact that communicants cannot realize their communicative intentions and begin to experience communicative discomfort [15, p. 212–233].

Naturally, representatives of different cultures and speakers of different languages have different worldviews, which is the reason for the emer-

gence of communicative uncertainty. According to S. G. Ter-Minasova, these barriers are recognized by communicants only in the process of intercultural communication and are conditioned by confidence in the correctness and normality of only “their” culture [16, p. 100].

Each culture has its own discursive code in the form of conventional communicative norms for the transmission of certain socio-cultural meanings that are significant and specific for a given culture [17, p. 118]. Differences in the encoding and decoding of these meanings create intercultural ambiguity in the form of communicative discomfort. Moreover, one should distinguish between linguistic codes in the form of phonetics, vocabulary and grammar of an “alien” language and cultural codes as socio-cultural specifics of communicants. Partners of intercultural communication in most cases do not perceive a mismatch of cultural meanings “their” and “alien” culture as the cause of violation of mutual expectations. The basis of the mismatch is cultural obstacles (hindrances) in the form of asymmetry of coding and decoding of the content of intercultural interaction.

Overcoming situations of uncertainty intercultural interaction can be presented from the perspective of the Uncertainty reduction theory, which is founded upon K. Shannon’s and W. Weaver’s information theory. According to this theory, the emergence of communicative uncertainty is due to the expectation that a partner will use a set of behavioral schemes, and a decrease in uncertainty, on the contrary, occurs when the options for behavior are limited [18].

According to C. Berger’s theory of uncertainty reduction, intercultural interaction can be successful / more successful if the partners adequately predict it before the interaction starts, and after the interaction they adequately interpret it, thus reducing / leveling the uncertainty [19].

In an intercultural context, reducing the uncertainty arising from interaction is necessary when communicants begin to experience communicative discomfort / communication failure in realizing their pragmatic goals. There are many reasons for the emergence of communicative discomfort, but all of them are caused by non-implementation of communicative contact between communication partners. In this regard, it is possible to single out some reasons for intercultural uncertainty arising from differences in the language structures of partners, their habits and pragmatic goals [20].

The level of intercultural competence of partners directly determines the level of intercultural uncertainty – the higher the level of intercultural competence, the less often situations of uncertainty arise due to psychophysical characteristics, social status and background knowledge of the communicants.

Particular attention should be paid to following the principles of Cooperation and Politeness as the best way to level the uncertainty and risks of intercultural communication.

The Principle of Cooperation uses maxims of verbal communication: quality – communication of truthful information; quantity – supply of the optimal amount of information; manners – consistency and conciseness of presentation; relevance – the relevance and objectivity of information. The Principle of Cooperation is supplemented by the Principle of Politeness, characterized by two fundamental rules: minimizing everything that is impolite, offensive and maximizing politeness in accordance with the following maxims: tact (minimum efforts of a partner with maximum of his benefits); generosity (minimum benefits for yourself and maximum of your efforts); approval (maximum approval of the partner and minimum disapproval); modesty (minimal disapproval from a partner); agreement (maximizing agreement and minimizing disagreement); sympathy (minimization of antipathy towards a partner) [21].

Thus, uncertainty as a socio-cultural phenomenon is a component of the life cycle, a characteristic of the type of culture, and the specifics of intercultural communication. In the latter case, it arises due to the lack / lack of knowledge about the peculiarities of the “alien” culture. Difficulties arising in the process of decoding “alien” meanings are characterized as intercultural uncertainty (communicative discomfort). Avoiding or reducing this type of uncertainty is possible by following the principles of Cooperation and Politeness. Uncertainty and risks are essential components of human destiny. They often serve as an obstacle and hindrance on the path of life, having a negative impact on the quality of life. The modern postmodern offers a wealth of information and frees people from responsibility and choice, creating uncertainty and increasing risks. Be that as it may, life goes on and people manage to cope with risks and uncertainties. It is important to know that uncertainty has a downside - certainty, and this gives us all hope.

References

- ¹ Osmuk L. A. Social uncertainty and metamorphoses of modern societies. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals], 2010, vol. 1, no. 4, pp. 84–91 (in Russian).
- ² Knight F. The concept of risk and uncertainty. *THESIS*, 1994, iss. 5, pp. 12–28 (in Russian).
- ³ Vorobiev G. A. Entropic growth in russian society in the projection of social uncertainty. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 2017, vol. 6, no. 4, pp. 126–134 (in Russian). <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.4.12>
- ⁴ Osipova N. G. Conceptualization of the society categories in the history of sociology: Key discussions. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2020, vol. 26, no. 2, pp. 7–34 (in Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-2-7-34>
- ⁵ Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, Direct-Media Publ., 2005. 311 p. (in Russian).
- ⁶ Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost'* [Fluid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (in Russian).
- ⁷ Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Vol. 4. P–V. Moscow, Russkyi yazyk Publ., 1980. 683 p. (in Russian).
- ⁸ Luhmann N. Concept of risk. *THESIS*, 1994, iss. 5, pp. 148–152 (in Russian).
- ⁹ Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 384 p. (in Russian).
- ¹⁰ A. Giddens. Fate, risk and safety. *THESIS*, 1994, iss. 5, pp. 40–111 (in Russian).
- ¹¹ Matyukh E. T. “Uncertainty” of society as the cause of the emergence of social risks of our time. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Stavropol State University], 2011, no. 72, pp. 180–186 (in Russian).
- ¹² Hofstede G. Model in the context: Parameters of the quantitative characteristics of cultures. *Yazyk, kommunikatsii i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment], 2014, no. 12, pp. 9–49 (in Russian)
- ¹³ Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York, McGraw Hill USA, 2010. 550 p.
- ¹⁴ Pushina N. I., Makhankova N. V., Shirokikh E. A. Communicative failures in intercultural communication: Causes, typology, strategies of minimization. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"* [Bulletin of the Udmurt University. Series “History and Philology”], 2015, vol. 25, iss. 6, pp. 28–34 (in Russian).
- ¹⁵ Sperber D., Wilson D. Relevance. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 23: Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23: Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., 1988. 320 p. (in Russian).
- ¹⁶ Ter-Minasova S. G. *Voyna i mir yazykov i kul'tur* [War and Peace of Languages and Cultures]. Moscow, Slovo Publ., 2008. 344 p. (in Russian).
- ¹⁷ Foucault M. *The Archeology of Knowledge*. New York, Pantheon Books, 1972. 245 p. (Russ. ed.: Kiev. Nika-Tsentr Publ., 1996. 208 p.).
- ¹⁸ Shannon K. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on Information Theory and Cybernetics]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury, 1963. 832 p. (in Russian).
- ¹⁹ Berger C. R., Calabrese R. J. Some explorations in initial interaction and beyond: Toward a developmental theory of interpersonal communication. *Human Communication Research*, 1975, vol. 1, no. 2, pp. 99–112.
- ²⁰ Ermakova O. N., Zemskaia E. A. Towards the construction of a typology of communicative failures. In: *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [The Russian Language in its Functioning. Communicative and Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 30–63 (in Russian).
- ²¹ Grice G. P. Logic and speech communication. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaia pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16: Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 220–234 (in Russian).

Поступила в редакцию 25.08.2021, после рецензирования 03.09.2021, принята к публикации 10.09.2021
Received 25.08.2021, revised 03.09.2021, accepted 10.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 426–429

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 426–429

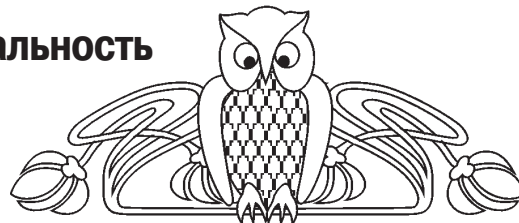
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-426-429>

Научная статья

УДК 316.344.8

Социальная сингулярность и лиминальность как факторы жизнедеятельности современной молодежи

О. В. Мунина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, munina-devinaov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-4127>

Аннотация. Молодежь представляет собой социальную группу, воспроизводящую одновременно позитивный опыт и негативные тенденции общественных трансформаций. Современное общество, в свою очередь, характеризуется сложными, противоречивыми и разнонаправленными тенденциями. Высокая доля риска и неопределенности порождает феномен схлопывания социального пространства и расширение цифровой среды вплоть до формирования цифровой реальности; это приводит к тому, что наряду с реальными поведенческими стратегиями формируются виртуальные практики. Растущая оцифровка и датификация жизненного пространства современного человека актуализируют проблему пребывания в нем молодежи, требуют анализа факторов, характеризующих жизнедеятельность молодых людей, среди которых стоит отметить, прежде всего, лиминальность и сингулярность. Конкретные условия жизнедеятельности определяют особенности сознания молодежи, а ее социальные качества в процессе развития переходят одно в другое, взаимно дополняют друг друга, обуславливая ее социальную деятельность. Последние, максимально заполняя повседневность, формируют характерные для нее способы, каналы и механизмы самопрезентации личностей и социальных групп.

Ключевые слова: молодежь, социология молодежи, общество риска, идентичность, социальная сингулярность, лиминальность, социальное и цифровое пространство

Для цитирования: Мунина О. В. Социальная сингулярность и лиминальность как факторы жизнедеятельности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 426–429. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-426-429>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social singularity and liminality as the factors of modern youth life

O. V. Munina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Munina, munina-devinaov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-4127>

Abstract. Youth is a social group reproducing both positive experience and negative trends in social transformations. Modern society, in turn, is characterized by complex, contradictory and multidirectional trends. A high proportion of risk and uncertainty gives rise to the social space collapse phenomenon and the of the digital environment expansion up to the formation of the digital reality, leading to the fact that virtual practices are formed alongside real behavioral strategies. The growing digitization and dating of the living space of a modern person actualizes the problem of young people staying in it and requires the analysis of the factors characterizing the life of young people, liminality and singularity being worth noting, first of all. The specific living conditions determine the young people's consciousness characteristics, their social qualities transition from one into another, mutually complement each other and condition their social activity in the course of development. The latter, filling everyday life as much as possible, form its characteristic ways, channels and individuals' and social groups' self-presentation mechanisms.

Keywords: youth, sociology of youth, risk society, identity, social singularity, liminality, social and digital space

For citation: Munina O. V. Social singularity and liminality as the factors of modern youth life. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 426–429 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-426-429>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Подростки и молодежь представляют собой внутреннюю силу и потенциал функционирования социума и государства в будущем, в связи с чем проблемы становления новых поколений и анализ специфических поколенческих черт выступают вектором устойчивого исследовательского интереса представителей различных наук. При этом проблемы молодежи исследуются как в контексте всего общества, так и дифференцированно – в качестве особой социальной группы с присущими ей свойствами и признаками.

В дискурсе российской социологии молодежь долгое время рассматривалась как особая социально-демографическая группа, в основу дифференциации которой были положены возрастные характеристики, особенности социального положения, специфика ценностных и поведенческих установок, место молодых людей, которое они занимали и выполняли в социальной структуре общества, и функции. При этом групповые особенности молодежи анализировались и продолжают изучаться в рамках социализационного¹, тезаурусного², стилежизненного³ и рискологического⁴ подходов. В рамках данной публикации в теоретико-методологическом плане мы исходим из основных положений тезаурусного и рискологического подходов, согласно которым информационно ориентационные и ценностно-нормативные комплексы, которые свойственны представителям современной молодежи, выражают и отражают их предметный и символический мир. Эти комплексы (тезаурусы) характеризуются как неустойчивые конструкции, обусловленные спецификой объективных социальных процессов (текущность и подвижность социальной реальности, ее неопределенность и рискологичность). Данные парадигмы дают возможность анализа процесса формирования индивидуализированных, идентификационных, а также поведенческих стратегий, реализуемых молодежью в многообразных социальных практиках.

Так, например, по мнению В. А. Лукова, в гуманитарном и социальном знании, к которому относится и проблематика молодежи, достаточно строгие требования формальной логики трудно применимы⁵. Гуманитарное знание имеет дело не столько с понятиями, сколько с концептами, выражаемыми в форме сращения смысла и эмоционального восприятия.

Нужно также отметить и тот факт, что в подвижных условиях современного общества риска понятие «молодежь» теряет свою смысловую определенность: большая часть описанных выше характеристик (возраст, социальное положение, специфика социализации и т.д.) уже не позволяет однозначно охарактеризовать данную социальную группу. Раннее половое взросление, социальное расслоение и непрерывное образование превращают молодежь в неустойчивую, транзитивную группу, что, в свою очередь, актуализирует про-

блему формирования идентичности (поиск своей идентичности для современного молодого человека превратился из данности в задачу).

Нам представляется возможным исследование молодежи на современном этапе через призму двух категорий, незаслуженно невостребованных в социологии: «лиминальность» и «социальная сингулярность» (первое понятие описывает состояние субъекта, тогда как второе характеризует средовое пространство). Ранее мы уже поднимали данный вопрос, но преимущественно затрагивали вопросы этимологии терминов и их содержания, оставив в стороне функциональную нагрузку⁶.

В научной литературе понятие «лиминальность» (от англ. *liminality*, лат. *limen* – порог, пороговая величина) относится к «переходным» или «неразличимым» пространствам в промежутке между организованными системами и системами координат, будь они физические, географические или когнитивные, социальные, и обозначает промежуточное состояние между двумя стадиями развития человека, группы, сообщества. Например, как промежуточная, в определенном смысле переходная социальная ситуация развития личности в системе общественных отношений, характеризующаяся потерей прежнего социального положения и сопряженной с ним статусно-ролевой позиции в условиях невступления в новую социальную роль. Как понятие впервые было сформулировано в работах А. ван Геннепа⁷ и В. Тёрнера⁸.

Термин «сингулярность» (от лат. *singularis* – единственный, особенный) впервые использовал еще в середине XX в. Дж. фон Нейман, имея в виду точку, за которой экстраполяция начинает давать бессмысленные результаты. Математически сингулярность представляет собой точку функции, значение в которой стремится к бесконечности, либо другие подобные «интересные» точки. Астрофизики используют термин «сингулярность» при описании космических черных дыр и в некоторых теориях начала вселенной – как точку с бесконечно большой массой и температурой и нулевым объемом. Сингулярность в философии – единичность события, явления.

Социальная сингулярность – это особая точка на пути развития человеческого общества, после которой эволюция человеческого разума в результате помещения его в специально созданную социальную среду достаточно высокого уровня коммуникативности ускорится до такой степени, что дальнейшие изменения приведут к естественному возникновению «нового мышления» принципиально иного качества.

Следует заметить, что в научном сообществе неоднозначно относятся к социальной сингулярности – от критики до понимания необходимости и неотвратимости грядущих перемен. В настоящее время актуализовалась проблема проецирования желаемого будущего на реальную практику жизни, поэтому сингулярность как совокупность про-

цессов, сопровождающих неустойчивое развитие системы под влиянием рациональных и случайных факторов, представляет большой интерес⁹.

Социальную сингулярность и лиминальность можно рассматривать как факторы жизнедеятельности современной молодежи: социальная сингулярность – внешний фактор социальной среды, лиминальность – предиктор внутриличностный.

С точки зрения функциональной составляющей лиминальность:

- выступает стимулом активного саморазвития и саморефлексии;
- формирует потребность осознания своего места в социуме;
- подталкивает к построению жизненной траектории и профессиональной деятельности в ближайшей и отдаленной перспективе.

Состояние лиминальности заставляет человека пересмотреть представления о себе, сложившиеся у него на предыдущем этапе развития личности, и обнаружить скрытый потенциал – интеллектуальный, эмоциональный, ментальный. Как правило, индивид осознает, что являлось «точкой входа» в лиминальность, тогда как «точка выхода» остается вариативной. Индивид понимает, что возможны различные способы его перехода в новое состояние (например, в ситуации с таким лиминальным состоянием, как гражданский брак, возможные выходы – заключение официального брака и прекращение сожительства). Негативные последствия лиминальности обусловлены длительностью лиминального состояния, которое может вызвать у индивида уверенность в том, что это состояние не лиминальное, а обычное, и поэтому следует смириться и далее пребывать в подобном кризисном состоянии. Среди распространенных примеров последствий длительного пребывания представителей молодого поколения в лиминальном состоянии – эгоцентризм, различные проявления инфантилизма, отсутствие перехода к социальной ответственности.

Социальная сингулярность как средовая характеристика, в свою очередь, заявила о себе изменениями социума, обусловленными пандемией вируса COVID-19. Новый вызов для человечества интегрировал реальное и цифровое пространство, породил новые стандарты социальной интеракции и испытал на прочность привычные механизмы индивидуальной и групповой идентичности. Идентификация как элемент социализации в этих условиях приобрела новые оттенки и еще большую пластичность, а базовые тактики и паттерны поведения продемонстрировали свою неустойчивость. Состояние нестабильности и стремительный переход к цифровой жизнедеятельности, отражаясь в сознании молодых людей, повлияли на их потребности, интересы, ценностные ориентации в их поведенческих программах.

В ситуации переноса жизнедеятельности человека в цифровое пространство, обусловлен-

ного пандемией коронавируса, старшее поколение столкнулось с кризисом широких (этнических, территориальных, культурных, политических) идентичностей, в то время как представители молодежи продемонстрировали высокую адаптивность процесса идентификации социального субъекта в цифровом формате и формирование новых видов идентичностей. Залогом успеха последних стала Patchwork-идентичность, характеризующаяся многоуровневостью социокультурной реальности. Присутствие у молодежи лиминальной характеристики обеспечило ей адаптацию к самореализации в цифровом информационном пространстве. Пороговое, промежуточное состояние между двух миров – реальным и цифровым – способствовало развитию личности представителей молодого поколения за счет опыта реализации взаимодействий в реальном и цифровом мире. Благодаря собственной лиминальности представители молодого поколения расширили свое жизненное пространство, обрели способности гибкой мобильности, получили подвижную, пластичную идентичность. Современная молодежь практически полностью погрузилась в цифровую реальность, которая стала, по сути дела, основным способом вхождения индивида в социум и средством самопрезентации индивида.

Резюмируя вышеизложенное, мы еще раз подчеркнем тот факт, что наличие у современной молодежи в качестве социальной группы лиминальных характеристик обеспечило ей новое коммуникативное жизненное пространство в виде онлайн-социальности и возможность выстраивания нового стиля жизни. Вместе с тем, новые условия породили новые вопросы, в том числе связанные с негативными тенденциями социальной сингулярности, проявившимися в атомизме, эгоцентризме и инфантилизме молодежи, на фоне которых появились идеи о необходимости внедрения цифрового детокса молодежи.

Примечания

- ¹ См.: Ковалева А. И., Реут М. Н. Социализация неслышащей молодежи. М. : Социум, 2001.
- ² См.: Луков В. А. Теории молодежи : Междисциплинарный анализ. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
- ³ См.: Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост. и науч. ред.: Е. Л. Омельченко. М. : ИД ВШЭ, 2020 ; Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. К вопросу о молодежных культурах в современной России // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. Кн. 4. М. : ИД ВШЭ, 2017. С. 183–191.
- ⁴ См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности : противоречия саморегуляции // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 6.

- С. 215–231. <https://doi.org/10.15838.2020.6.72.13> ; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Противоречия саморегуляции жизнедеятельности молодежи в изменяющейся реальности : теоретический подход // Социология и общество : традиции и инновации в социальном развитии регионов [Электронный ресурс]. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 4678–4685. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.552>
- ⁵ См.: Луков В. А. Теории молодежи : пути развития (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 70–82.
- ⁶ См.: Мунина О. В. Лиминальная идентичность поколений COVID // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 23–28. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-23-28>
- ⁷ См.: Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов : пер. с фр. М. : Восточная литература РАН, 1999 ; Gennep A. Van. The Rites of Passage. Chicago : University of Chicago, 1960.
- ⁸ Тернер В. Символ и Ритуал. М. : Наука, 1983 ; Turner V. Liminal to Liminoid in Play, Flow, and Ritual : An Essay in Comparative Symbolology. Rice University Studies, 1974.
- ⁹ См.: Поздеева Е. Г. Контуры социального будущего в сингулярной реальности : социологический взгляд на проблему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 12–14. <https://doi.org/10.18721/JHSS.8201>

Поступила в редакцию 15.07.2021, после рецензирования 16.08.2021, принята к публикации 28.08.2021
Received 15.07.2021, revised 16.08.2021, accepted 28.08.2021

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 430–434

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 430–434

<https://soziopolit.sgu.ru>

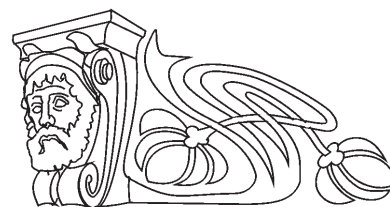
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-430-434>

Научная статья

УДК 316.346.3

Социальная поддержка пожилых граждан в эмоционально-психологической сфере

О. П. Сынкина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сынкина Ольга Петровна, аспирант кафедры социологии социальной работы, synkina.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-2929>

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – удовлетворенности пожилых граждан эмоционально-психологической поддержкой со стороны системы социального обслуживания. Приводятся результаты качественного исследования (интервью), проведенного автором в составе исследовательской группы при кафедре социологии социальной работы СГУ имени Н. Г. Чернышевского в г. Саратове и области. Опираясь на качественную методологию, автор анализирует группы пожилых граждан, нуждающихся в эмоционально-психологической помощи и идентифицирует уровень потребности в специализированной психологической помощи пожилых людей.

Ключевые слова: пожилые люди, одиночество, социальная работа, эмоционально-психологическая поддержка, качественные методы

Для цитирования: Сынкина О. П. Социальная поддержка пожилых граждан в эмоционально-психологической сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 430–434. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-430-434>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The elderly citizens' social support of in the emotional and psychological sphere

O. P. Synkina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga P. Synkina, synkina.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-2929>

Abstract. The article is devoted the actual problem – the satisfaction of elderly citizens with emotional and psychological support from the social service system. The article presents the results of the qualitative research (interview) as part of the research group at the Department of Sociology of Social Work of Saratov State University in Saratov and the region. On the basis of the qualitative methodology, the groups of elderly citizens who need emotional and psychological assistance are studied and the level for the need for specialized psychological assistance for the elderly is identified.

Keywords: elderly people, loneliness, social work, emotional and psychological support, qualitative methods

For citation: Synkina O. P. The elderly citizens' social support of in the emotional and psychological sphere. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 430–434 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-430-434>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследование геронтологического направления в социальной политике является актуальным в настоящее время, поскольку связано с процессом всеобщего старения населения, увеличением пожилой когорты граждан в составе населения и, конечно же, изменением образа жизни пожилых граждан. В научной литературе выделяются

следующие направления исследования геронтологической проблематики: преступность в пожилом возрасте, особенности семейного функционирования пенсионеров, продолжение профессионально-трудовой деятельности в третьем возрасте, проблема вдовства и многие другие. Тем не менее, традиционные проблемные узлы,

связанные с исследованием здоровья представителей геронтологической группы, их досуговых практик и системы социального обслуживания, также остаются востребованными. При этом исследование специфики деятельности социального работника в сфере эмоциональной поддержки и психологической помощи пожилых граждан особенно актуально.

Целью данной статьи выступает попытка идентификации проблемных зон в деятельности социального работника, осуществляющего надомное обслуживание пожилых граждан, нуждающихся в эмоционально-психологической помощи. Для ее достижения мы провели качественное исследование (интервью) в марте–июне 2021 г. среди пожилых граждан, находящихся на надомном обслуживании (N = 21) в г. Саратов и Саратовской области. Задачи исследования заключались в выявлении основной группы пожилых граждан, нуждающихся в эмоционально-психологической помощи, и определении уровня потребности в специализированной психологической помощи пожилых людей.

В качестве респондентов выступили получатели услуг пожилого возраста: 9 женщин и 9 мужчин; в качестве экспертов в исследовании выступили три специалиста по социальной работе с пожилыми людьми, работающие в центре социального обслуживания. Все интервью с получателями услуг проводились на территории проживания респондентов, а с экспертами – на рабочем месте.

В качестве гипотезы исследования выступило представление о том, что в настоящее время в России именно одиноко проживающие граждане пожилого возраста, находящиеся на надомном обслуживании, не удовлетворены деятельностью социального работника в сфере эмоциональной поддержки и психологической помощи.

Предоставление социальных услуг пожилым гражданам в современной России выступает самостоятельным направлением в сфере социальной политики, но, по утверждению О. Антоновой, из зоны внимания социальных служб выпадает профилактическая работа, направленная на предупреждение кризисного состояния пожилого человека¹, оставшегося без поддержки в связи с сознательным выбором, сложившимися обстоятельствами или физической утратой родственников. В связи с этим на социальных работников, оказывающих адресные услуги непосредственно пожилым, одиноко проживающим гражданам, накладываются дополнительные функции по общению и времяпровождению. Справедливо подчеркивают исследователи, что для некоторой категории престарелых граждан потребность высказаться и быть услышанным является первостепенной². Мы понимаем, что в должностные обязанности социального работника, оказывающего надомные услуги пожилым людям, входят

предоставление эмоциональной поддержки и проведение бесед, тем не менее, по отношению к пенсионерам, страдающим от одиночества, данные услуги приобретают большую актуальность, чем для других категорий граждан.

Пожилый возраст, помимо прочего, характеризуется депрессиями, которые остро и негативно отражаются на психологическом и физическом состоянии человека, вплоть до суицидального поведения. Так, на возрастную группу 60 лет и старше приходится около 23–30% завершенных самоубийств, т. е. практически каждый четвертый суицид³. При этом недостаток социальных взаимодействий (одиночество) играет ключевую роль в суицидогенезе⁴. В связи с этим социальное обслуживание пожилых граждан на дому выступает одной из основных технологий социальной работы, применяемой государственными учреждениями при решении возникающих проблем у пенсионеров по возрасту, в том числе и эмоционально-психологического характера.

Пожилые граждане в данном контексте выделяются из других групп по целому ряду показателей, так как среди широкого перечня трудностей наиболее значимыми являются те, которые связаны с организацией общения и взаимодействия пенсионеров с другими людьми, а также получением социально-бытовых и медицинских услуг. Преодоление изоляции пожилого человека при этом выступает как наиболее фундаментальная проблема, поскольку, по мнению исследователей, около одной трети всех пожилых людей либо умеренно, либо тяжело одиноки⁵.

Однако негативная сторона одиночества не так очевидна, как это могло бы показаться при беглом знакомстве. Исследователи давно подчеркивают, что физическое проживание в одиночку не ведет за собой социальную изоляцию – большинство граждан третьего возраста регулярно общаются с другими людьми (с соседями или во время прогулок). Более того, взаимодействие с друзьями для многих несет большее удовлетворение, чем с родственниками; действительно, находясь на пенсии, человек имеет возможность подходить к общению избирательно⁶. Схожие результаты демонстрируют и наши исследования:

Р.: *Ко мне соседка часто навещается <...> не на пенсии она, работает бухгалтером <...> поболтаем, чай попьем, обсуждаем новости... политику, да коронавирус (клиент центра социального обслуживания, женщина, 72 года, апрель 2021);*

Р.: *С родственниками почти не общаюсь..., созваниваемся иногда <...> с подружками в карты играем или лото, особенно зимой часто <...> сама, вроде справляюсь, Юля [соцработник] помогает (клиент центра социального обслуживания, женщина, 79 лет, май 2021).*

Действительно, люди пожилого возраста, так же как и молодые, дорожат уединением и независимостью и рассматривают жизнь в одиночку

как преимущество, а не как депривацию, пожилые граждане могут демонстрировать «сольное» проживание, но не ощущать себя одинокими и отверженными. В данном контексте интересным представляется описание Ф. Хёпфлингером феномена «родственников по выбору»⁷, с которыми пожилые граждане эмоционально крепко взаимодействуют. А по данным М. Прохорова, у пожилого человека складываются близкие, доверительные отношения со «случайными» людьми, например с продавцом магазина или почтальоном⁸.

Также исследователи отмечают, что для некоторой части граждан старшего возраста, особенно овдовевших, «доживание» в одиночестве – это сознательный выбор. Экономическая независимость и хорошее здоровье – вот два вида причин, по мнению Т. Козловой, дающих возможность пенсионерам по возрасту вести индивидуальное домашнее хозяйство, несмотря на близкое проживание с детьми, предпочтение отдается общению по телефону и периодическим встречам, нежели совместному проживанию⁹. Отмеченные выводы подтверждаются и нашими исследованиями:

Р.: Да, ну не хотят сами, сколько я знаю бабушек и я даже не хочу, у них свой дом на Пролетарке, и хотели квартиру продать, но я слепая и соцработник ко мне, зачем мне это нужно, пока я ногами хожу, так же и про других слышу, умерла бабушка одна 85 лет и у дочери вдвоем с мужем жили в трехкомнатной и там и дожилась, а я здесь умру и все бабушки так, чтобы не мешать молодым и чтобы дома у себя жить, а то буду ни так ни этак и все остальное, вот так же я не иду хоть и слепая (клиент центра социального обслуживания, женщина, 82 года, май 2021);

Р.: Ну, я думаю это уже тенденция, ведь молодые хотят жить отдельно ну и то что человек один это зависит от того как он прожил жизнь свою (клиент центра социального обслуживания, мужчина, 72 года, июнь 2021);

Р.: Ну, с детьми в настоящее время жить я не хотела бы, потому что дети совершенно другие, дети хотят жить отдельно (клиент центра социального обслуживания, женщина, 81 год, март 2021).

Таким образом, одиноко проживающие пожилые граждане в целом отмечают, что данный статус ими выбран самостоятельно, жилищно-бытовые и медицинские проблемы решаются либо собственными силами, либо с помощью знакомых, соседей, друзей или социального работника. Наши респонденты в определенном смысле ведут достаточно активный образ жизни, не замыкаются в себе и не демонстрируют социальной депривации. Тем не менее, мы согласны с М. Елютиной в том, что «у пожилых людей нередко чувство активного распоряжения временем, владения им, планирования заменяется чувством бесплодной потери или замешательством перед непонятным

и пугающим ходом дней, сводящим дальнейшие жизненные перспективы к нулевому варианту»¹⁰. Данные Г. Величко свидетельствуют о том, что около 30% одиноких пожилых людей испытывают затруднения при организации своего быта, чувство тоски, покинутости, опустошенности, апатии¹¹. В связи с этим функции социального работника по предоставлению эмоциональной поддержки и проведение бесед кажутся особенно актуальными и востребованными. Тем не менее, результаты наших исследований свидетельствуют об отсутствии у респондентов потребности в специализированной психологической помощи. Мы согласны с М. Елютиной в том, что пожилые люди перегружены тревожными ожиданиями и танатаническими тревогами¹², но, опираясь на ответы наших респондентов, можно утверждать, что необходимость в специализированной психологической помощи ими не осознается и не требуется в силу неактуальности и бесперспективности.

Р.: Да куда уж мне эта помощь, старый уж пусть молодым помогают, а я и так смогу. Все понимаю, никуда не денешься от старости, да и проблемы всякие бывают, и от них никуда не денешься. Психолог не исправит ничего, только если эмоционально как-то, посмотришь на все с другой стороны, и легче будет. Мне и не нужен психолог (клиент центра социального обслуживания, мужчина, 81 год, май 2021);

Р.: Всю жизнь сами разбирались со своими проблемами, и сейчас уж, давно, разберусь <...> придет Лена [соцработник], приберется, еду готовит, вот и мы пообщались. <...> Она дальше идет, я не одна у нее, на том и спасибо (клиент центра социального обслуживания, женщина, 76 лет, март 2021).

Отталкиваясь же от мнения экспертов, подчеркнем, что пожилые люди даже при необходимости редко пользуются психиатрической помощью вследствие бытующего «эйджизма» во взглядах медицинских работников, которые привычно относят психические симптомы к проявлениям либо необратимых возрастных изменений, либо соматических заболеваний¹³. По словам наших респондентов, идти в поликлинику бесполезно, так как никакой реальной помощи они не получают, вся диагностика сводится к апелляции к преклонному возрасту:

Р.: У врачей одно и то же: «Чего же вы хотите, вам уже девятый десяток пошел?» (клиент центра социального обслуживания, мужчина, 81 год, март 2021);

Р.: В поликлинику я не ходила, а сейчас, вообще, этот коронавирус..., я не хожу, там и раньше не до меня было, а сейчас тем более (клиент центра социального обслуживания, женщина, 76 лет, март 2021).

Таким образом, можно утверждать, что одинокие пожилые граждане, находящиеся на недо-

мном обслуживании, не отмечают актуальности эмоциональной поддержки и потребности в психологической помощи. При этом, опираясь на мнение Т. Кудрявцевой, осуществляя теоретические или практические изыскания в геронтологическом контексте, следует иметь в виду, что по степени значимости переживаемых страхов в пожилом возрасте на первом месте находится именно страх одиночества. Особенно остро боязнь одиночества проявляется у женщин, поскольку они привыкли всегда быть в окружении родных, проявлять заботу о них, быть нужными и важными участниками жизни¹⁴. Результаты наших исследований также свидетельствуют о том, что основные страхи пожилых гражданам – оказаться в одиночестве и утратить способность к самообслуживанию:

Р.: *Хочется, чтобы побольше общения было. А то вот Рита [соцработник] придет, работу сделает и уходит, пообщается, конечно, но всегда спешит, я ведь не один у нее, а еще и семья все-таки дома ждет, чего со мной сидеть, но вот охота, чтоб побольше* (клиент центра социального обслуживания, мужчина, 83 года, февраль 2021);

Р.: *Не дай Бог валяться тут одной... ни в туалет сходить, ни воды попить... Ужас, даже представить страшно...* (клиент центра социального обслуживания, женщина, 78 лет, март 2021);

Р.: *Умереть бы сразу, чтоб не лежать и не мучиться..., да других не напрягать. Вон, соседка, давеча виделись, а на утро раз... нет ее, ба... померла <...> зато быстро* (клиент центра социального обслуживания, женщина, 76 лет, март 2021).

Отмеченные переживания пожилых граждан являются реакцией на негативное отношение к пенсионерам в нашем обществе, которое характеризуется неприятием немощности, нуждаемости, зависимости. Наши респонденты-эксперты подчеркивают, что данные тенденции не полностью ликвидированы даже в системе социальной помощи пожилым, которая по-прежнему несколько формализована и регламентирована, адресная помощь оказывается социальными работниками без учета индивидуальных потребностей пожилых, а следовательно, не может удовлетворить все имеющиеся нужды и обеспечить достаточное качество жизни получателям услуг – пожилым гражданам. В данном контексте, справедливо подчеркивают исследователи, работа с пожилыми – нелегкий труд как с физической, так и морально-психологической точки зрения, требующий знаний не только геронтологии, медицины, но и психологии пожилых людей¹⁵.

Таким образом, подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

1. Одиноко проживающие пожилые граждане, как правило, дорожат своим статусом, выбирают его самостоятельно и остро, в сожителях, осу-

ществляющих за ними «досмотр», не нуждаются. Возникающие жилищно-бытовые, медицинские и эмоционально-психологические проблемы решаются собственными силами, либо с помощью знакомых, соседей, друзей, социального работника, либо приходящими время от времени родственниками. Их образ жизни для данного возрастного этапа характеризуется как достаточно активный, социальной депривации не наблюдается.

2. Одинокие пожилые граждане, находящиеся на надомном обслуживании, не нуждаются в срочной эмоциональной поддержке и психологической помощи. В целом, деятельность в эмоционально-психологической сфере социальным работником реализуется в соответствии с должностными инструкциями как самостоятельный ее вид, не носит формализованного характера, не выполняется «между делом», «фоном».

В результате можно констатировать, что наша гипотеза не подтвердилась, в настоящее время в России одиноко проживающие граждане пожилого возраста, находящиеся на надомном обслуживании, в целом удовлетворены деятельностью социального работника в сфере эмоциональной поддержки и психологической помощи.

Примечания

- 1 См.: Антонова О. Л. Социальная поддержка пожилых людей методами интеграции в социокультурную среду (на примере ГБУ КЦСОН Октябрьского района г. Екатеринбург) // Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества : материалы V Международных социально-педагогических чтений им. Б. И. Лившица. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2013. С. 252–253.
- 2 См.: Ноянзина О. Е., Максимова С. Г. Интегрированная старость : социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1, № 1. С. 113–114. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)1-09](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)1-09)
- 3 См.: Хлусов И. И., Чиждова Д. М., Жданова Д. Л. Медико-психологические особенности самоубийств у лиц пожилого и старческого возраста // Вестник психотерапии. 2007. № 24 (29). С. 188.
- 4 См.: Любов Е. Б., Зотов П. Б., Положий Б. С. Пандемии и суицид : идеальный шторм и момент истины // Суицидология. 2020. Т. 11, № 1 (38). С. 15. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38)
- 5 См.: Newall N., Chipperfield J., Clifton R., Perry R., Swift A., Ruthig J. Causal Beliefs, Social Participation, and Loneliness Among Older Adults : A Longitudinal Study // Journal of Social and Personal Relationships. 2009. № 26. Р. 273–290. <https://doi.org/10.1177/0265407509106718>
- 6 См.: Козлова Т. З. Одиночество пожилых людей (Одинокие пожилые люди в России) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 : Социология : реферативный журнал. 2000. № 1. С. 107.

- ⁷ Hopflinger F. Soziale Beziehungen im Alter – Entwicklungen und Problemfelder. Zurich : Seismo, 2001. S. 6.
- ⁸ См.: Прохорова М. В. Переживание одиночества в старости в контексте теории капитала // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. 2008. № 4. С. 62.
- ⁹ См.: Козлова Т. З. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁰ Елютина М. Э. Пожилые люди : отношение к смерти и танатологические тревоги // Социс. Социологические исследования. 2015. № 10. С. 112.
- ¹¹ См.: Величко Г. А. Одиночество пожилых людей : Социально-психологический анализ // Научные труды Северо-Западного института управления. 2014. Т. 5, № 1 (13). С. 33.
- ¹² См.: Елютина М. Э. Указ. соч. С. 119.
- ¹³ См.: Журавлев А. К., Конончук В. В. Активное долголетие и профилактика суицидального поведения у людей старшего возраста // Живая психология. 2016. Т. 3, № 3 (11). С. 191–192.
- ¹⁴ См.: Кудрявцева Т. А. Проблемы и страхи пожилых людей // Новая наука : теоретический и практический взгляд : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / ред. А. А. Коротких. Владивосток : Центр научного развития «Большая книга», 2017. С. 68–78.
- ¹⁵ См.: Ноянзина О. Е., Максимова С. Г. Указ. соч. С. 112.

Поступила в редакцию 30.07.2021, после рецензирования 12.08.2021, принята к публикации 27.08.2021
Received 30.07.2021, revised 12.08.2021, accepted 27.08.2021

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 435–441

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 435–441

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-435-441>

Научная статья
УДК 329(470+571)

Союзное государство в современном политическом дискурсе России

О. В. Бахлова[✉], Е. Г. Уляшкина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, olga.bakhlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

Уляшкина Екатерина Григорьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник НОЦ «Политический анализ территориальных систем», katerina.ulyashkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-003X>

Аннотация. Статья посвящена анализу вопросов интеграционного взаимодействия России и Белоруссии в ракурсе восприятия существования и функционирования Союзного государства властными институтами и политическими партиями Российской Федерации. Проведено исследование контента официальных сайтов органов государственной власти, информационно-аналитического портала Союзного государства и партийной программы на примере предвыборных документов политических партий, допущенных к участию в выборах в Государственную Думу восьмого созыва. Официальная трактовка предполагает, прежде всего, наращивание интеграционных связей с Белоруссией в различных сферах и направлениях, без создания единого государства и акцентирования вопроса об углублении политической интеграции. В партийном дискурсе интеграционная проблематика на современном этапе востребована в меньшей степени, хотя отдельными партиями предлагаются более радикальные подходы, вплоть до «реставрационного».

Ключевые слова: вызовы и угрозы, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, дискурс власти, интеграционная политика, политические партии, Союзное государство Беларуси и России, избирательная кампания

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Беларуси и России: внутреннее и внешнее измерения»).

Для цитирования: Бахлова О. В., Уляшкина Е. Г. Союзное государство в современном политическом дискурсе России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 435–441. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-435-441>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

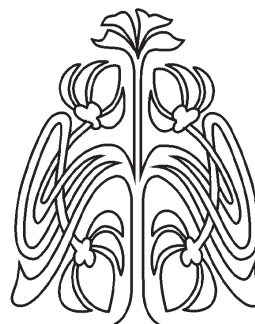
The Union State within the modern political discourse of Russia

О. В. Bakhlova[✉], Е. Г. Uliashkina

National Research Ogarev Mordovia State University, 68 Bolchevistskaja St., Saransk 430005, Russia

Olga V. Bakhlova, olga.bakhlova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

Ekaterina G. Uliashkina, katerina.ulyashkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4670-003X>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article is devoted to the analysis of the issues of integration interaction between Russia and Belarus through the lens of perception of the existence and functioning of the Union State by the power institutions and political parties of the Russian Federation. A study of the content of the official websites of state authorities, the information and analytical portal of the Union State and party programming was conducted on the example of pre-election documents of political parties admitted to participate in the elections to the State Duma of the eighth convocation. The official interpretation assumes, first of all, building up integration ties with Belarus in various spheres and directions, without creating a single state and emphasizing the issue of deepening political integration. In the party discourse, integration issues are less in demand at the present stage, although some parties offer more radical approaches, up to the "restoration" one.

Keywords: challenges and threats, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, discourse of authority, integration policy, political parties, the Union State of Belarus and Russia, electoral campaign

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 21-011-31086 "Challenges and Opportunities for the Union State of Belarus and Russia: Internal and External Dimensions").

For citation: Bakhlova O. V., Uliashkina E. G. The Union State in the modern political discourse of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 435–441 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-435-441>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Союзное государство Беларуси и России (Союзное государство, СГБР) можно рассматривать не только как интеграционный проект, но и как политический. На протяжении более 20 лет оно находится в фокусе внимания участников разноуровневых процессов. В интерпретации ими российско-белорусской интеграции наблюдаются, с одной стороны, отсылки к объективным обстоятельствам, побуждающим к объединению двух стран и народов либо его стимулирующим, с другой – конъюнктурные тезисы, использующиеся для манипулирования ситуацией и провозглашенными в Договоре 1999 г. и последующих соглашениях и договорах интеграционными целями в определенных интересах. В научной литературе высказывается, например, мнение о противоречивости стратегических замыслов и тактических действий в этой плоскости, о приверженности узкогрупповой мотивации, об отсутствии согласованных позиций политических элит¹. В последние годы проблематика союзного строительства в дискурсивных практиках высшего политического руководства РФ, провластных и оппозиционных общественных объединений, включая политические партии, постепенно перемещается в разряд «обыденных», без завышенных ожиданий. Стало уже привычным торможение решений принципиальных вопросов. Вместе с тем белорусский кризис 2020 г. наглядно продемонстрировал тесную взаимосвязь внутренней и внешней политики, необходимость четкого формулирования ориентиров и применения эффективного инструментария, в том числе в области интеграционного взаимодействия.

Официально СГБР инкорпорировано в систему региональных приоритетов внешнеполитического курса России: так, в Концепции внешней политики 2016 г. заявлено о намерении «расширять стратегическое взаимодействие с Республикой Беларусь в рамках Союзного государства в целях развития интеграционных процессов во всех сферах»². Однако результа-

ты проведенного нами ранее контент-анализа содержания официального сайта Президента Российской Федерации (<http://kremlin.ru>) (период 17.02.2018–08.07.2020 г., сопрягаемый с президентскими избирательными кампаниями в России и Белоруссии) в данном ракурсе рисуют не вполне убедительную картину. В частности, для российского лидера в большей степени характерно употребление категорий, коррелируемых с полем евразийской интеграции: «ЕАЭС», «евразийская интеграция», «Евразийский экономический союз». Категория «Союзное государство» достаточно востребована, но уступает названным, как и категория «российско-белорусская интеграция»³. В то же время события в Белоруссии и вокруг нее с августа 2020 г. послужили катализатором интенсификации репрезентации темы двусторонней интеграции в президентском дискурсе. Так, в течение года с даты выборов Президента Республики Беларусь (РБ) Союзное государство упоминалось главой Российского государства 28 раз (<http://kremlin.ru/search?since=09.08.2020&till=09.08.2021&query=Союзное+государство>) – в разных контекстах. Для сравнения: за аналогичный период 2019–2020 г. – 22 раза (<http://kremlin.ru/search?since=09.08.2019&till=08.08.2020&query=Союзное+государство>). Активизировались разнообразные контакты на высшем уровне (телефонные разговоры президентов РФ и РБ, встречи, в том числе неформальные, переговоры и т. п.).

Но сохранилась и обозначившаяся в предшествующий период константа – увязка «союзной» и «евразийской» тем. Яркое ее подтверждение – поздравительная телеграмма В. В. Путина А. Г. Лукашенко от 10 августа 2020 г.⁴. Еще в одной знаковой поздравительной телеграмме к Дню единения народов Беларуси и России от 2 апреля 2021 г. Президентом России дана положительная оценка механизмов Союзного государства как обеспечивающих «высокий уровень двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической, гуманитарной и многих других сферах» и выражена уверенность

в продолжении продуктивной совместной работы «по развитию всего комплекса конструктивных союзнических отношений»⁵. В данной телеграмме, что примечательно, использовано понятие «сотрудничество», а не «интеграция». Но изучение содержания других президентских текстов обнаруживает предпочтительность в них интеграционной концепции и соответствующих лексических и семантических конструкций в духе строительства «нашего общего Союзного государства»⁶. Важными сюжетами в дискурсе российского лидера в текущий период являются совместное противостояние РФ и РБ внешним вызовам и угрозам и укрепление братских связей. Заметим, что схожие установки введены и в Стратегию национальной безопасности РФ 2021 г.⁷

В целом, Союзное государство, российско-белорусские многоплановые отношения в дискурсе власти помещаются в довольно обширную систему координат и коммуникаций, формирующуюся под влиянием совокупности вызовов и угроз, разнообразных импульсов, поступающих из внутренней и внешней среды. В нем также отражаются осознание деструктивности воздействия на РФ и РБ как участниц Союзного государства и сам процесс двусторонней и евразийской интеграции определенных событий и инициатив внешних акторов. Официальными представителями РФ, особенно по линии Министерства иностранных дел, негативно трактуются попытки вмешательства во внутривнутриполитическую ситуацию в Белоруссии и последующее наращивание санкционной политики Евросоюзом и некоторыми иными субъектами. Характерно, например, в этом смысле интервью заместителя директора Департамента информации и печати МИД России Н. Т. Лахонина, в котором говорится о попытках внешних сил реализовать в республике очередной сценарий «цветной революции» в целях свержения действующего руководства, прихода к власти подконтрольных Западу политических сил, «отрыва» Белоруссии от России. Подчеркивается, что на официальный Минск «продолжается массированное политическое и санкционное давление со стороны Запада. Белорусская эмигрантская оппозиция, призывающая к раскачиванию политической ситуации и ужесточению экономических ограничений, напротив, получает от западных стран беспрецедентную финансовую и информационную поддержку». При этом допускается, что «в белорусском обществе на момент проведения выборов имелся запрос на определенные политические изменения»⁸. Константа российской позиции – заверения о следовании Россией в сложившейся ситуации «своим союзническим обязательствам и целям построения Союзного государства», о тесной координации с Бело-

руссией мер, необходимых «для устойчивого и суверенного развития братской нам страны»⁹, обеспечения национальной безопасности двух стран совместными усилиями¹⁰.

Своего рода ответом на внутрибелорусский кризис стал «ренессанс» обсуждения перспективы углубления интеграции в рамках СГБР (прежде всего фактически заблокированных в конце 2019 г. «дорожных карт», согласование порядка 30 новых отраслевых союзных программ и прочих вошедших в пакет интеграционных документов, охватывающих многие направления взаимодействия). Самое пристальное внимание уделяется вопросам налогового и таможенного регулирования, условиям сотрудничества в энергетике и доступа белорусской стороны на российский рынок¹¹. В данном измерении все более весома роль Председателя Правительства РФ. Если Президент России в силу своей должности более склонен к интерпретации союзного строительства в стратегическом ключе, то М. В. Мишустин – в прагматичном, к конкретизации насущных задач интеграционного взаимодействия по сферам, отраслям и пр.¹². Это касается и ряда иных федеральных органов исполнительной власти, их руководителей и членов.

Разумеется, в реальности в российско-белорусских отношениях продолжают присутствовать сложности взаимного понимания и порой расходящиеся представления о возможных путях, моделях, механизмах интеграции. Однако в официальном дискурсе РФ преимущественно прослеживается тенденция к умеренности даже в случае острых либо резонансных заявлений с белорусской стороны. В частности, это касается сдержанной реакции российских официальных лиц по поводу отдельных высказываний Президента РБ А. Г. Лукашенко в ходе его пресс-конференции 9 августа 2021 г.¹³. Идея политической интеграции по-прежнему не приветствуется белорусской властной элитой; российская в своих дискурсивных практиках проявляет умеренность, осторожность в суждениях и пока не склонна торпедировать ситуацию.

Главный ориентир российской официальной позиции – дальнейшее поступательное развитие Союзного государства с учетом относительно новых и, по сути, уже традиционных вызовов и угроз (пандемии, «цветных революций», экспансии НАТО и пр.). Механизмы реагирования на них продолжают оставаться в основном прежними, если говорить о сферах внешней политики и безопасности, сохраняя преимущественно межгосударственный, координационный характер. С другой стороны, просматривается активизация по линиям формирования контрсанкционной политики, оборонительного, научно-технологического, научно-образовательного общих пространств, что находит свое отражение в официальном дискурсе.

Существенной частью политического дискурса России выступает партийный дискурс, несмотря на недостаточность политической активности и функциональности российских партий. Любопытно сопоставить доминирующие репрезентации союзной тематики в их дискурсивных практиках в преддверии очередных выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ и практиках высшего политического руководства. В решающую фазу парламентской избирательной кампании 2021 г. вышли 14 российских партий, придерживающиеся различных идеологических установок. Среди них – четыре ведущие партии, на протяжении последних электоральных циклов закрепившие за собой парламентский статус, прочно встроенные во властные структуры (Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (ЕР), политическая партия «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (КПРФ), политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), социалистическая политическая партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ» (СР-ПП)). Как и в 2016 г., участниками выборов стали Всероссийская политическая партия «ПАРТИЯ РОСТА» (ПР), Всероссийская политическая партия «Родина» («Родина»), политическая партия «Гражданская Платформа» (ГП), политическая партия КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ (КПКР). «Новички» кампании 2021 г. по сравнению с 2016 г. – политическая партия «ЗЕЛЕНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» (ЗА), политическая партия «НОВЫЕ ЛЮДИ» (НЛ), Российская партия свободы и справедливости (РПСС), Партия пенсионеров, политическая партия «Российская экологическая партия «ЗЕЛЕНЫЕ» («ЗЕЛЕНЫЕ»). Состоялось «возвращение» в федеральный электоральный процесс политической партии «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» («ЯБЛОКО»).

И «старожилы», и «новички» (абсолютные, как, например, «Новые люди», и относительные, например, Партия пенсионеров), и прочие участники избирательной кампании накануне выборов прибегли к некоторым модификациям политтехнологического плана (ребрендинг «справедливороссов», разработка ЕР «Народной программы» и пр.). Определенным образом были скорректированы и их предвыборные программные позиции по интеграционной проблематике. В той или иной степени она оказалась востребованной менее половиной участников (таблица). Расположение партий указано в соответствии с утвержденным ЦИК порядком размещения партий в избирательном бюллетене¹⁴. Сохранено написание, принятое в конкретных документах.

Из данных таблицы следует, что СГБР и более широко – сюжеты развития интеграционных процессов на пространстве СНГ – не являются доминантными в предвыборных установках участников парламентской кампании 2021 г. Интерес к ним обнаружился, в первую очередь, у ведущих партий, за исключением СР-ПП, сосредоточившейся на внутренней проблематике. Вместе с тем по ее предвыборной программе сквозной нитью проходит тема патриотизма и затрагивается вопрос о соотечественниках – на Донбассе, в ближнем и дальнем зарубежье, их праве на сохранение культурных, экономических и гуманитарных связей с Россией, создание единого с Россией образовательного пространства и пр.¹⁵. Таким образом, интеграционный компонент позитивного, созидательного плана, имея в виду акцент на важности сближения, единства, присущ по большому счету и СР-ПП. С другой стороны, «яблочники» представили фактически прозападную парадигму интеграционной политики, считая приоритетными, среди прочего, Общее пространство безопасности с ЕС, безвизовый режим со странами Евросоюза, возобновление процесса вступления в Организацию экономического сотрудничества и развития. Предлагаются «мир с соседями», «прекращение вмешательства во внутренние дела» Украины, Белоруссии и других государств на постсоветском пространстве, но не общая интеграционная повестка с ними. Одновременно «ЯБЛОКО» настаивает на «кооперации России и развитых стран мира в поиске ответов на глобальные вызовы и угрозы» (бедность и неравенство, защита биоразнообразия, терроризм, распространение оружия массового поражения, распространение заболеваний и др.)¹⁶.

К интеграционной проблематике обратились преимущественно «народно-патриотические силы», партии, тяготеющие к левому спектру. Причем она трактуется с позиций традиционного для них «реставрационного» подхода, с апелляцией к важности восстановления единого государственного пространства бывшего СССР либо исторического единства. Однако «образные представления об идеальнотипических моделях»¹⁷ на фоне фрагментации левого сегмента партийной системы РФ, внешнеполитического мейнстрима и геополитической ситуации вряд ли осуществимы. Притом, как показывает анализ деятельности, например, Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, где, к слову, председателем является Л. И. Калашников из фракции КПРФ, программные и предвыборные лозунги не подкрепляются реальными инициативами на законодательном уровне¹⁸. К возвращению бывших террито-

Интеграционная проблематика в предвыборных программах политических партий РФ, 2021 г.

№ п/п	Политическая партия / программа	Упоминание о важности интеграционных процессов на постсоветском пространстве, контекст		Упоминание о Союзном государстве Беларуси и России / российско-белорусской интеграции, контекст	
1	КПРФ / Десять шагов к власти народа	+	Шаг 9: Сильная Россия – безопасная страна Мы обязаны делать все для сближения братских народов СССР, для возрождения нашего исторического единства	+	Необходимо формировать полноценное Союзное государство России и Белоруссии
3	ЛДПР / Предвыборная программа ЛДПР 2021	+	Вернуть все бывшие территории СССР. Только через референдумы, мирно и без войн. Объединить торгово-экономическое пространство СНГ и ШОС	–	–
5	«Единая Россия» / Народная программа партии «Единая Россия» «За благополучие и достойную жизнь людей. За сильную и успешную Россию»	+	Развивать интеграционные структуры, основанные на равноправии и открытые к взаимодействию с окружающим миром (ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, ОДКБ)	–	–
10	КПКР / Долой капитализм – Даешь социализм! Предвыборная программа КПКР	+	Необходимо наполнить реальным содержанием братские связи со всеми бывшими советскими республиками, всеми территориями, которые тяготеют к России исторически и политически... главная цель – восстановление Союзного государства с социалистической перспективой	+	Недопущение иностранного вмешательства в жизнь Союзного государства Россия-Белоруссия
13	«Родина» / Программа партии «Родина» на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва 2021 г.	+	Восстановление Русского мира как стратегического единства русских, украинцев и белорусов – безусловный геополитический приоритет российского государства. В перспективе будут созданы необходимые условия для возрождения единого государственного пространства нашей Родины в масштабах СССР	+	Отдельно тема СГБР не поднимается

Примечание. Составлено на основании положений предвыборных программ политических партий Российской Федерации, размещенных на их официальных сайтах: <https://kprf.ru/party-live/cknews/203630.html>; <https://ldpr.ru/party>; <https://er.ru/media/documents/August2021/L4Sk4t74UXKF1MG1oFjh.pdf>; <https://komros.info/predvybornaya-programma-kpkr/>; <https://rodina.ru/partiya/documentsForRead/48>.

рий СССР призывает ЛДПР, но интерпретируя его в своей логике. ЕР придерживается весьма умеренного подхода к интеграции по ее существенным характеристикам, хотя и обширной по географическим параметрам, артикулируя важность открытости и равноправия. В этом смысле ее установки в большей мере коррелируют как с константами официального дискурса РФ, так и с белорусским «взглядом» на СГБР и другие интеграционные форматы. Заметим, что в предыдущей предвыборной программе ЕР 2016 г. Союзное государство упоминалось¹⁹.

Многие политические партии РФ в своих предвыборных программах вообще не сочли нужным заявить о своем видении внешнепо-

литического курса и интеграционной политики России, что объяснимо как спецификой их идеологических платформ и социальной базы, так и тактикой предвыборной гонки, обусловленной актуальными чаяниями граждан (например, ПП, «Зеленые», ЗА). Набор и расстановка приоритетов в предвыборной программатике в целом совпадают с «общественным заказом», иллюстрируемым данными опроса ВЦИОМ, представленными 27 августа 2021 г. Согласно им, наиболее важные темы для россиян, которые должны быть отражены в программах политических партий, – это здравоохранение (59%), положение пенсионеров (53%), образование (45%), оплата труда работающих (4%) и поддержка се-

мы и материнства (37%). Топ-5 тем, на которые россияне обращают внимание при знакомстве с программами партий, – здравоохранение (95%), образование (92%), положение пенсионеров, оплата труда работающих и поддержка семьи, материнства и детства (по 90%)²⁰. Очевидно, что вопросы внешней и интеграционной политики в предпочтительную для граждан РФ тематику не входят, несмотря на сложную международную обстановку и артикуляцию соответствующих сюжетов СМИ. Сошлемся также на неоднозначные результаты еще одного опроса ВЦИОМ (представленные 9 сентября 2020 г.). С одной стороны, они свидетельствуют, что о создании СГБР знают более половины опрошенных (57%, на 8 п.п. больше, чем в начале 2019 г.), но, с другой – что впервые слышат о нем 43% респондентов, чаще молодежь 18–24 лет (58%) и 25–34 лет (54%). Подобные результаты могут рассматриваться как подтверждение слабости информационного сопровождения союзного строительства. Увеличение количества респондентов, знающих об СГБР в 2020 г., произошло скорее из-за нагнетания информационного «шума» вокруг Белоруссии в связи с президентскими выборами в республике. Значительный процент «незнающих» среди молодежи – весьма настораживающее обстоятельство, обедняющее смысл СГБР как стратегического долгосрочного интеграционного формата. Кроме того, более 40% опрошенных россиян фактически не воспринимают Белоруссию как некоего эксклюзивного партнера России по интеграции, указав на ненужность Союзного государства как объединения двух стран и высказавшись за добрососедские отношения с Белоруссией. В то же время 22% респондентов признали необходимость объединения двух государств на равноправной основе, 17% – вхождения Белоруссии в состав России на правах одного или нескольких субъектов РФ²¹.

В целом в партийном дискурсе вопросы интеграционной политики и союзного строительства занимают гораздо меньше места, нежели в официальном. Прослеживается солидарность в понимании необходимости развития и углубления интеграционных связей, наращивания взаимодействия в политической, экономической, научной, культурной сферах и т. д. Некоторым политическим партиям-участницам избирательной кампании 2021 г., как было показано, свойственны более радикальные воззрения на содержание, характер и форму интеграции. Оговоримся, что Союзное государство трактуется ими и как, по сути, возрожденный Советский Союз, более обширное, чем СГБР, объединение, базирующееся на идее социализма. В современном официальном дискурсе СГБР воспринимается преимущественно как один из

интеграционных форматов в обширном поле евразийской интеграции, отвечающий интересам обеих стран как равноправных партнеров.

Судя по содержанию официального и партийного дискурса, белорусский кризис 2020 г. не был воспринят значимыми элитными группами в качестве экзистенциального. Хотя здесь остаются открытыми вопросы: в каком ракурсе, для кого и пр.? Для их позиций во властных отношениях, для национальной безопасности обеих стран и перспектив интеграции в регионе СНГ? Думается, в большей степени верно первое, несмотря на бытующую интерпретацию угрозы «цветной революции» как угрозы режиму. Украинский кризис 2014 г. в данном плане оказал более выраженное воздействие на концепцию и практику интеграционной политики России и партийную программтику, что подтверждается рядом предвыборных программ 2016 г. Предположим, что указанные различия вытекают не в последнюю очередь из особенностей настоящего момента, когда потребности граждан концентрируются во внутреннем, социальном измерении, когда наибольшим вызовом видится распространение коронавирусной инфекции вкупе с экономическими трудностями, а не нарастание внешней экспансии «коллективного Запада». Тем более что украинский кризис вызвал к жизни и такое явление, как «крымский консенсус», подъем патриотических настроений, в то время как сейчас подобного не происходит. В рамках предвыборной борьбы фактически лишь маргинальная КПКР затронула проблему противодействия иностранному вмешательству в дела СГБР, хотя справедливости ради стоит упомянуть, что в разгар белорусского кризиса к данной теме обращались и другие партии, особенно КПрФ.

В официальном дискурсе, как отмечалось, отчетливо проявляется осознание важности совместного реагирования РФ и РБ на возникающие опасности, предпринимаются определенные усилия и на практике, хотя многие из них требовались гораздо раньше. Отсутствие большого интереса у политических партий РФ, претендующих на место во власти в парламентской кампании 2021 г., к проблематике союзного строительства можно оценивать не только как реакцию на «общественный заказ», но и как подтверждение согласия на следование в фарватере сложившегося прежде внешнеполитического курса высшего политического руководства. Представляется также, что относительная девальвация на текущий момент в общественно-публичном дискурсе союзной тематики обусловлена и фактическим отсутствием рекламы преимуществ двусторонней интеграции, и их недоступностью для большинства граждан.

Примечания

- ¹ См., например: Куракина С. И., Баршова О. А. К 20-летию создания Союзного государства России и Беларуси : итоги, проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 137–159. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-47-137-159>
- ² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 25.08.2021).
- ³ См.: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Политика идентичности в контексте нациестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России) // Регионология. 2020. Т. 28, № 4. С. 736. <https://doi.org/10.15507/24131407.113.028.202004.723-753>
- ⁴ См.: Поздравление Александру Лукашенко с победой на выборах Президента Белоруссии. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63872> (дата обращения: 25.08.2021).
- ⁵ Поздравление с Днем единения народов России и Белоруссии. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65264> (дата обращения: 25.08.2021).
- ⁶ VIII Форум регионов России и Белоруссии. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65982> (дата обращения: 25.08.2021).
- ⁷ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 2.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ⁸ Ответ заместителя директора Департамента информации и печати МИД России Н.Т. Лахонина на вопрос МИА «Россия сегодня» в связи с годовщиной президентских выборов в Белоруссии. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4836258 (дата обращения: 25.08.2021).
- ⁹ Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос СМИ об экономических санкциях ЕС против Белоруссии. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/by/-/asset_publisher/Uwp6wJEbzrL0/content/id/4800188 (дата обращения: 25.08.2021).
- ¹⁰ См.: Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Белоруссии В. В. Макеем по итогам переговоров, Москва, 18 июня 2021 года. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4790760 (дата обращения: 25.08.2021).
- ¹¹ См.: Беларусь и Россия практически полностью согласовали пакет интеграционных документов. URL: <https://news-front.info/2021/08/18/moskva-i-minsk-v-shage-ot-obedineniya-ekonomik> (дата обращения: 23.08.2021).
- ¹² См.: Премьер-министр Беларуси Роман Головченко провел телефонный разговор с Председателем Правительства России Михаилом Мишустиним, сообщили в пресс-службе Правительства РФ. URL: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/golovchenko-i-mishustin-obsudili-integraciyu-i-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 23.08.2021).
- ¹³ См.: Встреча с журналистами, представителями общественности, экспертного и медийного сообщества «Большой разговор с Президентом». URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-zhurnalistami-predstavatelyami-obshchestvennosti-ekspertnogo-i-mediynogo-soobshchestva-bolshoy-razgovor-s-prezidentom> (дата обращения: 25.08.2021).
- ¹⁴ См.: О Порядке размещения наименований и эмблем политических партий в избирательном бюллетене для голосования по федеральному избирательному округу на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва : постановление ЦИК России от 16.08.2021 № 42/337-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹⁵ См.: Предвыборная программа Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ». URL: <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf> (дата обращения: 28.08.2021).
- ¹⁶ См.: «Свобода и закон. Надежда на будущее». Программа партии «ЯБЛОКО» на выборах Государственной Думы VIII созыва (2021). URL: <https://www.yabloko.ru/program2021> (дата обращения: 28.08.2021).
- ¹⁷ Вилков А. А. Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу 2021 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 208. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>
- ¹⁸ См.: Бахлова О. В. Парламентские механизмы обеспечения интеграционной политики в рамках Союзного государства // Совершенствование механизма государственного управления в условиях правовой интеграции государств : материалы международного круглого стола / под ред. Т. А. Червяковой. Минск : БГУ, 2018. С. 35–38.
- ¹⁹ См.: Программа партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/party/program> (дата обращения: 28.08.2021).
- ²⁰ См.: Повестка–2021 : общественный заказ на партийную программу. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/povestka-2021-obshchestvennyi-zakaz-na-partiinuju-programmu> (дата обращения: 28.08.2021).
- ²¹ См.: Белоруссия, Россия, Союзное государство. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/belorusiya-rossiya-soyuznoe-gosudarstvo> (дата обращения: 28.08.2021).

Поступила в редакцию 01.09.2021, после рецензирования 06.09.2021, принята к публикации 10.09.2021
Received 01.09.2021 revised 06.09.2021, accepted 10.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 442–446

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 442–446

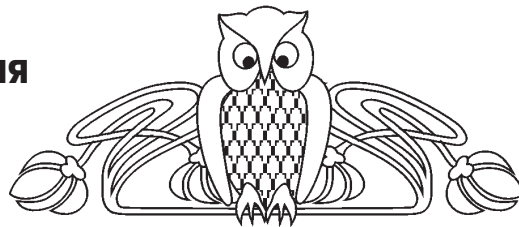
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-442-446>

Научная статья

УДК 329.78

Российские модели взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений

И. В. Андропова[✉], Е. В. Семочкина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Андропова Ирина Владимировна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, m838om@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8278-7254>

Семочкина Екатерина Владиславовна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления, semochkina@internet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4627-0607>

Аннотация. На основе анализа взаимодействия органов государственной власти с молодежными объединениями в 1990–2000-е гг. авторы приходят к выводу, что работа в таких структурах предоставляет возможность вовлечения молодежи в решение социально-экономических, политических процессов в регионах через проектную и нормативную деятельность. Обосновывается целесообразность активизации этой деятельности, поскольку именно в процессе такого взаимодействия формируется активная гражданская позиция молодежи.

Ключевые слова: молодежь, парламент, орган власти, молодежная политика, правительство, избирательная комиссия, закон

Для цитирования: Андропова И. В., Семочкина Е. В. Российские модели взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 442–446. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-442-446>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian models of interaction between state authorities and youth associations

I. V. Andronova[✉], E. V. Semochkina

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Irina V. Andronova, m838om@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8278-7254>

Ekaterina V. Semochkina, semochkina@internet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4627-0607>

Abstract. Based on the analysis of the interaction of state authorities with youth associations in the 1990s–2000s, the authors conclude that engagement in such structures provides an opportunity to involve young people in social, economic, and political processes in the regions through project and regulatory activities. Expediency of activating such activities is justified, since it is in the process of such interaction that an active civil position of young people is formed.

Keywords: youth, parliament, body of power, youth policy, government, electoral commission, law

For citation: Andronova I. V., Semochkina E. V. Russian models of interaction between state authorities and youth associations. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 442–446 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-442-446>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Правовое поле, в котором развивается молодежная политика в нашей стране, в 2020 г. пополнилось обновленным текстом Основного закона государства¹, а также федеральным законодательством. Молодежь с принятием Федерального закона № 489 «О молодежной политике в Российской Федерации»² увеличила свои ряды до 41 млн человек. Сейчас молодой человек в воз-

расте от 14 до 35 лет обладает поддержкой со стороны государства, которая направлена на воспитание патриотизма, нравственности, развитие научного потенциала молодых ученых, поддержку молодых семей, содействие предпринимательской деятельности молодежи. Свое исследование мы посвятили развитию института наставничества, поддержке молодежных инициатив, содей-

ствию международному и межрегиональному сотрудничеству в области молодежной политики.

Координация деятельности молодежных организаций осуществляется через дополнительную систему государственных органов и молодежных объединений. Это позволяет более эффективно взаимодействовать на межведомственной основе, учитывать интересы молодежи, а также активизировать действия молодежи в реализации различных проектов, направленных на решение социальных вопросов, затрагивающих сферу образования, культуры, молодежной политики, физической культуры и спорта.

Характеризуя этапы становления и развития молодежной политики в нашей стране, отметим такие значимые даты, как 90-е гг. прошлого столетия. Указом Президента Российской Федерации в 1992 г. в Москве был открыт Институт молодежи, ныне Московский гуманитарный университет, ставший преемником научно-исследовательского центра ВКИШ при ЦК ВЛКСМ, который регулярно представляет Правительству РФ аналитические отчеты о положении молодежи и вносит предложения по решению возникающих проблем.

В 1993 г. целью государственной молодежной политики было создание правовых, экономических, организационных условий и гарантий для реализации личности молодежи и развития молодежных объединений, инициатив движения, в частности: содействие социальной, духовной и культурной жизни, социальному развитию, физической активности молодежи, предотвращению дискриминации молодых граждан по возрасту; создание условий для более полного включения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества; дать возможность молодым людям самим выбирать свой жизненный путь, добиваясь личного успеха; реализовать инновационный потенциал молодежи в интересах социального развития и развития самой молодежи.

Указанные общие цели и принципы политики должны реализовываться на всех уровнях государственного управления в Российском государстве. Органы публичной власти с учетом своей компетенции осуществляют меры в сфере государственной молодежной политики на основе нормативных правовых актов и программ, которые принимались в развитие Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации». Данный правовой документ утратил свою юридическую силу в связи с принятием федерального законодательства о молодежи в декабре 2020 г. Дальнейшее развитие правовых основ было представлено примерами создания различных форм и объединений, изучающих молодежную политику в различ-

ных регионах страны. Так, в Москве в феврале 1999 г. был создан Совет по делам молодежи при Правительстве Москвы, который возглавлял вице-мэр; в Республике Коми создан межведомственный координационный совет при Главе Республики; Приказом Министерства образования Российской Федерации от 8 июня 2001 г. № 2334 создан Координационный совет по вопросам взаимодействия с молодежными и детскими общественными объединениями при Министерстве образования Российской Федерации³.

Начало 2000-х гг. привело к дальнейшему развитию инициатив государственной власти по отношению к молодежи. Как отмечает в своем исследовании О. Фурсов, «важным шагом в развитии молодежного парламентаризма в России стало создание Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, которая начала свою работу 28 октября 2002 года. Эта консультативно-совещательная структура создана для изучения проблем молодежи в Российской Федерации, оказания содействия Государственной Думе в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, обеспечения взаимодействия органов государственной власти с молодыми гражданами»⁴.

Указанные инновации содействовали процессу легитимации по созданию общественных молодежных парламентов во всех регионах страны. Их деятельность способствовала актуализации возникающих проблем в молодежной среде, участию студенческой молодежи в законодательных процессах.

Общественная молодежная палата участвует в разработке государственной молодежной политики и разработке законопроектов. Его представители выступают в качестве экспертов, мнения которых также учитываются при формировании бюджета Российской Федерации

Молодежное парламентское движение – это деятельность, направленная на формирование и развитие общественных консультативно-совещательных структур молодежи на различных уровнях государственной власти. В России молодежные парламенты формируются непосредственно при органах государственной власти в качестве консультативно-совещательных органов, действующих на добровольной основе. Учитывая опыт развития молодежного парламентаризма в Российской Федерации, в качестве наиболее эффективных можно выделить следующие основные его формы:

1) молодежные парламенты, созданные при органах законодательной власти. Являясь общественным совещательным органом, члены их избираются от максимально возможного количества территорий, образовательных учреждений, других организаций, молодежных общественных объединений;

2) молодежные парламенты или молодежные правительства, созданные при органах исполнительной власти. Однако понятие «парламент» подразумевает организацию взаимодействия с органами законодательной власти. Эффективнее при органах исполнительной власти создавать молодежные правительства – институт молодых стажеров, получающих в процессе деятельности хорошую практику административной работы и привносящих в деятельность государственных органов «свежие» идеи.

Создание Общественной молодежной палаты демонстрирует заинтересованность законодательной власти на федеральном уровне в вовлечении молодежи в процесс решения собственных проблем путем развития законодательной инициативы и реализации конституционного права молодых граждан на участие в управлении делами государства⁵.

Следующим этапом стало появление молодежных правительств в регионах страны. Их деятельность направлена на вовлечение студенческой молодежи в реальные процессы управления регионами. Молодежное правительство, которое формируется на конкурсной основе, состоит из людей в возрасте от 18 до 30 лет, каждый молодой министр закреплен за профильным региональным министром.

Организацией, призванной популяризировать, координировать и поддерживать деятельность института молодежных правительств в России, является Ассоциация молодежных правительств Российской Федерации, которая появилась в апреле 2008 г. На сегодняшний день в 72 субъектах Российской Федерации работают молодежные правительства. Среди наиболее значимых направлений их деятельности – не только подготовка к профессиональной деятельности в сфере государственной гражданской службы, но и более интересные задачи, связанные с разработкой инновационных проектов, способных помочь в решении наиболее сложных проблем своего региона или муниципалитета.

На современном этапе развития российского общества молодое поколение заинтересовано в активной работе по продвижению и развитию инновационных идей, связанных с внедрением цифровых технологий в систему публичного управления. Учитывая, что молодежной среде как особой социально-демографической группе присущи не только положительные, но и негативные характеристики, государству необходимо после выявления этих характеристик с участием научного сообщества принять комплекс мер, направленных на развитие прогрессивных тенденций и предотвращение негативных.

Например, к положительным характеристикам молодежи относятся проявление интереса к самообразованию, новые инновационные идеи видения современности, пропаганда здорово-

го образа жизни, а к отрицательным – низкий уровень политической и правовой культуры, недостаточный уровень интеграции талантливой молодежи, неэффективный механизм взаимодействия органов государственной власти и молодежного сообщества. В настоящее время взаимодействие государства и молодежных общественных объединений в России осуществляется в следующих направлениях:

- создание институтов осуществления государственной молодежной политики;
- финансовое обеспечение деятельности молодежных объединений;
- информационное обеспечение деятельности молодежных объединений;
- научно-методическая поддержка молодежных объединений;
- кадровое обеспечение;
- научные разработки проблем молодежи⁶.

Следует отметить, что сегодня в России накоплен действительно ценный опыт в области государственной молодежной политики. В то же время надо сказать, что существует ряд серьезных проблем в сфере взаимодействия государства и молодежных общественных объединений. Эксперты указывают на фрагментарный характер поддержки общественных объединений, преобладание субъектно-объектного характера взаимодействия, когда государство выступает заказчиком, а общественное объединение – исполнителем в сфере государственной молодежной политики. Не предпринимается попытка понять основополагающие принципы поддержки и взаимодействия общественных объединений, что приводит к острой конкуренции внутри государственного сектора за поддержку со стороны государственных органов. Формы осуществления данной программы очень разнообразны: общественные молодежные приемные, организация мониторингов в молодежной среде, создание теле- и радиопередач, ведение рубрик на страницах периодической печати, организация клубов, диспутов, рекламных кампаний. В таком понимании создание молодежного парламента является одним из методов работы государственных органов, общественных объединений, а не целью и не конечным продуктом⁷.

В марте 2016 г. в целях совершенствования механизмов взаимодействия Федеральному агентству по делам молодежи и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, реализующих государственную молодежную политику, а также для оценки эффективности их деятельности была утверждена система ключевых показателей реализации государственной молодежной политики региональными органами исполнительной власти, состоящая из восьми элементов.

1. Привлечение молодежи к инновационной, волонтерской деятельности, научно-техническо-

му творчеству; содействие карьерным устремлениям; поддержка и взаимодействие с общественными организациями и движениями.

2. Наличие муниципального и регионального молодежного форума; участие молодежи субъекта РФ в окружных молодежных форумах, Всероссийских молодежных образовательных форумах, международных молодежных форумах.

3. Грантовая поддержка.

4. Работа с АИС «Молодежь России».

5. Наличие Совета молодых ученых и специалистов при высшем органе исполнительной власти; наличие молодежной коллегиально-совещательной структуры при высшем органе исполнительной власти региона.

6. Наличие регионального государственного бюджетного учреждения по работе с молодежью; муниципального бюджетного учреждения; ресурсного центра по развитию добровольчества, а также для молодежных организаций, ресурсных центров международного молодежного сотрудничества, имеющего договоры с Росмолодежью.

7. Наличие сайта; наличие в социальных сетях групп органа исполнительной власти; освещение деятельности; публикации.

8. Наличие в субъекте Российской Федерации закона о молодежи и/или молодежной политике, о поддержке молодежных и детских объединений, программы по реализации молодежной политики и другие программы⁸.

Сегодня молодежная политика имеет множество форм и методов ее реализации. И уже стало очевидно, что тенденции ее развития смещаются в сторону участия молодежи в социально-экономическом развитии своих территорий, воспитания и образования компетентных кадров, а также создания и функционирования организованных образований, включенных в жизнь молодежи. Такими организованными образованиями сегодня являются органы молодежного самоуправления, которые действуют на всей территории Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях” и Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» идет формирование участковых избирательных комиссий со сроком полномочий пять лет. В связи с этим особую роль приобретает подготовка молодых специалистов для избирательной системы. Молодежные избирательные комиссии, создаваемые при избирательных комиссиях различного уровня, являются источником кадрового резерва для избирательной системы⁹.

Союз молодежных избирательных комиссий (МИК) Российской Федерации был создан для

координации работы молодежных объединений. Целями Союза МИК России являются: создание и развитие системы молодежных избирательных комиссий Российской Федерации; повышение правовой, политической и избирательной культуры молодежи; популяризация избирательных процессов среди молодежи РФ; повышение уровня доверия к избирательной системе Российской Федерации; содействие проведению выборов в органы молодежного самоуправления. Члены Союза МИК России – уполномоченные представители молодежных избирательных комиссий субъектов, делегированные Молодежной избирательной комиссией субъекта Российской Федерации в Союз МИК России.

В 2014 г. Центральная избирательная комиссия РФ приняла постановление «О Молодежной электоральной концепции». Концепция направлена на реализацию новых подходов и способов работы с молодыми избирателями в возрасте от 18 до 35 лет на основе аналитических данных с учетом имеющегося опыта и существующих на сегодняшний день направлений работы по повышению правовой культуры и электоральной активности молодых избирателей и форм взаимодействия организаторов выборов с общественными и молодежными организациями¹⁰.

Таким образом, в постсоветский период создается система взаимодействия органов государственной власти с молодежью, внедряются новые формы, методы и технологии работы с молодежью, развиваются направления работы с подрастающим поколением, принимаются нормативные правовые акты на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Следует иметь в виду, что молодежная политика как инструмент обеспечения социального развития молодежи не может быть реализована в виде отдельной отрасли, сферы управления. Основным способом реализации такой политики должна стать координация деятельности различных государственных и негосударственных институтов при условии наличия общей стратегии молодежной политики, понимания тенденций и перспектив ее развития. Активную роль в этом процессе могут играть преподаватели социогуманитарных дисциплин в учебных заведениях. Только в этом случае можно ожидать эффективных решений и возможных позитивных изменений в политической активности российской молодежи.

Примечания

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- ² См.: О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ³ См.: *Щеголев С. Д.* Механизмы взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 3 (29). С. 44–50.
- ⁴ *Фурсов О. Б.* Создание Общественной Молодежной Палаты при государственной Думе Федерального Собрания РФ и основные направления её деятельности // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. Т. 7, № 2. С. 489–495.
- ⁵ См.: *Барышина Н. А., Самохвалов Н. А.* Молодежный парламентаризм в России на современном этапе : концептуальный анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. № 4. С. 42–47. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-4-42-47>
- ⁶ См.: *Катышевская Т. А.* Становление государственной молодежной политики Российской Федерации // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2019. Вып. 8 (36). С. 182–190.
- ⁷ См.: *Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С.* Состоянии проблемы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении : экспертный анализ // Муниципалитет : экономика и управление. 2021. № 1 (34). С. 66–75. <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-1-66-75>
- ⁸ См.: *Гартвиг Б. В.* Власть в представлениях студенческой молодежи (по материалам опроса среди студентов самарских вузов 2017–2018 гг.) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 72–78. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2019-25-2-72-78>
- ⁹ См.: Избирательное право Российской Федерации и зарубежных стран : учебник / под ред. И. А. Алексеева, Л. А. Тхабисимовой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019.
- ¹⁰ См.: *Логунова В. П.* Повышение политического участия молодежи как фактор снижения уровня абсентизма посредством государственной политики // Вопросы управления. 2017 № 5 (48). С. 17–22 ; *Махора Е. В.* Государственная молодежная политика в области электорального просвещения [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 1. С. 84–88. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/684> (дата обращения: 04.06.2021). <https://doi.org/10.17805/trudy.2018.1.9>

Поступила в редакцию 12.08.2021, после рецензирования 03.09.2021, принята к публикации 10.09.2021

Received 12.08.2021, revised 03.09.2021, accepted 10.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 447–451

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 447–451

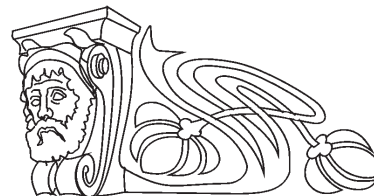
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-447-451>

Научная статья

УДК 323.23

«Спутник V» и информационная политика европейских СМИ в отношении российских средств борьбы с пандемией

Е. А. Михайлова¹, А. К. Магомедов² ✉

¹Национальная Ассоциация международной информационной безопасности, Россия, 119192, г. Москва, Мичуринский просп., д. 1

²Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6

Михайлова Екатерина Алексеевна, эксперт, katerina_shersuk@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1109-7528>

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, armagomedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Аннотация. В статье анализируются публичные политические реакции лидеров Евросоюза и ведущих политических сил различных европейских государств по поводу российской вакцины «Спутник V». Рассматриваются позиции ключевых европейских государств и политических сил в отношении отечественного препарата. Данное исследование опирается на открытые источники, не содержит всеобъемлющего или полного обзора имеющихся оценок. Оно фокусируется, главным образом, на проблемах информационного сопровождения политических решений в отношении российских средств борьбы с пандемией коронавируса. Отказ еврокомиссии признать за европейцами право использовать российскую вакцину «Спутник V» говорит о том, что идеологические предубеждения и протекционизм ставятся выше прагматизма и здоровья населения.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, российская вакцина, «Спутник V», информационная политика, Евросоюз

Для цитирования: Михайлова Е. А., Магомедов А. К. «Спутник V» и информационная политика европейских СМИ в отношении российских средств борьбы с пандемией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 447–451. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-447-451>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Sputnik V” and the information policy of the European media regarding the Russian means of combating the pandemic

Е. А. Mikhailova¹, А. К. Magomedov² ✉

¹National Association for International Information Security, 1 Michurinsky Prospect, Moscow 119192, Russia

²Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, GSP-3 125993, Russia

Ekaterina A. Mikhailova, katerina_sherstuk@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1109-7528>

Arbakh K. Magomedov, armagomedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Abstract. The article analyzes the public political reactions of the leaders of the European Union and the leading political forces of various European states regarding the Russian “Sputnik V” vaccine. The position of key European states in relation to the Russian vaccine are considered. This study is based on open sources and does not provide a comprehensive or complete overview of the available estimates. It focuses mainly on the problems of information support of political decisions regarding Russian means of combating the coronavirus pandemic. The refusal of the European Commission to recognize the Europeans’ right to use the Russian “Sputnik V” vaccine suggests that ideological prejudice and protectionism are put ahead of pragmatism and public health.

Keywords: pandemic, COVID-19, Russian vaccine, “Sputnik V”, information policy, The European Union

For citation: Mikhailova E. A., Magomedov A. K. “Sputnik V” and the information policy of the European media regarding the Russian means of combating the pandemic. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 447–451 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-447-451>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Цель данной статьи – исследование процесса информационного сопровождения политических решений и политической риторики европейского сообщества в отношении российской вакцины «Спутник V».

Пандемия COVID-19 изменила и без того

нестабильную ситуацию в мире, вызвав самый серьезный кризис общественного здравоохранения со времен эпидемии испанского гриппа 1918–1919 гг. и один из острейших экономических спадов нынешней эпохи. Пандемия особенно подчеркнула факт социального неравенства в современном обществе. Оказалось, что во всех странах богатые намного лучше защищены от экономических результатов ковидной эпохи. Хотя вирус не признает ни имущественного, ни расового разделения, он, тем не менее, непропорционально повлиял на жизнь и благосостояние более бедных граждан. Выяснилось, что пандемия вызвала усиление расового разделения, болезнь широко распространяется через учреждения обездоленных: дома престарелых, фабрики, тюрьмы и иммигрантские общины. Аналогичным образом, молодые люди, хотя и относительно защищенные своим более крепким здоровьем от наихудших последствий недуга, относятся к числу тех, кто больше всего страдает в результате резкого сокращения своих возможностей в сфере образования и трудоустройства.

К весне 2021 г. многие страны ЕС накрыла третья волна инфекции. Некоторым итальянским регионам снова пришлось уйти на карантин, а во Франции пациентов с COVID-19 начали эвакуировать из Парижа. В некоторых государствах Восточной Европы (таких как, например, Словакия и Венгрия) система общественной медицины работала на пределе своих возможностей. Ведущие западные фармацевтические компании не смогли обеспечить необходимого количества вакцин. Критическая ситуация с дальнейшим распространением пандемии в европейских странах заставила многих европейских политиков и простых людей смотреть с надеждой на российскую вакцину «Спутник V».

Справка. Вакцина «Спутник V» одобрена почти в 60 странах с населением более 1,6 млрд человек. По количеству полученных одобрений государственными регуляторами «Спутник V» занимает второе место в мире. Научно-исследовательское издание «Lancet» в феврале 2021 г. сообщило итоги третьей стадии клинических испытаний этого препарата. Исследования показали высокий уровень безопасности и результативности вакцины. В процессе этих испытаний российский препарат показал достойную степень эффективности, который дошел до 91%. Особо отмечалось, что «Спутник V» дает защиту не только от обычных, но и от тяжелых форм ковидных заболеваний.

Политизация вакцинной проблемы

На таком фоне появление российской вакцины «Спутник V» произвело настоящий переворот среди европейского медицинского сообщества, политической элиты и общественности. Вакцина стала экспортным хитом России. Западное

медицинское и фармацевтическое сообщество подтвердило высокие медико-санитарные достоинства российского препарата. Как сообщает влиятельное английское издание «Таймс», президент немецкого общества иммунологии профессор Кристина Фальк назвала концепцию «Спутника» «превосходной» и заявила, что «немецкие медики аплодируют гениальной российской вакцине “Спутник V”»¹. Руководитель российско-французского центра «Обсерво» Арно Дюбьен не менее торжественно констатировал в интервью каналу «TV5 Monde»: «В начале февраля 2021 г. произошел поворотный момент в европейской вакцинной политике: официальное исследование признало эффективность “Спутника V” на отметке более 91%»². Собственно говоря, французский журналист публично признал уже существующие и известные многим факты, изложенные в вышеприведенной справке. Однако здесь же французским ученым было отмечено, что «Спутник V» стал не только научной, но и политико-дипломатической победой России. С этого момента тема, связанная с российской вакциной, стала стремительно политизироваться. Авторы публикации под названием «Умопомрачительная история успеха “Спутника V”», напечатанной в германском журнале «Шпигель», писали: «Для российского президента Владимира Путина “Спутник V” – отличная пиар-кампания и шикарный имиджевый ход. Кремль написал собственный сценарий, в котором говорит миру: “В то время как человечество бедствует, Россия протягивает ему руку помощи”». “Спутник V” стал вопросом веры, будто в ампулах находится не лекарство, а гремучая смесь медицины и политики. Данная вакцина стала рассматриваться как новый вектор влияния Москвы в международной дипломатии»³.

Европейские разногласия по «Спутнику V»

25 марта 2021 г. прошло заседание Европейского совета, который был посвящен борьбе с COVID-19. Незадолго до этого форума из Москвы пришло сообщение о том, что Россия в состоянии предоставить странам Европы необходимое количество доз препарата собственного производства – «Спутник V». При этом со стороны российских властей было выдвинуто условие: они могут предоставить европейцам большое количество вакцинных доз, если Россия получит возможность производить на территории Евросоюза 25 млн доз «Спутника V». Однако подобный сценарий не сработал. Несмотря на то что ключевой разрешительный институт Евросоюза – Европейское агентство лекарственных средств (European Medicines Agency, ЕМА) – инициировало процесс фармацевтической экспертизы отечественной вакцины с тем, чтобы допустить ее на европейский медицинский рынок, «Спутник V» до сих пор не получил разрешения на применение в ЕС. Дополнитель-

ную политическую интригу данному процессу придавало и то, что ЕМА предпочитало публично не говорить об этом. Сведения дошли до общественности через журналистов французской газеты «Ле Монд», которым удалось получить ее от чиновников Евросоюза⁴.

Мнения стран-членов ЕС насчет покупки и использования российской вакцины разделились, а перспектива ее использования вызвала раскол среди стран-членов ЕС. Об этом с тревогой говорил руководитель Европейского совета Шарль Мишель в интервью немецкому изданию «Ханделсблатт»⁵.

По мнению одних европейских политиков, эта вакцина является, скорее, инструментом кремлевской пропаганды. Другие отвергают такое отношение к лекарству и настаивают на том, что «Спутник V» – скорее, средство солидарности и санитарной помощи. Обе точки зрения имеют примерно одинаковое количество сторонников среди европейских элит. Рассмотрим обе позиции отдельно.

Позиция европейских алармистов – противников российской вакцины «Спутник V»

Политические руководители Евросоюза изначально избрали критический тон в отношении Москвы и продолжали придерживаться этого курса в дальнейшем. В своем отчете, одобренном в конце апреля 2021 г., дипломатическая служба Евросоюза сообщила, что Россия стремится продвигать «Спутник V» за рубежом с тем, чтобы «посеять сомнения» в надежности европейского медицинского регулятора и спровоцировать разногласия⁶. Председатель Европейского агентства лекарственных средств Криста Виртумер-Хохе пошла еще дальше, назвав «Спутник V» «русской рулеткой». Дело не ограничивается оценками российского препарата как геополитического оружия Кремля. Под сомнение ставятся также медицинские и клинические характеристики «Спутника V». Налицо и различия в оценках среди стран Евросоюза по поводу российской вакцины. Как и следовало ожидать, подозрения и недоверие в отношении российской вакцины и кремлевской ковидной дипломатии особенно распространены среди бывших коммунистических стран Восточной и Центральной Европы. Например, как пишет известный британский дипломат и обозреватель Эндрю Хиггинс, в феврале 2021 г. премьер-министр Литвы Ингрида Шимоните написала на своей странице в «Твиттере», что Путин предлагает «Спутник V» миру, используя вакцину в качестве «оружия, чтобы разделять и властвовать». А польские власти заявили, что они ни за что не станут покупать «Спутник V», хотя рассматривают возможность приобретения китайских препаратов⁷.

Чтобы не впадать в бесконечное цитирование аналогичных трактовок, ограничимся вы-

сказыванием такого влиятельного политика, как председатель Европейского совета Шарль Мишель. Последний обратился к европейским политикам с предостережением о том, что за международными вакцинными компаниями России и Китая лежат неоднозначные мотивы. Эти аргументы озвучил известный немецкий правый обозреватель Кристоф фон Маршалл в публикации под названием «Препятствия на пути российской вакцины?» В конце статьи фон Маршалл обращается к европейской общественности с призывом: «Мы не должны позволить себя обмануть российскому и китайскому режимам, чьи ценности не соответствуют нашим, когда они проводят свои ограниченные, но умелые кампании с целью начать поставки вакцин в другие страны. <...> Для России, как и для Китая, распространение своих вакцин является стратегией по усилению своего политического влияния в мире. Даже если при этом страдает собственное население, которой не хватает вакцин»⁸.

Однако совершенно непримиримую позицию по этому вопросу, по понятным причинам, заняли украинские СМИ. В этом отношении особенно показательна позиция такого киевского издания, как «Европейская правда», которая 4 апреля 2021 г. опубликовала статью под названием «Вакцина популизма: почему премьер Словакии стал сторонником российского «Спутника V»». Непосредственным толчком украинских политических эмоций стала неуместная шутка словацкого премьера Игоря Матовича о том, что он готов передать закарпатскую Украину в обмен на российскую вакцину «Спутник V». В ответ руководитель украинского МИД Д. Куляба публично порекомендовал отдать за российскую вакцину несколько районов Словакии. Дальнейшие комментарии украинской стороны оказались еще более политизированными. По мнению киевского издания, словацкий случай демонстрирует, что «Спутник V» становится орудием, с помощью которого европейские политики-популисты разрушают стабильность Евросоюза. «В этом и заключается цель Кремля, – пишет украинское издание, – создавать дополнительное напряжение внутри европейских государств и подрывать европейское единство вакцинной политикой»⁹. Сделка с Россией позволила словацкому премьеру изменить национальную информационную повестку. Критикуя своих коллег, которые с тревогой относятся к российскому вакцинному продукту, Матович позиционировал себя как человека, который заботится о здоровье простых граждан вопреки общеевропейским предрассудкам.

Позиция европейских прагматиков и сторонников российской вакцины «Спутник V»

Германия. После начала пандемии глава немецкого правительства Ангела Меркель утверждала о том, что является сторонницей использо-

вания российского препарата в Германии. Она подчеркнула, что это должно произойти после того, как «Спутник V» будет одобрен ЕМА. Одновременно с этим в поддержку «Спутника V» выступили влиятельные германские политики из восточных земель, где традиционно сильны про-российские настроения. Весьма показательными оказались результаты социологического опроса, проведенного в феврале 2021 г. Исследование показало, что 60% жителей восточногерманских земель и 48% западных немцев выразили готовность пройти вакцинацию российским препаратом. Если говорить об избирателях различных немецких политических сил, то ситуация еще более впечатляющая. Так, среди избирателей таких политических направлений, как германские консерваторы и социал-демократы, «Спутник V» одобряет около половины электората, в то время как у их оппонентов – «Левой» партии, которая является одной из наследниц Объединенной социалистической партии ГДР, данный показатель превысил 69%. «У нас нет никаких проблем со «Спутником V», – заявил премьер-министр земли Саксония Анхальт Райнер Хазеллофф¹⁰. Аналогичные результаты зафиксированы среди электората «Альтернатива для Германии» – ультраправой организации, лидеры которой любят говорить о своей мировоззренческой близости с Кремлем.

Италия, Сан-Марино. Первоначально Италия оставалась пассивной к российской вакцине, однако со временем и по мере того, как Евросоюз проявлял все большую неспособность обеспечить вакцинами население своих государств, в стране начал пробуждаться интерес к «Спутнику V». Несмотря на нерешительность центральных властей в Риме, ряд регионов заявил о необходимости закупок российского препарата либо его производства на территории Апеннин. В итоге российское правительство и итало-швейцарская фирма «Adienne Pharma & Biotech» подписали контракт о производстве «Спутника V» в провинции Ломбардия. Данная мера получила горячее одобрение со стороны Итало-российской торгово-промышленной палаты. Последняя всегда предпринимала немалые усилия по экономическому и политическому сближению Москвы и Рима. Однако оказалось, что это еще не все. Руководитель другого итальянского региона – Кампании – Винченцо Де Лука в марте 2021 г. заявил о необходимости сделать большой заказ на закупку «Спутника V». Стоит отметить и любопытный случай небольшой Республики Сан-Марино, которая окружена территорией Италии и не входит в ЕС. Антиковидное сотрудничество России и Сан-Марино получило оживленные отклики в прессе. Корреспондент французской газеты «Фигаро» Ф. Азихари, комментируя этот случай, дословно заявил буквально следующее: «Республика Сан-Марино получила активную поддержку российских властей,

которые, видимо, решили сделать ее витриной эффективности своей вакцины. В стране насчитывается всего 33 000 жителей, и 28 марта 2021 г. санитарные власти объявили о 9860 вакцинациях, из них 7400 «Спутником V»»¹¹.

Венгрия. Будапешт оставался единственной европейской столицей, который действовал без всякой оглядки на общеевропейские структуры в вопросе антиковидного сотрудничества с Россией. Венгрия на официальном уровне стала в больших количествах закупать и использовать «Спутник V» для собственных нужд. Что еще более показательно, делала она это без всякого согласования с такой могущественной структурой, как ЕМА. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан заказал 2 млн доз российской вакцины на общую сумму 20 млн долларов. Венгерские власти сумели обойти предписания ЕМА и уже к 30 апреля 2021 г. в страну было ввезено 550 000 доз «Спутника V» из закупленных 2 миллионов. В дополнение к этому, минуя все европейские процедуры, Будапешт закупил также китайскую вакцину «Sinopharm». В результате всех предпринятых мер Венгрия стала европейским лидером по вакцинации по состоянию на 10 июня 2021 г. Активность Будапешта в деле сотрудничества с Москвой на антиковидном фронте породила аналогичные устремления в соседних странах Центральной Европы. Так, 1 марта 2021 г. Словакия импортировала 200 000 доз «Спутника V». Тем не менее, этот шаг повлек за собой вышеописанный политический кризис в стране, и Братислава ожидает решения ЕМА.

Австрия. Среди стран, желающих сотрудничать с Россией в деле борьбы с пандемией коронавируса, также оказалась Австрия. В марте 2021 г. политики из Вены обсуждали с российской стороной перспективы строительства на своей территории завода по производству российского препарата. Одновременно с этим Австрия инициировала переговоры с Россией о поставках одного миллиона доз вакцины «Спутник V». В первых числах мая 2021 г. министр здравоохранения этой страны Рудольф Аншобер сообщил австрийской общественности, что власти рассматривают все имеющиеся варианты для того, чтобы обеспечить доступ населения к проверенным вакцинам. «Разумеется, каждая используемая в Австрии вакцина должна быть эффективной и безопасной», – сказал он в интервью газете «Венское время»¹².

Подводя итоги вышесказанному, сделаем следующие выводы.

1. Коронавирус захватил внимание всего мира, проникнув в разные социальные области, а также в экономику и политику. Нежелание Еврокомиссии признать за европейцами право использовать российскую вакцину «Спутник V» свидетельствует о том, что политизация и протекционизм возвышаются над прагматизмом и заботой о здоровье граждан.

2. Дезинформация в отношении пандемии COVID-19, меры, принятые для ее сдерживания, и кампании по разворачиванию вакцин по-прежнему являются значительными. Разворачивание и продвижение различных вакцин набрало обороты во многих странах мира, и в связи с этим дезинформация, связанная с вакцинами, усилилась и способствовала распространению страха и недоверия к любому типу вакцины. Параллельно с разворачиванием вакцин сами вакцины стали товарами в глобальной общественной дипломатии, а национальное продвижение вакцин местного производства ускорилось. ЕС и отдельные государства-члены также стали объектами дезинформации, связанной с мерами общественного здравоохранения.

3. В конце марта 2021 г. в Москве прошла конференция, посвященная перспективам и будущему германо-российского сотрудничества в сфере фармацевтики. Она была пропитана конструктивным духом, о чем свидетельствовала заявленная цель мероприятия – консолидация действий фармацевтических компаний на просторах «Большой Европы». В работе конференции участвовали более 60 международных экспертов, и не только из сферы фармацевтики и медицины. Форум собрал также представителей дипломатических кругов, медийных и рекламных компаний. Однако, несмотря на все усилия, представители различных политических кругов Евросоюза отказываются видеть в «Спутнике V» медицинское средство, несмотря на его признание Всемирной организацией здравоохранения. Они не только относятся к нему как к инструменту российской внешнеполитической экспансии, но в целом склонны анализировать борьбу с пандемией коронавируса в терминах геополитической конкуренции Запада и Востока.

4. Пандемия коронавируса со всей очевидностью показала, что мир оказался перед лицом новых вызовов. Никто пока не объяснил истинных причин появления этого глобального недуга. Ряд исследователей строят предположения, что человечество может оказаться под ударами и других, не менее смертельно опасных вирусов. Поэтому столь очевидным становится честное признание того, что альтернативы международной солидарности в борьбе с общими угрозами не существует.

Примечания

- ¹ *Moody O.* German Medics Applaud Russia's «Clever» Sputnik V Vaccine // *The Time*. 2021. March 11. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/german-medics-applaud-russias-clever-sputnik-v-vaccine/> (дата обращения: 22.05.2021).
- ² *Dubien A.* Le Spoutnik V est une victoire scientifique, politique et diplomatique pour la Russie // *TVMonde*.

2021. 6 Februaire. URL: <https://information.tv5monde.com/info/arnaud-dubien-le-apoutnik-v-est-une-victoire-scientifique-politique-et-diplomatique-pour-la-russie/> (дата обращения: 07.06.2021).

- ³ *Hebel Ch., Esch Ch., Glusing J.* Die Verbluffende Erfolgsgeschichte von Sputnik V // *Der Spiegel*. 2021. 26 March. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/corona-impfstoff-aus-russland-besuch-im-labor-was-taugt-sputnik-v/> (дата обращения: 21.05.2021).
- ⁴ См.: *Mandraud I., Vitkine B., Chastand J.-B., Gautheret J., Iwaniuk J., Malingre V., Stroobants J.-P., Wieder Th.* Vaccin Russe Spoutnik V : le grand ecart des Europeens sur le vaccine Russe Spoutnik // *Le Monde*. 2021. 30 Mars. URL: <https://www.lemonde.fr/planete/article/2021/03/30/> (дата обращения: 04.06.2021).
- ⁵ См.: *Spark T., Korkemeier T., Oenning L.* USA melden 4,6 Millionen Impfungen an einem Tag-Zahl der Corona-Intensivpatienten steigt auf 4566 // *Handelsblatt*. 2021. 11.04. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/corona-news-usa-melden-4-6-millionen-impfungen-anem-tag.html> (дата обращения: 24.05.2021).
- ⁶ См.: *EEAS Special Report Update : Short Assessment of Narratives and Disinformation Around the COVID-19 Pandemic (Update December 2020 – April 2021) – EU vs Disinformation*. URL: <https://euvsdisinfo.eu/eeas-special-report-update-short-assessment-of-narratives-and-disinformation-around-the-covid-19-pandemic-update-december-2020-april-2021> (дата обращения: 16.04.2021).
- ⁷ См.: *Higgins A.* Russian Attempts to Expand Sputnik Vaccine Set Off Discord in Europe // *The New York Times*. 2021. May 2. P. A7.
- ⁸ *Von Marshall Ch.* «Sputnik» – Production Demnachst in Ulm? Was der Hoffnung auf Russlands Impfstoff im Weg Steht // *Der Tagesspiegel*. 2021. 23.03. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/sputnik-production-demnachst-in-ulm-was-der-hoffnung-auf-russlands-impfstoff-im-weg-steht> (дата обращения: 01.06.2021).
- ⁹ *Панченко Ю.* Вакцина популизму : чому прем'єр Словаччини став прихильником російського «Спутника» // *Європейська правда*. 2021. 4 Березня. URL: <https://www.eurointegration.com.ua/articles/2021/03/417120509> (дата обращения: 31.05.2021).
- ¹⁰ Причины ограниченного доступа российской вакцины в Европе. Уроки пандемии для мирового сообщества заключаются в необходимости солидарности. Редакционная статья // *Независимая газета*. 2021. 11 апреля. URL: https://www.ng.ru/editorial/2021-04-11/2_8125_editorial.html (дата обращения: 13.05.2021).
- ¹¹ *Azhari F.* Spoutnik V : «L'Europe adopte une posture idéologique qui va à l'encontre du bien être des populations» // *Le Figaro*. 2021. 23 April. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/politique/spoutnik-v-l-europe-adopte-une-posture/> (дата обращения: 11.05.2021).
- ¹² Österreich handelt mit Russland über eine Million Sputnik-Dosen // *Wiener Zeitung*. 2021. 2 May. URL: <https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/2098469-russland-bietet-oesterreich-1-million-sputnik-dosen-an.html> (дата обращения: 16.05.2021).

Поступила в редакцию 08.06.2021, после рецензирования 07.09.2021, принята к публикации 10.09.2021
Received 08.06.2021, revised 07.09.2021, accepted 10.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 452–456

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 452–456

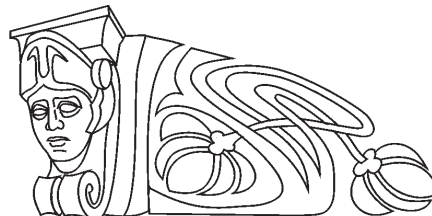
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-452-456>

Научная статья

УДК 32.019.5

Коммуникативная структура сетевого политического лидерства: перспективы эмпирического исследования феномена

Ю. А. Добровольская

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Добровольская Юлия Андреевна, аспирант кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, mediapodvig@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4416-8708>

Аннотация. Феномен лидерства в виртуальном сетевом пространстве становится предметом современных российских и зарубежных исследований. В то же время сегодня не выработано подходов к определению термина. В статье приводится описание коммуникационной структуры сетевого лидерства через определение соотношения понятий «сетевое лидерство», «блогер» и «инфлюенсер», а также как основы будущего эмпирического исследования.

Ключевые слова: политическое лидерство, интернет-коммуникации, социальные медиа, инфлюенсинг, блогинг

Для цитирования: Добровольская Ю. А. Коммуникативная структура сетевого политического лидерства: перспективы эмпирического исследования феномена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 452–456. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-452-456>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The communicative structure of network political leadership: Opportunities for empirical research

Yu. A. Dobrovolskaya

St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Yulia A. Dobrovolskaya, mediapodvig@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4416-8708>

Abstract. The phenomenon of the leadership in the network space is becoming the subject of modern Russian and foreign studies. At the same time, the phenomenon has not been determined. The article describes the communication structure of network leadership between the concepts of network leadership, blogger, and influencer, as well as the basis for the future empirical research.

Keywords: political leadership, Internet communications, social media, influencing, blogging

For citation: Dobrovolskaya Yu. A. The communicative structure of network political leadership: Opportunities for empirical research. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 452–456 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-452-456>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одно из заседаний Саратовской областной думы в феврале 2021 г. депутатский корпус посвятил теме влияния на молодежь сетевых лидеров. Эта дискуссия дополнила череду общественных обсуждений, возникших на фоне проведения стихийных митингов в поддержку политика Алексея Навального. Мобилизация участников мероприятий проводилась в социальных сетях, а амбассадорами стали сетевые кумиры молодежи. Среди них также был и сам политик, опубликовавший обращения к аудитории в социальных медиа. Как отметила профессор Саратовского государственного университе-

та Галина Комкова, «из-за пандемии и режима ограничений наблюдается выпадение молодежи из привычных социальных общностей. В результате на смену живому общению все больше приходят другие формы коммуникации – связанные с интернетом, а конкретно с социальными сетями. В этих условиях “появляются сетевые лидеры с неоднозначной репутацией”, возрастает объем фейковой информации и хайпа»¹.

В то же время однозначной интерпретации феномена сетевого политического лидерства в научной литературе пока не выработано. Кроме того, открытым остается целый ряд вопросов,

связанных с этим феноменом: какие компоненты составляют сетевой лидерский капитал, как корректно определить границы лидерства в виртуальном сетевом пространстве, как феномен соотносится с понятиями «блогер» и «инфлюенсер», а также как происходит преобразование коммуникативного сетевого ресурса в социально-политический капитал? Только наметив направление в решении этих задач, возможно исследовать природу мобилизационных механизмов в онлайн- и приблизиться к пониманию сущности феномена «сетевое политическое лидерство». Отсюда целью настоящей статьи стало описание коммуникационной структуры сетевого лидерства через определение соотношения понятий «сетевое лидерство», «блогер» и «инфлюенсер», а также выявление ключевых элементов, составляющих коммуникационный ресурс сетевого лидерства и инструментов, позволяющих преобразовывать его в социально-политический капитал.

Интерес ученых к осмыслению сетевых технологий в политической сфере постоянно возрастает. В фокусе внимания исследований чаще всего находятся вопросы роли лидеров в формировании сетевых сообществ в виртуальном сетевом пространстве, а также осмысление политического потенциала блогосферы. Так, изучая особенности лидерства в локальных интернет-сообществах, А. Б. Скуратов определяет лидерство в качестве консолидирующего фактора социальной структуры локального интернет-сообщества и одновременно как катализатор процессов социальной мобильности и подвижности стратификационной системы². По мнению исследователя, именно лидеры определяют стабильность сообщества, реализуя коммуникативные взаимодействия.

Новгородский исследователь Л. В. Тайкова полагает, что лидерство в виртуальном сетевом пространстве формируется в ответ на потребность сообщества, функционирующего в этом пространстве, при этом лидеры в таких структурах постоянно пребывают в ситуации глобальной конкуренции, поэтому коммуникативное взаимодействия отчасти определяет способность лидера удерживать позиции³.

Ю. В. Ирхин приходит к выводу, что лидеры мнений через блоги выполняют информационно-пропагандистские функции, генерируя информационные поводы и поддерживая нужную точку зрения. Кроме того, лидеры мнений становятся инструментом формирования виртуальных политических сообществ, сетей и активизируют публичную политику⁴. Схожей позиции придерживается С. С. Малиновский. Он рассматривает воздействие рунета на электоральное поведение и определяет политическое участие и гражданскую активность интернет-пользователей как один из ключевых факторов политического процесса⁵.

Ряд ученых Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского отмечают, что политизация российской блогосферы определяется наличием большого агитационного и идеологического потенциала в развитии политических идеологий. По мнению исследователей, блоги стали «незаменимыми в борьбе за политический электорат», став альтернативой традиционным СМИ⁶. Кроме того, интерактивный характер блогинга позволяет рассматривать их в качестве площадки ведения политических дискуссий. Этот тезис поддерживает С. В. Володенков, дополняя, что блогеры и сетевые сообщества способны осуществлять виртуальную агрегацию и артикуляцию в цифровом пространстве интересов своих сторонников, а также мобилизацию сторонников в онлайн-пространстве⁷.

Зарубежные исследователи Дж. Бламлер и Дж. Гуревич также приходят к заключению, что сетевые технологии сегодня могут активизировать процесс формирования политических акторов и политического ландшафта⁸. Р. Карлссон и Д. Астром рассматривают блогинг как сферу взаимодействия государства и общества⁹.

Таким образом, в российской и зарубежной исследовательской практике с разных сторон исследуется коммуникативный потенциал виртуальных сообществ, их лидеров, блогеров и лидеров мнений в онлайн-среде. Краткий литературный обзор позволяет выделить несколько аспектов:

- 1) ученые сходятся во мнении, что сетевые технологии меняют политическую коммуникацию;
- 2) в научной литературе не представлено комплексных исследований, посвященных генезису политического лидерства в виртуальном сетевом пространстве;
- 3) не представлено единой интерпретации феномена сетевого политического лидерства, а также не описаны коммуникативные и иные модели сетевого лидерства.

Тем самым предварительное осмысление и первичный анализ данного явления выступают важнейшим основанием серьезного изучения сетевого лидерства. Именно эти задачи были поставлены в пилотажном исследовании, которое фактически положило начало разработке концепта сетевого политического лидерства.

Политическое лидерство представляет собой сложный многоаспектный феномен, и многообразие существующих подходов к определению термина не сводится к единой научной области, а требует следования принципу междисциплинарности. В основе этого положения находится понимание того, что лидерство определяет формирование и функционирование различных социальных общностей. Такая позиция может быть применима и в отношении настоя-

щего исследования. В фокусе нашего внимания находится политическое лидерство как организующий элемент сетевого сообщества в интернете, а также как мобилизующий и направляющий элемент в политических коммуникациях. Таким образом, первостепенное значение приобретает коммуникативный компонент политического лидерства, понимание которого позволяет понять и природу этих процессов.

В рамках пилотажного исследования был реализован ряд экспертных интервью с теоретиками и практиками из сферы массовых коммуникаций. В их число вошли профессоры и доценты Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, а также главные редакторы СМИ, руководители департаментов по связям с общественностью, блогеры. Участниками экспертного интервью стали доктор филологических наук, профессор МГУ Т. Э. Гринберг; профессор факультета политологии МГУ С. В. Володенков; доктор филологических наук, ст. научный сотрудник МГУ М. Г. Шилина; блогер, эксперт всероссийских молодежных форумов Федерального агентства по делам молодежи А. Киселева; журналист, блогер, главный редактор журнала «Телеспутник» П. Б. Желтов; заместитель директора по внешним связям и развитию ЦПКиО им. С. М. Кирова (г. Санкт-Петербург) М. А. Бережная. Феномен сетевого политического лидерства рассматривался через соотношение понятий «инфлюенсеры», «блогеры» и «сетевые лидеры», а также описание коммуникационных механизмов накопления социально-политического капитала. Основу экспертного интервью составили вопросы, направленные на описание сетевого политического лидерства через ряд ключевых элементов, таких как аудитория и способы взаимодействия с ней, контент, инструменты продвижения, имидж. На основе данных экспертного интервью была предпринята попытка формирования коммуникативной модели сетевого политического лидерства, а также описаны возможные методы конвертации коммуникативных ресурсов лидера в социально-политический капитал.

Центральное место в исследовании было отведено вопросу соотношения понятий «блогинг», «инфлюенсинг» и «сетевое лидерство». В число сравнительных категорий, приведенных экспертами, были включены социально-психологические, имиджевые характеристики, коммуникативные ресурсы, параметры аудиторий. Описывая «сетевое лидерство», большинство экспертов апеллировали к категориям авторитетности, экспертности и лояльности аудитории, которые могут быть присущи автору в сети. При этом формат взаимодействия «сетевого ли-

дера» с аудиторией, а также сфера деятельности, по мнению экспертов, не имеют определяющего значения. Отмечается, что сетевыми лидерами могут быть как авторы на блог-платформах, так и активные деятели в социальных сетях и на форумах. Эксперты подчеркивают близость понятий «сетевое лидерство» и «инфлюенсинг».

Так, по мнению С. В. Володенкова, «сетевое лидерство» – это, скорее, социально-психологическая характеристика. Эксперт уточняет, что сетевой лидер может являться как инфлюенсером, так и блогером, но не всегда блогеры и инфлюенсеры могут выступать в качестве сетевых лидеров. Схожей позиции придерживается Т. Э. Гринберг, которая также указывает, что сетевой лидер может являться как блогером, так и инфлюенсером в сети, при этом понятия «сетевой лидер» и «инфлюенсер» могут быть синонимичными, но в рамках сети понятие «сетевой лидер» шире, что связано с узконаправленностью инфлюенсеров. Однако безотносительно сети Т. Э. Гринберг определяет понятие «инфлюенсер» в качестве более широкого, так как инфлюенсер обладает внесетевыми инструментами взаимодействия с аудиторией. В целом, эксперты аналогично определяют соотношение понятий «инфлюенсер» и «сетевой лидер», однако относительно степени популярности категорий мнения отличаются.

В частности, существует позиция, что сетевой лидер, в отличие от инфлюенсера, обладает большим числом подписчиков или последователей. По мнению экспертов, инфлюенсера в то же время отличает способность влиять на мнение и поведение аудитории в определенной сфере, т. е. он обладает мобилизационным потенциалом, что должно быть присуще и сетевому лидеру. Блогер описывается всеми экспертами как «автор блогосферы», присутствуют и иные характеристики: «электронный медиа-активист, который делает из своей жизни сериал и продает ее обществу»; «блог – всегда сообщество, объединенное какой-либо идеей или личностью».

Аудитория блогеров», инфлюенсеров и сетевых лидеров определяется экспертами исходя из их сферы деятельности. Однако представления о количественных и качественных параметрах аудитории отличаются. Так, по мнению ряда экспертов, сетевых лидеров должна отличать более широкая аудитория подписчиков, интересующихся их выступлениями в сети, тогда как блогеры и инфлюенсеры имеют узконаправленную тематику и соответствующую аудиторию. В то же время подчеркивается, что аудитория инфлюенсеров может выходить за пределы сети. С. В. Володенков также отмечает, что аудитории могут как частично пересекаться, так и полностью отличаться по содержательным, ценностно-смысловым характеристикам. В от-

ношении инструментов взаимодействия с аудиторией мнение экспертов единогласно: специалисты указывают на то, что выбор применяемых технологий зависит от того, какие цели перед собой ставит субъект, независимо от того, блогер это, инфлюенсер или сетевой лидер.

Характеризуя контент блогеров, эксперты подчеркивают его ориентированность на аудиторию и узконаправленность, соответствующую тематике блога. Контент, создаваемый инфлюенсерами в сети, также должен быть ориентирован на массовую аудиторию. С. В. Володенков отмечает, что контент отличается в зависимости от целей. Эксперт приводит в пример инфлюенсера, который скорее всего будет использовать манипулятивно-пропагандистский контент, работая с ценностями, смыслами, представлениями людей, с целью их трансформации. Блогер может использовать развлекательный контент с целью наращивания аудитории. Эксперт отмечает, что контент, генерируемый сетевыми лидерами, должен отвечать их главной цели – формированию активной аудитории, способной к мобилизации и поддержке лидера в определенных условиях.

Таким образом, большинство экспертов описывают блогера как сетевого автора, инфлюенсера – как эксперта или носителя идеи, способного оказывать влияние на аудиторию. Сетевой лидер отличается первостепенной ориентацией на формирование лояльного комьюнити. В то же время с точки зрения целей блогер ориентирован на продуцирование контента, а в ряде случаев – на наращивание аудитории потребления этого контента; цель инфлюенсера – распространение идей и расширение зоны собственного влияния. При этом было отмечено, что порой блогер может, например, не восприниматься в качестве эксперта, авторитета, интерес вызывает исключительно генерируемый им контент. Вместе с тем инфлюенсер чаще всего в полной мере обладает всеми описываемыми характеристиками. Сетевой лидер рассматривается, прежде всего, через призму личностных и профессиональных характеристик, а также актуального имиджа.

В целом, сравнительный анализ категорий позволяет выделить ряд возможных методологических направлений для дальнейшего исследования феномена сетевого лидерства, в частности: социально-психологический подход, структурно-функциональный анализ, коммуникационный и деятельностный подходы, а также актуальный маркетинговый анализ. Однако выбор наиболее релевантной методологии также требует учета характеристик, относящихся к предметной области феномена. Поэтому в рамках экспертного опроса основное внимание фокусируется на политическом компоненте сетевого лидерства.

Указывая на значимость побуждающего к действию контента для сетевых лидеров (отвечающего цели – мобилизации сторонников), С. В. Володенков, по сути, определяет роль и одновременно функционал контента в политической сфере, где он может использоваться в ходе выборов или мобилизации аудитории для участия в акциях протеста. Эксперты также указывают на приоритет компетенций в сфере работы в социальных медиа, производства и трансляции контента над традиционной харизмой, отмечая, что этому способствует «высокий уровень виртуализации в сети», позволяющий сформировать имидж под конкретные задачи, а также разработать стратегию формирования контента и выбрать релевантные политическим задачам методы взаимодействия с аудиторией.

Так, Т. Э. Гринберг описывает данный процесс через понятие «актуального политического предложения», позволяющего лидеру удовлетворить «спрос» своей аудитории и достичь политических целей. По аналогии с принципами классической экономической теории, возможно представить коммуникацию сетевого политического лидера как постоянный процесс накопления капитала посредством удовлетворения потребностей аудитории. При этом совокупность коммуникационных сетевых инструментов, позволяющих лидеру пользоваться спросом у аудитории, составляет коммуникативный капитал политического лидера в сети, тогда как успех лидера в достижении поставленных целей демонстрирует процесс накопления социально-политического капитала.

В ходе моделирования указанного процесса коммуникативный ресурс был описан нами в качестве новой формулы «4К», включающей такие компоненты, как контакт, контент, непосредственно коммуникацию и кооперацию. Указанные компоненты были выделены с точки зрения наличия потенциального преобразовательского потенциала. Контакт представляет базовую точку взаимодействия лидера с аудиторией, данная категория может быть рассмотрена в качестве фундаментальной единицы коммуникации по аналогии с методом оценки «стоимость контакта» в рамках распространенной системы анализа экономической эффективности сетевых рекламных компаний. Контент составляет смысловую характеристику взаимодействия и, по мнению С. В. Володенкова, должен отвечать цели – формированию аудитории сторонников. Кроме того, контент должен отвечать требованиям спроса аудитории. Коммуникация представляет собой непрерывный процесс обмена информацией между лидером и его сторонниками. Кооперация же одновременно является как частью коммуникативного ресурса (в качестве коммуникативной цели, которая уже реализуется в процессе ком-

муникации), так и результатом конвертации, элементом социально-политического капитала. Понимая категорию «кооперации» в качестве добровольной совместной деятельности (лидера и аудитории) и как форму осознанного сотрудничества применимо к политической сфере, мы выявляем одну из форм участия политического лидера через мобилизацию аудитории (накопление социально-политического капитала) в политическом процессе. Таким образом, становится возможным представить феномен политического лидерства через целенаправленный процесс накопления (привлечение контактов, генерацию контента и коммуникацию) и преобразования сетевых коммуникативных ресурсов в одну из форм политической кооперации, составляющей базовый элемент социально-политического капитала.

В заключение необходимо отметить, что сформулированный подход к интерпретации феномена и описанная коммуникативная структура сетевого политического лидерства обладают практической значимостью для будущего эмпирического исследования. Приведенное определение содержит в себе одновременно гипотетическое утверждение о функциональном значении феномена сетевого политического лидерства и базовые структурные элементы его коммуникативной модели. Так, эмпирический анализ выделенных категорий позволяет составить перечень измеряемых показателей для исследования сетевого политического лидерства и определить наиболее релевантный для этого метод. Учитывая социальную значимость изучения феномена и наличие в политической практике кейсов мобилизации аудитории в социальных сетях, целесообразным представляется проведение социологического исследования методом анкетного опроса, направленного на выявление общественного мнения относительно контента, механизмов представления и взаимодействия с аудиторией, спектра существующих коммуникативных технологий, а также мотивационных и деятельностных компонентов сетевого политического лидерства. Проведение такого исследования в конечном итоге позволит

не только уточнить содержание феномена, но и разработать типологию моделей сетевого политического лидерства.

Примечания

- ¹ В облдуме обсуждают влияние на молодежь «сетевых лидеров с неоднозначной репутацией» // Взгляд-инфо : [сайт]. URL: https://www.vzsar.ru/news/2021/02/12/v-obldyme-obsyjdaut-vliyanie-na-molodej-setevyh-liderov-s-neodnoznachnoy-reputaciy.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 09.04.2021).
- ² См.: *Скуратов А. Б.* Коммуникативное лидерство в локальных интернет-сообществах // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 6. С. 56–59.
- ³ См.: *Тайкова Л. В.* Лидерство в виртуальных сетевых сообществах // Вестник Новгородского государственного университета. Серия : Педагогические науки. 2017. Вып. 1 (99). С. 55–57.
- ⁴ См.: *Ирхин Ю. В.* Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2015. Т. 8, № 5. С. 6–17.
- ⁵ См.: *Малиновский С. С.* Интернет как фактор электро-активности // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 213–218.
- ⁶ См.: *Бальчугов А. В., Белянцев А. Е., Бугров Р. В., Немцова О. А.* «Новые медиа» в современной российской политике : преимущества и потенциал // Власть. 2019. Т. 27, № 3. С. 82–85. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i3.6416>
- ⁷ См.: *Володенков С. В.* Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы : сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341–364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>
- ⁸ См.: *Blumler J., Gurevitch M.* Towards a Comparative Framework for Political Communication Research // Political Communication / ed. by S. H. Shaffee. Beverly Hills (CA), 1975. P. 165–193.
- ⁹ См.: *Karlsson M., Astrom J.* The political blog space : A new arena for political representation? // New Media & Society. 2016. Vol. 18, № 3. P. 465–483. <https://doi.org/10.1177/1461444814543990>

Поступила в редакцию 06.06.2021, после рецензирования 03.09.2021, принята к публикации 10.09.2021
Received 06.06.2021, revised 03.09.2021, accepted 10.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 457–463

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 457–463

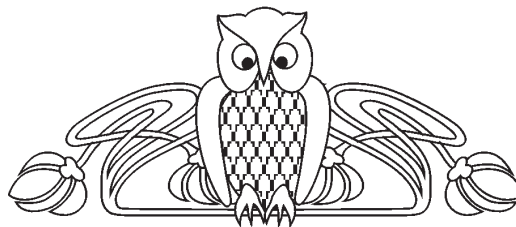
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-457-463>

Научная статья

УДК 32.019.5

Язык ненависти и манипуляция как особенности современной политической коммуникации

А. Б. Алексеев

Московский государственный областной университет, Россия, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Алексеев Александр Борисович, аспирант кафедры английской филологии, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. В современном мире наблюдается распространение так называемого языка ненависти, который особенно активно используется в рамках политической коммуникации. Этот процесс сопровождается усилением манипулятивного воздействия на общество и может рассматриваться как его частное проявление. Язык ненависти нередко предшествует революциям, серьезным социальным потрясениям, но он же может быть и средством закабаления человека государством, создающим мнимых врагов.

Ключевые слова: язык ненависти, манипуляция, политический дискурс, модель социального развития

Для цитирования: Алексеев А. Б. Язык ненависти и манипуляция как особенности современной политической коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 457–463. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-457-463>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Hate speech and manipulation as peculiarities of the modern political communication

A. B. Alexeyev

Moscow Region State University, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russia

Alexander B. Alexeyev, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. In the modern world the so-called hate speech is gaining ground. It is particularly used within the framework of the political communication. This process is accompanied by the strengthening of the manipulative influence upon the society and it can be seen as one of its manifestations. Hate speech may precede serious social upheavals and revolutions but it can also be used as a method of enslavement of man by the all-powerful state creating the illusory enemies.

Keywords: hate speech, manipulation, political discourse, the model of social interaction

For citation: Alexeyev A. B. Hate speech and manipulation as peculiarities of the modern political communication. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 457–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-457-463>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вторая половина XX в. ознаменовалась борьбой народов Азии и Африки за свою независимость; одновременно в странах Запада свои права начали отстаивать меньшинства и угнетенные слои населения, в том числе женщины. В результате сформировалось определенное идеологическое движение, выдвинувшее требование уважительного отношения к каждому человеку, вне зависимости от его цвета кожи, национальности, биологического пола, сексуальной ориентации, физических и умственных способностей.

Любая идеология, являясь семиотической системой, состоящей из особых языковых зна-

ков, идеологем, создается в результате социального общения, коммуникации. Русский лингвист и философ М. М. Бахтин выразил эту мысль следующим образом: «Действительность [идеологического] знака всецело определяется ... общением. Ведь бытие знака является не чем иным, как материализацией этого общения. Таковы все идеологические знаки»¹. То, какой язык, какие слова люди используют при ежедневном общении, не просто отражает их видение мира, но и активно формирует характер их мышления, а как следствие, и саму реальность, в которой они живут. За языком, по утверждению О. С. Иссерс, встает «дух времени»².

Х. Арендт, немецко-американская исследовательница, оказавшая огромное влияние на современную политическую теорию, также подчеркивала значимость общения для людей. Она полагала, что до тех пор, пока мы существуем в обществе (нем. *sofern wir in Plural existieren*), пока мы двигаемся и действуем, только то имеет смысл, о чем мы можем говорить друг с другом или, по меньшей мере, о чем мы можем говорить сами с собой. Только то имеет смысл, что поддается «языковлению»³.

Термин «язык ненависти» (англ. *hate speech*) возник в странах Запада в результате осознания необходимости ограничить опасную риторику, призывающую к (продолжению) эксплуатации (а в крайних случаях физическому устранению) определенных слоев населения и меньшинств. Ужасы Второй мировой войны, холокост, послевоенные столкновения национальных и классовых интересов в Азии, Африке, Латинской Америке и даже индустриально развитых США убедили правительства мира пересмотреть основные идеологические постулаты, которыми они руководствовались во времена колониализма. Прогрессивные политики осознали, что «язык может быть средством уничтожения человека»⁴.

Однако возникли сложности с устранением языка ненависти из публичного дискурса. Дело в том, что само понятие «язык ненависти» остается спорным и противоречивым. И хотя в европейских странах существует ряд нормативных документов, дающих точное определение языку ненависти, реакционные политики с помощью манипуляции по-прежнему «протаскивают», казалось бы, отжившие стереотипы в пространство социального общения, и идеи, красноречиво отвергнутые Историей, возрождаются и еще находят отклик у избирателей.

Под языком ненависти имеют в виду понятие, «покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями»⁵. Исследователи отмечают, что «в чистом виде» язык ненависти можно встретить лишь на экстремистских сайтах; в институциональных типах дискурса наличествуют лишь отдельные элементы языка ненависти, часто очень искусно замаскированные. В результате каждый, кто обвиняет политиков (журналистов) в языке ненависти, может быть сам обвинен в субъективной, пристрастной интерпретации их слов.

Существуют конкретные манипулятивные стратегии, позволяющие внедрить в публичную

речь социально неодобряемые смыслы. Так, по мнению американского ученого А. Цесиса, говорящий может употреблять на первый взгляд позитивные фразы, за которыми скрываются расистские воззрения; имплицитные смыслы, вкладываемые в высказывания, как правило, остаются незамеченными, но они на уровне бессознательного формируют общественное отношение к аут-группам, еще более маргинализируя их. Автор приводит примеры «безобидных», а на самом деле глубоко манипулятивных замечаний типа «Может, он и еврей, но он не жаден» (имплицитная посылка: «евреи жадны») или «Я обычно острожен с африканцами, но ему можно доверять» (имплицитная посылка: «африканцы опасны»). А. Цесис настаивает на том, чтобы выражения подобного рода были тоже причислены к языку ненависти, выступая против первой поправки к американской Конституции, гарантирующей неограниченную свободу слова. По мнению исследователя, люди, оправдывающие язык ненависти на основании Основного закона США, забывают, что первая поправка к Конституции была принята во времена рабства, когда права афроамериканцев игнорировались. И даже после тринадцатой поправки к Конституции, законодательно положившей конец рабству в США, язык ненависти систематически использовался с целью продвижения взглядов, вызывающих разногласия между этносами⁶.

Подробный анализ ненависти по отношению к мигрантам и мусульманам в Германии представлен в современных немецкоязычных работах. В них отмечается, что даже если объект ненависти не дает повода к отвращению и страху перед ним, то расисты и исламофобы конструируют образ внутреннего врага, как они себе его представляют (желают представить). Такое изображение врага может не иметь ничего общего с реальными мусульманами, проживающими в ФРГ, и, тем не менее, политики, занимающиеся исламофобской пропагандой, четко аргументируют свою позицию, приводят статистические данные, якобы подтверждающие криминальность и склонность к насилию большинства или *всех* выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока. Такие статистические данные – порой неточные и предвзятые – никогда не сопоставляются с общей статистикой преступности, отражающей уровень преступности в других группах населения. В результате получается, что только мигранты и мусульмане несут ответственность за рост преступности в ФРГ⁷. Причем если антисемитские воззрения в Германии по историческим причинам вынуждены скрываться за идеологией антисиионизма, антимусульманская и антимигрантская риторика все чаще беспрепятственно попадает в главные медиа страны, отчасти находя поддержку и отклик у граждан⁸. Возникла даже ультраправая партия

«Альтернатива для Германии» (AFD – Alternative für Deutschland), в сентябре 2017 г. уверенно прошедшая в Бундестаг. Основа политической программы этой партии – требование выхода ФРГ из Евросоюза и ограничение якобы неконтролируемой миграции.

В немецком публичном дискурсе используется богатое разнообразие языковых средств, направленных против мигрантов: это и инвективы (от лат. *invectio* – оскорбляю), и метафоры, и эпитеты, и гиперболы, и неологизмы. Из забвения выходят даже некоторые термины, широко использовавшиеся национал-социалистами, например, *Fremdarbeiter* (синоним более распространенного немецкого слова *Gastarbeiter*, но с более уничижительными коннотациями)⁹.

Главная цель ультраправых немецких политиков – еще более укрепить в немецком сознании распространенные стереотипы и создать новые предрассудки. Известно, что слова образуют ассоциативные связи. В немецком дискурсе правых слово «иммигрант» (*Einwanderer*) обычно несет такие смыслы, как «иностранец» (нем. *Ausländer*), «неграмотный» (нем. *Analphabet*), «человек, получающий социальную помощь» (нем. *Sozialhilfeempfänger*), «чужой набожный человек» (нем. *fremde Fromme*), «террорист» (нем. *Terrorist*)¹⁰. Все чаще под иностранцами имеются в виду только арабы и турки. Для передачи угрозы, исходящей от мусульман, используют метафорические модели с семантикой «природная катастрофа» и «болезнь», – «вторжение» мусульман в Европу уподобляют цунами, наводнению или даже чуме¹¹.

Итак, язык ненависти – это многогранный феномен, чье возникновение и активное проникновение в самые разнообразные институциональные дискурсы обусловлено резко возрастающей конфликтогенностью современного мира и изменением характера взаимоотношений между людьми. Речь идет о том, что на определенном этапе исторического развития человечество сделало выбор в пользу «мягких», манипуляционных форм воздействия, и языковое, опосредованное влияние приобрело особую актуальность, постоянно видоизменяя и трансформируя сферу социального и политического. Оно представляет собой не только ресурс официальной власти, но и способ оказания сопротивления. Как пишет М. Фуко, дискурс «может быть и инструментом власти, и ее результатом, но также препятствием власти, на которое она натывается, начальным этапом ... противостояния ей»¹².

Эта идея знаменитого французского философа получила широкое распространение в постнеклассической науке, заинтересовав ученых. Сегодня внимание научного сообщества обращено к поистине ставшим междисциплинарными понятиям «власть» и «дискурс». Неслучай-

но, что последнее обрело великое множество толкований. В лингвистике оно, например, часто рассматривается как языковое образование, превосходящее по объему предложение¹³, что создает нежелательную аналогию с термином «текст»¹⁴. Между тем еще М. Фуко подчеркивал, что «дискурсы – это не просто группы знаков ... а практики, систематически формирующие объекты, о которых они ведут речь. Конечно, дискурсы состоят из знаков, но они делают нечто большее, чем просто используют эти знаки для обозначения вещей. Именно это нечто большее не позволяет свести дискурс к языку и речи»¹⁵.

Одним из возможных подходов к дискурсу в политологии, а также ряде других гуманитарных направлений, на наш взгляд, является представление его в качестве формы интеракции между людьми – как социальной, так и индивидуальной, осуществляемой посредством языка, но полностью нередуцируемой к нему. Дискурс – это наложение и одновременно столкновение двух и более сознаний, а также идеологий, позиций, мнений, оценок и т.п. Если взять за основу такое понимание дискурса, то становится очевидным, что конфликты в ходе коммуникации практически неизбежны, и нигде это положение не находит столь наглядного проявления, как в политике, ведь классик политической теории К. Шмитт неслучайно считал оппозицию «друг – враг» чрезвычайно важной для понимания самой сути политического.

Справедливо сказать, что в политической сфере конфликт является движущим механизмом любой интеракции и от его конструктивного/деструктивного разрешения зависит будущая форма существования субъектов и объектов политики. Причем стоит допустить, что в ситуации конфликта одни группы населения стремятся к его погашению, а другие – к его эскалации. Обе стороны могут прибегать к самым различным манипуляциям, но использование языка ненависти является характерной особенностью дискурса агрессивно настроенных политиков, будь они представителями оппозиции или официальной власти, ищущей выхода из политического/социально-экономического кризиса за счет, как правило, мнимого врага – внутреннего или внешнего. Посредством создания образа «чужой», чуждой враждебной силы затушевываются реальные проблемы, стоящие перед обществом, сводятся на нет дискуссии о причинах их возникновения и последствиях нерешения. Как точно выразился американский историк, «найти козла отпущения (англ. *scapegoat*) – значит дать себе на какой-то момент передышку от необходимости ... исследовать факты и думать»¹⁶, и порой неважно, будет ли этим козлом отпущения «коллективный, враждебный Запад», соседнее государство, конкретная нация, этнос или реальный человек, – главное, чтобы адресат ощутил

для себя угрозу, поверив и откликнувшись на призывы манипулятора. Язык вражды, риторика ненависти, *hate speech*, если использовать английский термин, играют ключевую, решающую роль в конструировании круга «чужих», т.е. тех людей, на которых необходимо обрушить всю ярость граждан, обвинив их в связи с заграницей (пресловутом «иноагентстве»), аморальном поведении, противоправных действиях и т.п.

Существует несколько моделей социального взаимодействия. Н. В. Кузин рассматривает реактивную, акциональную и интерсубъективную модели: первая основывается на механизмах насилия, принуждения и контроля, вторая – на манипуляции, наконец, третья предполагает наличие между коммуникантами диалога, партнерства. Очевидна предпочтительность интерсубъективного подхода, но, как отмечает исследователь, на уровне общества довольно сложно добиться взаимопонимания, и «диалог ... предстает не более чем в формальном виде, на деле превращаясь в доминирование и, как следствие, в принуждение или манипуляцию»¹⁷.

Насилие было присуще человеческим коллективам с самого начала их существования, но в условиях современности роль насилия значительно снизилась. Идеология либерализма, воспринятая западными обществами, сильно пошатнула формы власти, основанные на принуждении. Со времен Великой французской революции была провозглашена независимость, свобода личности, ее равноправие и самостоятельность. Однако многие из идей эпохи Просвещения, которые непосредственно привели к 1789 г. и послужили идеологическим базисом для либерализма, не оправдали себя, и в XX в. реактивная модель управления постепенно была заменена на акциональную. Другими словами, на смену насилию пришла манипуляция, осуществляемая прежде всего посредством богатых ресурсов языка.

Область политического и является той сферой человеческой деятельности, где манипуляция имеет первостепенное значение, чем, собственно, и определяется необходимость и актуальность ее изучения в рамках политологии. По словам Е. И. Шейгал, важность изучения манипуляции обуславливается, с одной стороны, надобностью поиска оптимальных путей воздействия на аудиторию, а с другой – потребностью просвещения аудитории, ознакомления ее с настоящими мотивами и скрытыми приемами публичных ораторов¹⁸. В научной литературе, особенно лингвистического и психологического характера, уже достаточно подробно описаны наиболее часто встречающиеся приемы манипуляции. Однако проблема заключается в том, что общего, междисциплинарного понимания самого явления манипуляции не достигнуто.

Язык, власть, знания – в современной политической теории, во многом predetermined исследованиями М. Фуко, – данные понятия признаются неразрывно связанными друг с другом: с помощью языка, а также овладения основными потоками информации, реализации их потенциала воздействия на сознание легковверной, доверчивой аудитории либерально настроенные политики добились победы над своими конкурентами. Но полного, тотального контроля над знанием установить они не смогли; не только это противоречило их провозглашенным идеологическим установкам, но и стремительный технологический прогресс, в частности появление и распространение Интернета, сделал эту задачу невыполнимой. Соответственно, в пространстве СМИ, равно как на политической арене, развернулась своеобразная борьба – борьба за дискурс, за обладание правом говорить, а точнее навязывать людям свою, единственно «верную» точку зрения. Столкновение либералов и их противников привело к небывалому разрастанию манипуляции и языка ненависти, их проникновению во все сферы человеческой жизни, обслуживаемой и конструируемой разнообразными СМИ.

Этот процесс был ускорен в связи с тем, что нормы морали и нравственности не смогли сдержать натиск негативных языковых тенденций. Напротив, они сами были сметены новыми реалиями функционирования дискурса, а общество погрузилось в состояние, которое некоторые исследователи называют состоянием после добродетели. Сегодня, как никогда ранее, наблюдается «размытие ценностно-нормативных границ морали»¹⁹, а значит, противостоять явлениям манипуляции и распространения языка ненависти обществу чрезвычайно сложно. Более нет тех моральных барьеров, «кордонов», которые бы могли послужить сдерживающим фактором. Выстраивая свою манеру поведения и говорения, используя стратегию самопрезентации, борясь за внимание и интерес адресата как ключевой фактор, обеспечивающий политический успех, политики руководствуются самими разными критериями, но главный из них, по-видимому, – прагматический расчет, предполагающий достижение цели, в том числе аморальными и безнравственными способами.

Осознание этого приводит людей к неприятию политики, нежеланию принимать в ней какое-либо открытое или даже косвенное участие (ср. со стереотипом, закрепленным в русском языковом сознании: «Политика – грязное дело»). Современная политика нередко отвергается обывателем, а политическая коммуникация трактуется как поддельное, фальшивое, неискреннее общение, на что указывал французский социолог Ж. Бодрийяр. По его мнению,

политические смыслы благодаря новым технологиям продуцируются неограниченно широко, но социальный заказ на них падает. Массы не реагируют ни на какие события, поскольку они являются воплощением инерции, пассивными, нейтральными отражателями культуры, политики, истории²⁰.

Впрочем, необходимо признать, что государственные деятели всех времен и народов не отличались особой справедливостью и откровенностью – их энергия была направлена в первую очередь на создание прагматического эффекта. В. Е. Чернявская считает, что, по идее, политики должны маскировать свои мысли и выражаться непрямо²¹, и, может быть, даже в этом нет ничего плохого или предосудительного – это является характерной особенностью профессиональной деятельности не только политиков, но и дипломатов, рекламодателей.

По всей видимости, понятие морали в ее деонтологической (кантовской) интерпретации применимо к политике лишь с натяжкой, если вообще уместно. Скорее, в политике действовал и продолжает действовать макиавеллистический принцип построения взаимоотношений между субъектами и объектами политического процесса, основывающийся на подчинении одних другими. Характер этого подчинения исторически варьировался – в течение веков был проделан весьма длинный и трудный путь от прямых, самых примитивных силовых видов воздействия до манипуляции, представляющей собой современный, очень коварный ресурс так называемой мягкой силы (*soft power* – термин американского политолога Дж. Найя²²). Как точно замечает М. В. Пугацкий, «в социально-философском аспекте манипуляция ... тесно связана с понятием власти – отношением господства и подчинения, когда воля одного человека ... подчиняет себе волю другого человека»²³.

Мы считаем возможным при определенных условиях рассматривать язык ненависти в качестве частного проявления манипуляции. С помощью нагнетания негативных чувств и эмоций оратор способен создать псевдокартину мира, убедив адресата в необходимости мыслить и действовать определенным образом.

Справедливо сказать, что именно демократизация привела к распространению языка ненависти. И. А. Мальковская, например, рассматривает язык ненависти в качестве феномена, возникшего в странах, провозгласивших своей основной ценностью неограниченную свободу слова (первая поправка к американской Конституции!). Термин *hate speech*, по мнению автора, относится к языку пропаганды. Идеи, лежащие в основе пропаганды, прямо или косвенно ведут к вражде и неприязни на межнациональной (межрелигиозной) основе²⁴.

Как показывает в своем диссертационном исследовании П. Н. Хроменков, недавние революции в ряде стран мира были вызваны сознательным, опосредованным языковым воздействием на граждан, и язык ненависти сыграл в этом ключевую роль²⁵, что неудивительно, так как «плохой язык» (*bad language* – термин, в принципе, синонимичный понятию *hate speech*) всегда представлял угрозу обществу, был проводником опасных идей²⁶. В любом дискурсе оскорбления противника, употребление инвектив в его адрес может быть не только хамством или дискредитацией, но и вызовом. Использование языка ненависти по отношению к определенной политической системе, стране, нации и т.д. помогает заинтересованным в том лицам спровоцировать кризисное состояние, эскалировать конфликт между субъектами политического процесса вплоть до серьезных социальных пертурбаций и потрясений.

Немецкий журналист Х. Схруф пишет: «Силовой захват цитаделей государственной власти более не является необходимым условием революционного переворота ... Вместо захвата зданий правительства захватываются понятия, которые определяют государственный порядок, наши права и обязанности...»²⁷. Мысли автора созвучны мнению британского социолога З. Баумана, утверждающего, что «нет таких зданий, где находится пульт управления системы и которые могли бы штурмовать и захватывать революционеры; а также потому, что мучительно трудно, и даже невозможно, представить, как победители, оказавшись в этих зданиях (конечно, если они их все-таки обнаружат), действительно сумели бы перевернуть эти пульта управления и навсегда покончить со страданиями, побудившими их к мятежу»²⁸.

Возникает вопрос: можно ли и, главное, нужно ли противостоять языку ненависти? Есть ли какие альтернативы той риторике, которую отдельные политические деятели с успехом применяют для достижения своих корыстных целей, манипулируя сознанием адресата, навязывая ему псевдокартину мира, сгущая краски? Как нам видится, единственный способ избежать многих конфликтов – перейти в субъект-субъектные отношения, отказаться, насколько это возможно, от манипуляции и насилия. Вместе с тем мы признаем сложность и даже потенциальную невыполнимость в ближайшее время данной задачи. От участников политического процесса потребовалось бы столько доброй воли и мужества, что действительно можно усомниться в достижимости какого-либо компромисса. Тем не менее стоит надеяться, что рост образованности общества, более критический взгляд людей на информацию, с которой они ежедневно сталкиваются, рано или поздно

обезоружит манипуляторов, заставит их перейти от языка ненависти и использования стратегии дискредитации противника к конструктивному диалогу и с оппозицией, и с обществом. Задача ученого в этой связи – способствовать просвещению населения, поскольку, если говорить словами Н. Фэркло, «осознание – первый шаг к освобождению»²⁹.

Изучение языка ненависти и манипуляции как отличительных черт современной политической коммуникации актуально и жизненно необходимо. Важно показать, что обращение к языку ненависти является, по сути, манипулятивной стратегией, нацеленной на подчинение аудитории воле манипулятора. Создать образ врага – это удобный способ уйти в сторону от необходимости обсуждать актуальные проблемы и искать реальные причины их возникновения. Это тот обманный маневр, который политики используют для завоевания и удержания власти, иногда незаконным и почти всегда аморальным путем.

Кстати, опасен язык ненависти, вражды, агрессии не только для общества, но и для здоровья индивида, ибо слова являются «мощной энергетической сущностью» и напрямую связаны с психоэмоциональным состоянием человека. Как отмечает В. И. Шаховский, использование такого языка часто «свидетельствует о происходящих в сознании человека деградиционных процессах, ослабляющих его физически, психически и ментально»³⁰.

Считая и язык ненависти, и манипуляцию негативными явлениями современности, от которых желательно избавляться, мы все же вынуждены признать, что с чисто прагматической точки зрения и манипуляция, и язык ненависти – это в условиях далеко не совершенной (в хабермасовском смысле) политической коммуникации мощное оружие, способ оказания необходимого воздействия на адресата, побуждение его к определенным политическим действиям. Это один из путей завоевания политического доверия наивной аудитории. И если, руководствуясь этическими постулатами, такие средства достижения цели нельзя оправдать, то смотря на проблему в прагматическом ключе (т.е. по принципу «цель оправдывает средства»), мы сталкиваемся со сложностью и внутренней противоречивостью политики, где, как уже отмечалось ранее, кантовская, деонтологическая модель морали никогда с исторической точки зрения не была доминантной – в политике преобладали макиавеллизм и холодный расчет.

Современная политика представляет собой многоаспектный, комплексный феномен, сотканный из самых различных дискурсивных практик. Их всестороннее изучение невольно выводит исследователя в область политического языка, ставшего предметом сравнительно юной, но ак-

тивно развивающейся дисциплины – лингвистической политологии, которая в идеале должна стать междисциплинарным направлением, привлекать научные сведения и данные не только из лингвистики и политологии, но и социологии, культурологии, психологии и многих других гуманитарных областей знания.

Примечания

- ¹ Общая психоллингвистика : хрестоматия / сост. К. Ф. Семенова. М. : Лабиринт, 2004. С. 69.
- ² Иссерс О. Речевое воздействие : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2009. С. 6.
- ³ Цит. по: Emcke C. Weil es sagbar ist : Über Zeugenschaft und Gerechtigkeit. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch, 2016. S. 167.
- ⁴ Тинякова Е. Язык как форма существования культуры и концепция неллингвистического позитивизма. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. С. 6.
- ⁵ Колосов С. Конструирование социальной ненависти в дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. С. 6.
- ⁶ См.: Tsesis A. Destructive Messages : How Hate Speech Paves the Way for Harmful Social Movements. New York : New York University Press, 2002. P. 4.
- ⁷ См.: Emcke C. Op. cit. S. 155.
- ⁸ Ibid. S. 150.
- ⁹ См.: Kujawa I. Der Politische Diskurs als Gegenstand der Linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2014. S. 150.
- ¹⁰ Ibid. S. 147.
- ¹¹ Ibid. S. 150.
- ¹² Foucault M. The History of Sexuality : in 3 vols. Vol. 1. An Introduction. Hammonsworth : Penguin, 1978. P. 101.
- ¹³ См.: Mills S. Discourse. London : Routledge, 2004. P. 116.
- ¹⁴ См.: Карамова А. Текст и дискурс : соотношение понятий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. 2013. Т. 10, № 2. С. 19–23.
- ¹⁵ Foucault M. The Archeology of Knowledge and the Discourse on Language. New York : Pantheon, 1972. P. 49.
- ¹⁶ Frederick A. Since yesterday, the 1930s in America. New York : Harper & Row Publishers, 2013. P. 234.
- ¹⁷ Кузин А. Манипуляция в структуре социального взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 59.
- ¹⁸ См.: Шейгал Е. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. С. 6.
- ¹⁹ Ефанов А. Моральные паники как фактор социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2016. С. 3.
- ²⁰ См.: Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities and Other Essays. New York : Columbia University Press, 1983. P. 2.
- ²¹ См.: Чернявская В. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия. М. : Флинта ; Наука, 2006. С. 10.

- ²² См.: Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004.
- ²³ Пугачкий М. Манипуляция как пограничное состояние человека // Альманах современной науки и образования. 2014. № 11 (89). С. 113.
- ²⁴ См.: Мальковская И. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М. : КомКнига, 2005. С. 151.
- ²⁵ См.: Хроменков П. Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количеств контент-анализа) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. С. 13.
- ²⁶ См.: McEnery T. *Swearing in English. Bad Language, Purity and Power from 1586 to the Present*. London : Routledge, 2009. P. 124. <https://doi.org/10.4324/9780203501443>
- ²⁷ Shrouf A. *Sprachwandel als Ausdruck politischen Wandels : am Beispiel des Wortschatzes in Bundestagsdebatten 1949–1998*. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2006. S. 26.
- ²⁸ Бауман З. *Текущая современность* / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. С. 12.
- ²⁹ Fairclough N. *Language and Power*. London : Longman Group, 1989. P. 1.
- ³⁰ Шаховский В. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге : человек, язык, эмоции*. Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов, 2016. С. 27.

Поступила в редакцию 20.07.2021, после рецензирования 04.09.2021, принята к публикации 10.09.2021

Received 20.07.2021 revised 04.09.2021, accepted 10.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 464–471

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 464–471

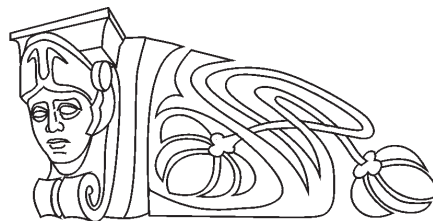
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-464-471>

Научная статья

УДК 327.5

Роль Турции в сирийском конфликте: анализ работ российских авторов

С. С. Третьяк

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Третьяк Сергей Сергеевич, аспирант кафедры политических наук и международных отношений, Sergey280497@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9658-4762>

Аннотация. Статья посвящена анализу тематических блоков в отечественных научных публикациях об участии Турции в сирийском конфликте. Автор выделяет следующие тематические блоки: исторический характер сирийско-турецких отношений, «курдский фактор» турецкой политики, российско-турецкие отношения и отношения между Турцией и США.

Ключевые слова: Турция, Сирия, США, курды, конфликт, кризис, борьба, территория, угроза

Для цитирования: Третьяк С. С. Роль Турции в сирийском конфликте: анализ работ российских авторов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 464–471. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-464-471>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of Turkey in the Syrian conflict: An analysis of the works of Russian scholars

S. S. Tretyak

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia

Sergey S. Tretyak, Sergey280497@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9658-4762>

Abstract. The article is devoted to the analysis of thematic frames within the Russian scholarly publications on Turkey's participation in the Syrian conflict. The author highlights the following thematic blocks: the historical nature of Syrian-Turkish relations, the "Kurdish factor" of Turkish policy in the Syrian conflict, Russian-Turkish relations, relations between Turkey and the United States.

Keywords: Turkey, Syria, the USA, Kurds, conflict, crisis, struggle, territory, threat

For citation: Tretyak S. S. The role of Turkey in the Syrian conflict: An analysis of the works of Russian scholars. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 464–471 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-464-471>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начавшийся в начале второй декады XXI в. сирийский кризис быстро приобрёл статус регионального. Гражданские столкновения внутри Сирийской Арабской Республики (САР) не могли не затронуть внешнеполитические интересы её северо-восточного соседа – Турции. Несмотря на «оттепель» в отношениях двух стран на рубеже десятилетий, долгая история сложных двусторонних отношений взяла верх. Разные подходы к вопросам политического устройства и безопасности в регионе, политические идеологии, неразрешённые территориальные споры, неурегулированный водный вопрос и прочее не позволили Турции остаться в стороне от, казалось бы, внутренних сирийских событий. Особую роль в вовлечении Турции в конфликт сыграли «курдский вопрос» и амбициозные внешнеполитические стремления турецких лидеров. Всё это предопределило актив-

ное вовлечение Турции в сирийский конфликт, что нашло своё отражение в работах российских исследователей. Россия имеет свои геополитические интересы в регионе, а потому события в Сирии находятся в центре внимания как политиков, так и экспертов. Аналитическое осмысление сирийских событий и роли в них Турции в работах отечественных востоковедов позволяет увидеть акценты и приоритеты российской политики в регионе Ближнего Востока.

Целью статьи является анализ ключевых тематических блоков в отечественных научных публикациях об участии Турции в сирийском конфликте. Объектом работы выступает военное-политическое участие Турции в сирийском кризисе 2011–2020 гг., а предметом – его осмысление в работах российских экспертов. В рамках исследования было проанализировано 18

публикаций отечественных авторов по данной тематике, опубликованных в научных журналах в период 2012–2020 гг.

Статья состоит из нескольких частей. В первой части затрагивается вопрос отражения в отечественной литературе исторических взаимоотношений Сирии и Турции. Вторая часть работы посвящена «курдскому фактору» участия Турции в сирийском конфликте. В третьей части представлены выводы исследователей о характере взаимоотношений России и Турции в контексте кризиса. Наконец, четвертая часть содержит основные тезисы американо-турецких отношений в рамках сирийского конфликта.

Исторический контекст сирийско-турецких отношений

История турецко-сирийских отношений в контексте участия Турции в сирийском конфликте привлекает немалое внимание отечественных авторов. Пожалуй, общим моментом их работ является вывод об исторически сложном характере этих отношений. Тем не менее, непростые, порой силовые сценарии этих отношений не помешали странам достичь согласия по многим актуальным вопросам. Многие авторы сходятся во мнении, что пиковой точкой консенсуса стала первая декада XXI в., а именно годы накануне событий «арабской весны» (2011)¹.

Исследователи отмечают, что непростой характер отношений между Сирией и Турцией уходит корнями в эпоху распада мирового колониального порядка после окончания Первой мировой войны. Проблема заключалась в том, что после распада Османской империи в 1921 г. Франция передала Турецкой Республике часть земель Киликии (области на юго-востоке Малой Азии), которую сирийцы считают своей этнической территорией². Кроме того, некоторые авторы отмечают, что идеологически Турция в XX в. разительно отличалась от других мусульманских стран Ближнего Востока. Её членство в НАТО, а также декларируемая приверженность западным идеям и ценностям не могли не создавать точек напряжения между ней и другими странами региона³.

Важную часть в анализе истории турецко-сирийских отношений занимает вопрос водопользования крупнейших рек в долине древнего Междуречья. Проблема распределения водных ресурсов рек Тигр и Евфрат, верховья которых находились на территории Турции, неоднократно оказывалась в повестке дня двусторонних отношений. Некоторые исследователи отмечают чисто инструментальный характер фактора возможного нажима на Сирию со стороны Турции. Как пишет А. Фролов, «построенная в 1989 г. Турцией “дамба Ататюрка” напугала сирийцев именно как возможный рычаг нажима на Сирию. До её постройки в Сирию попадало 850 м³ воды в секунду, а с на-

чалом её постройки турки обязались поставлять как минимум 500 м³, что заметно уменьшило поступление воды и в итоге стало причиной многих экономических и сельскохозяйственных проблем в Сирии»⁴.

Однако самым большим камнем преткновения в отношениях двух стран был вопрос поддержки Сирией курдского движения, в особенности после 1974 г., когда была создана Курдская рабочая партия (КРП). Подробно о самом курдском вопросе в плоскости взаимоотношений Турции и Сирии, а также о том, какую роль он сыграл в развитии событий сирийского кризиса, будет сказано ниже. Здесь же отметим, что многие отечественные аналитики писали о манипулировании Сирией «курдским фактором» как козырем в решении многих спорных вопросов⁵. Дело в том, что в Сирии, в отличие от Турецкой Республики, курдский вопрос не стоял настолько остро. Этим и пользовались в Дамаске, поддерживая деятельность КРП, а также обеспечивая её членам дипломатическое прикрытие. В 1998 г. напряжение едва не дошло до открытого столкновения, однако всё закончилось переговорами и мирным урегулированием.

Несмотря на сложности в отношениях Турции и Сирии, начало XXI столетия ознаменовалось явным потеплением. Некоторые авторы отмечают, что конец прошлого века принёс Сирии немало неприятностей. Одним из наиболее значимых из них стало свержение режима Саддама Хусейна в соседнем Ираке и размещение на его территории военного контингента международных коалиционных сил (их основу составляли ВС США и Великобритании). В свою очередь, оставался не решённым конфликт с Израилем, а с дружественным Ираном не было государственной границы. Фактическое окружение Сирии «недружелюбными» государствами вынуждало её идти на сближение с Турцией.

Официальные визиты президентов двух стран в 2004–2005 гг. значительно укрепили почву в направлении стабилизации турецко-сирийской дипломатии. Остро для обеих сторон стоял вопрос благоустройства послевоенного Ирака. Высказывалась и совместная позиция о неисполнении Израилем резолюций ООН и необходимости деокупации арабских территорий. Данный момент детально описывается в трудах некоторых авторов, в частности В. А. Надеина-Раевского, и позиционируется как важная веха в смене геополитических ориентиров Турецкой Республики после прихода к власти Партии справедливости и развития во главе с Р. Эрдоганом⁶.

Тем не менее, достигнутое сближение двух государств было перечёркнуто событиями «арабской весны». Турция всё больше примеряла на себя роль регионального лидера, замещая элементы «мягкой силы» «твёрдой». Это вполне соответствовало духу новой турецкой идеологии, выращенной на тезисах неоосманства А. Даву-

тоглу и его, пожалуй, главного научного труда «Стратегическая глубина» (тур. «Stratejik derinlik»). Гражданский кризис в Сирии открывал для Турции много возможностей, которые она, как выяснилось, не собиралась упускать.

«Курдский фактор» участия Турции в сирийском конфликте

Вопрос сирийских курдов, как один из главных триггеров участия Турции в сирийском конфликте, занимает весомое место в отечественных научных трудах. Как указывают ряд авторов, сирийский кризис обнажил многие страхи турецкой политической элиты перед угрозой «реального Курдистана» и возможных последствий его создания. Как отмечает О. И. Жигалина, с самого начала гражданского конфликта в Сирии курды, этническая обособленность которых долго не признавалась официальным Дамаском, определили чёткий вектор на борьбу за отстаивание своих интересов в стране. Север Сирии стал оплотом курдского сопротивления как режиму Б. Асада, так и возросшей позже угрозе влияния террористических групп в регионе. Разумеется, развивающееся таким образом положение дел не могло не обеспокоить турецкую политическую верхушку⁷.

Если не затрагивать временной отрезок до «арабской весны», то многими российскими исследователями принято разделять турецкую политику в отношении сирийских курдов на несколько условных этапов. Первый из них затрагивает первые годы от начала конфликта и определяется ставкой Турции на быстрое свержение правительства Б. Асада. Поддержка сирийской оппозиции, а также консенсус с западными лидерами по данному вопросу предполагали быстрое свержение правящего режима Сирии. Правление Б. Асада было названо авторитарным, а ему самому предложили покинуть свой пост в угоду демократическим преобразованиям в стране. Ряд этих мер предполагал скорое установление в стране правления лояльной Турции оппозиционной политической верхушки⁸. Как следствие – курдский вопрос в Сирии становился бы более управляемым и не представлял значительной угрозы турецкому суверенитету. Тем не менее, режим Б. Асада при поддержке России и Ирана продемонстрировал значительную военную и политическую стойкость. В то же время на севере страны росло влияние курдской партии «Демократический союз» (PYD, курд. *Partiya Yekîtiya Demokrat*), которую часто аффилировали с Рабочей партией Курдистана.

Важной вехой кризиса многими авторами определяется рост террористических организаций, пришедших в Сирию из политически нестабильного центрального Ирака. Крупнейшей из них стало Исламское государство (ДАИШ, организация запрещена в России). Именно война с террористическими группами усилила позицию сирийских курдов. «Фактически курдские

военные силы на территории Сирии и Ирака на протяжении последних лет оставались наиболее эффективным противником в борьбе с региональным терроризмом...», – утверждает А. Г. Геворгян⁹. Эффективность отрядов народной самообороны (YPG, курд. *Yekîneyên Parastina Gel*) и отрядов женской самообороны (YPJ, курд. *Yekîneyên Parastina Jin*), вооружённого крыла партии «Демократический союз» всё больше привлекала внимание Анкары. Ранний этап конфликта охарактеризовался достаточно сдержанной позицией Турции по отношению к «Союзу». Это, в свою очередь, шло в контексте турецких попыток примирительной политики с РПК. В 2013 г. произошла встреча Р. Эрдогана с лидером «Демократического союза» Салихом Муслимом для обсуждения возможностей урегулирования сирийского кризиса.

Тем не менее, внешнее согласие продолжалось недолго. Объявленная зимой 2014 г. курдская автономия на севере Сирии, в состав которой входили три отделённых друг от друга курдских анклавов – Кобани, Джазира и Африн, привела к изменениям в турецкой политике по отношению к Сирии. Объединение трёх кантонов, пусть и формальное, стало реальностью, и перед турецкой властью вновь замаячила угроза «реального Курдистана» у самых границ, что, как отмечает Э. Т. Мехдиев, несомненно, привело бы к новому политическому кризису в стране¹⁰. Партия «Демократический союз» была объявлена Турцией террористической, росло напряжение и в отношениях с РПК. Многие авторы характеризуют именно данный период как определяющий в политике Турецкой Республики по курдскому вопросу в сирийском кризисе, когда главным противником стал не антидемократический режим Б. Асада, а вооружённые формирования сирийских курдов¹¹.

В немалой степени ситуация обострилась после летних терактов 2015 г. в Турции, в организации которых Анкара обвинила РПК. Параллельно стали звучать турецкие заявления о том, что Турция не допустит создания каких-либо государств у своих границ¹². Рост опасения в Турции вызвало создание при поддержке США военного политэтнического союза «Силы демократической Сирии», значительную роль в котором играли курды.

Расширение зоны влияния сирийских курдов на севере страны, а также нереализованная идея турецко-сирийской буферной зоны инспирировали проведение серии крупных военных операций ВС Турции на территории САР. Многие исследователи определяют их главной целью недопущение фактического объединения трёх курдских анклавов в Сирии в единую зону. Причём отмечается схожесть интересов Турции и Сирии в данном вопросе¹³. Переход Турции к силовым мерам по реализации сирийской политики в немалой степени был вызван насущной необходимостью разрешения проблемы сирийских беженцев. В целом, сирийским беженцам на территории Турции уде-

лено немало внимания в работах отечественных авторов. Многие из них указывают на актуальность для турецкого руководства решения вопроса беженцев как с позиции сугубо экономических издержек, так и роста социального напряжения внутри турецкого общества¹⁴.

В целом, курдский фактор определяется многими российскими авторами как определяющий региональную политику Турции¹⁵. Актуализированный в последнее десятилетие курдский вопрос уже не может иметь чисто сирийский или иракский характер. Турция, очевидно, рассматривает данный вопрос системно и соразмерно определяет дальнейший ход собственных действий. В Анкаре понимают всю опасность создания независимого Курдистана на территории САР и его дальнейшее возможное объединение с уже фактически независимым Иракским Курдистаном. Таким образом, создавая так называемую буферную зону вдоль турецко-сирийской границы, Турция стремится решить сразу несколько насущных задач: купировать угрозу объединения сирийских курдов путём создания возможного плацдарма для реализации собственных силовых мер, с одной стороны, а также отчасти решить вопрос с сирийскими беженцами, с другой. Всё это определяет позицию Турции и по сей день.

Российско-турецкие отношения в контексте сирийского конфликта

30 сентября 2015 г. Вооружённые силы Российской Федерации по приглашению руководства Сирийской Арабской Республики были введены на территорию страны. Официальным предлогом стала необходимость поддержки режима Башара Асада в борьбе с терроризмом¹⁶. Именно эта дата определяется во многих российских исследованиях в качестве нового этапа российско-турецких отношений. Как было сказано ранее, сирийский кризис для Турции стал не просто рядовым конфликтом в соседней стране. Некоторые авторы окрестили его «гордиевым узлом» общемировой тенденции по проверке на прочность прежнего геополитического порядка, в котором сошлось немало сторон и интересов¹⁷. Турция в данном случае не стала исключением. Историческая память о части потерянных приграничных территорий, населённых этническими туркменами, опасность проекта «Сирийского Курдистана» в совокупности со стремительно возрождающимися прошлыми османскими неоимперскими амбициями актуализировали для Турции кризис в Сирии. Безусловно, вмешательство России усложнило для неё поддержку сил по свержению режима Б. Асада и установлению лояльного правительства в Сирии. Отношения между Россией и Турцией обрели всё больше натянутый характер.

В данном контексте многие авторы особо выделяют инцидент со сбитым турецкими ВВС 24 ноября 2015 г. российским штурмовиком

СУ-24 на территории САР. В. Путин назвал этот акт «ударом в спину», который могли нанести только «пособники террористов»¹⁸. Турецкие власти отказались приносить извинения, аргументируя это тем, что самолёт, по их данным, не пересёк государственную границу Турции. Это сильно осложнило российско-турецкий диалог. Был принят ряд ответных российских мер: был приостановлен безвизовый режим, введены экономические ограничения, приостановлены некоторые двусторонние контакты и т. д. Часть исследователей полагают, что это была пиковая точка в отношениях, когда страны оказались наиболее близки к началу вооружённого конфликта¹⁹.

Тем не менее, диалог возобновился в конце июня 2016 г., когда президент Турции Р. Эрдоган направил послание В. Путину. «Эрдоган выражает глубокое сожаление по поводу произошедшего и подчеркивает готовность делать всё возможное для восстановления традиционно дружественных отношений между Турцией и Россией, а также совместно реагировать на кризисные события в регионе, бороться с терроризмом», — отмечал пресс-секретарь президента РФ Д. Песков²⁰. Российский МИД заявил о готовности к возобновлению совместной работы с Турцией по сирийскому урегулированию.

Важно отметить, что в ряде отечественных работ есть попытка периодизации российско-турецких отношений в контексте сирийского кризиса. Условно их можно поделить на два этапа: процесс стремительного ухудшения, пиковой точкой которого стал инцидент с российским самолётом, и последующий процесс их нормализации, когда началась реальная совместная работа по сирийскому направлению²¹.

Турецкий интерес по сирийскому урегулированию после 2016 г. ряд авторов объясняют вероятным осознанием бесперспективности борьбы против режима Б. Асада, а также угрозами с двух фронтов: террористического и курдского. В данном случае подчёркивается значение именно курдского фактора. Проявив свою эффективность в борьбе с террористическими группировками в Сирии и, как следствие, заручившись поддержкой США, сирийская курдская партия «Демократический союз» (с подконтрольными ей военными формированиями) становилась реальной силой у юго-западных границ Турции. В контексте данных событий авторы и отмечают российско-турецкое сотрудничество по урегулированию сирийского кризиса²².

Знаковым событием в этом процессе называется встреча президентов России и Турции в Сочи 22 октября 2019 г. В меморандуме «О взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой» говорилось о единстве и неделимости Сирии, совместной борьбе с терроризмом и сепаратизмом на территории страны. Отдельным блоком документа стали положения об обеспечении национальной безопасности Тур-

ции. Более того, Российская Федерация обязалась содействовать реализации Аданского соглашения между Сирией и Турцией по противодействию РПК. Турция получала широкие возможности и гарантии маневра в борьбе против сирийских курдов у своих границ. Были подписаны дорожные карты между российскими и турецкими ВС по разграничению зон патрулирования, установлению пропускных контрольных пунктов, вопросов гуманитарного значения и т. д.

Тем не менее, возвращение к реализации Турцией Аданского соглашения трактуется рядом отечественных авторов с немалой долей скепсиса. В первую очередь, встаёт вопрос о контроле за правомерностью исполнения его положений. Главным образом, говорится о пункте, который вводит запрет на нарушение границ друг друга. Сирия не раз заявляла, что своими вторжениями на территорию САР Турция прямо нарушает условия договора²³. К его соблюдению призывал и МИД РФ. Само включение России в процесс реализации Аданского договора вызывает у авторов ряд вопросов. Многие сходятся во мнении, что это продиктовано интересом России в выстраивании тесных дружественных отношений с Турцией. В то же время Москва при поддержке Ирана стремится сохранять взаимопонимание с режимом Б. Асада. Отсюда следует курс на маневрирование между двумя сторонами с целью недопущения их крупной конфронтации. Важным моментом также стала совместная российско-турецкая инициатива по привлечению за стол переговоров представителей сирийской оппозиции.

На сегодняшний день взаимодействие России и Турции в Сирии можно рассматривать в плоскости сотрудничества. Тесные межведомственные контакты, обмен разведданными, совместные плановые патрулирования и прочее говорят о глубоком взаимодействии сторон. Тем не менее, некоторые авторы считают ошибочными тезисы об искреннем и дружественном партнёрстве. Если смотреть на проблему шире, становится явным прагматичный подход в вопросе урегулирования гражданского конфликта в Сирии. И Российская Федерация, и Турция стремятся зарекомендовать себя в качестве лидера в регионе, с которым нужно считаться. Каждое государство преследует собственные цели на сирийской земле. Для России, в первую очередь, это фактор военного присутствия, который должен использоваться как весомый аргумент в целях реализации её политики в регионе (в том числе и войне энергоносителей, география которых выходит далеко за пределы Ближнего Востока). Для Турции это своего рода экзамен, где Анкара стремится показать прочим государствам свои возможности. Более того, в Сирии Турция столкнулась не только с имиджевыми рисками, но и с реальными угрозами. Фактор терроризма, а также актуализировавшийся курдский вопрос вынуждают политических лидеров Турции идти

на более уверенные шаги в целях достижения собственных интересов, а также в вопросах защиты государственного суверенитета.

Отношения между Турцией и США в рамках сирийского кризиса

Ещё одним важным блоком в работах исследователей выступает анализ характера американо-турецкого сотрудничества в контексте сирийского кризиса. Возросшее число противоречий между Турцией и США по вопросам Сирии в последние годы объясняется характерным изменением целей, которые преследует каждая сторона. Исследователи сходятся во мнении, что заметным водоразделом этих отношений стал период 2013–2014 гг.

Важно отметить, что начало сирийского конфликта ознаменовалось тесным сотрудничеством Турции и США. В обеих столицах внимательно наблюдали за происходящими протестами на улицах сирийских городов. Рост гражданского противостояния в Сирии неизбежно угрожал обострением напряжённости в северных, приграничных с Турцией районах, активно заселённых этническими курдами. Сам по себе курдский вопрос, как сказано ранее, являлся старой и очень болезненной темой для турецкой власти. Развязка сирийского кризиса для сирийских курдов могла быть самой разной, вплоть до обретения статуса автономии, а при определённых обстоятельствах – создания независимого Курдистана под боком у Турции. Это, в свою очередь, грозило стать прецедентом и знаком для всех близлежащих курдских анклавов в Ираке, Иране и Турции. Такой сценарий побуждал Турцию делать особую ставку на сирийскую оппозицию. Так же рассуждали и США, которые видели в отстранении Б. Асада и приходе к власти лояльных им сил решение многих собственных внешнеполитических проблем в регионе. К таким можно отнести: непрекращающееся арабо-израильское противостояние, вопросы в отношении ядерной программы Ирана, поддержка Сирией движения ХАМАС и партии «Хезболла» (признанные в США террористическими). Совместные заявления Б. Обамы и Р. Эрдогана о потере доверия к сирийскому правительству и требования ухода Б. Асада с поста Президента Сирийской Республики свидетельствовали о наличии консенсуса между двумя странами. Некоторые авторы делают акцент на характерной общности турецко-американских интересов в первые годы сирийского конфликта²⁴.

Тем не менее, последующие события показали всю непрочность сделанных ранее заявлений. Проблема заключалась в том, что в 2012 г. правительство Р. Эрдогана выступило с инициативой создания специальной «безопасной зоны» в северных районах Сирии. Это обеспечивало решение для Турции сразу нескольких задач: частичную нейтрализацию курдской угрозы, об-

легчение тяжёлой гуманитарной ситуации вокруг сирийских беженцев, возможность предметной консолидации сирийской оппозиции. Однако несмотря на внешние выгоды, данное предложение не нашло активной поддержки в Вашингтоне. Причину тому некоторые авторы усматривают в опасении со стороны США и турецкой стороны явного нарушения сирийского суверенитета. Это, в свою очередь, грозило прямым военным столкновением с лояльными Б. Асаду сирийскими вооружёнными силами и обвинением в грубом нарушении международного права. Ситуация отягощалась регулярными утечками в прессу фактов прямой военной поддержки сирийской оппозиции со стороны Вашингтона и Анкары²⁵.

Важной проверкой осложняющихся американо-турецких отношений стали требования Турции о консолидированных действиях по защите одного из членов НАТО после нескольких инцидентов, связанных со взрывами артиллерийских боеприпасов, выпущенных с территории Сирии. Турция начала усиливать группировку войск у границ с Сирией. Ответом со стороны альянса стало согласие на размещение в начале 2013 г. нескольких американских батарей зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» вблизи турецко-сирийской границы²⁶.

Некоторые исследователи обращают внимание на отсутствие у администрации Б. Обамы в то время чёткой «дорожной карты» по разрешению сирийской проблемы. Отмечается уход от турецких вопросов по конкретизации мер в сторону важности всесторонней солидарности с сирийской оппозицией в их борьбе с режимом Б. Асада. Б. Обама, в частности, заявил: «Не существует магической формулы, которая помогла бы справиться с необычайно жестокой и трудной ситуацией, какая [сложилась] в Сирии»²⁷. Ситуацию осложнили данные американских спецслужб о фактах попадания американской военной помощи в руки «нелояльно» настроенных в отношении США группировок в Сирии. Ответственность за это возлагалась на разведку Турции²⁸. В то же время, как уже описывалось ранее, важным сигналом для Турции стало заявление сирийских курдов о создании временной администрации на северо-востоке Сирии. Турецкие власти обвинили курдскую партию «Демократический союз» в умышленном разделе страны. Таким образом, как отмечала А. И. Алиева, «в 2014 г. идея недопущения образования курдской автономии на границе с соседней страной закрепились в качестве основы сирийской политики Турции. При этом Анкара продолжала настаивать на отстранении Б. Асада от власти. США оставались солидарными с турецким руководством в данном вопросе. Тем не менее, и американский подход к “сирийской проблеме” успел претерпеть изменения, что было связано с появлением новых угроз и рисков в Сирии, касавшихся отныне не только региональной, но и глобальной безопасности»²⁹.

Во многих исследованиях 2014 год называется ключевой точкой не только американо-турецкого взаимодействия в сирийском конфликте, но и самого кризиса в целом. Продолжительная политическая нестабильность в Ираке, а также затягивающийся гражданский конфликт в САР привели к беспрецедентному росту экстремистских и террористических группировок на Ближнем Востоке. Самой крупной и боеспособной из них стала запрещённая на территории РФ организация «Исламское государство». Исследователи подчёркивают, что возникшая перед США угроза распространения терроризма за пределы Ближнего Востока вынудила их пойти на планомерный пересмотр собственных целей и определение новых главных противников в сирийском конфликте. Некоторые авторы отмечают, что это вовсе не означало примирения или вынужденного сближения с правительством Б. Асада, а было нацелено лишь на борьбу с новыми быстро растущими угрозами³⁰.

Формирование международной антитеррористической коалиции во главе с США не вызвало бурного оживления в Анкаре. Причиной тому стало отсутствие чёткого ответа со стороны Соединённых Штатов по вопросу создания «безопасной зоны». Очевидно, что этот вопрос не стоял на повестке дня в овальном кабинете. Противоречия усиливались ещё и тем, что США чётко обозначили свой интерес в привлечении вооружённых формирований сирийских курдов в лице партии «Демократический союз» и «Сил народной самообороны», которых Анкара считала крылом Рабочей партии Курдистана. Сотрудничество США и сирийских курдов в борьбе против террористических организаций вызывало немалый скепсис в Анкаре, продолжавшей поддерживать и делать ставку на Свободную сирийскую армию (ССА)³¹. Тем не менее, некоторые исследователи утверждают, что сирийские курды оказались более эффективным союзником США в борьбе против распространения террористической угрозы в Сирии, чем ССА³².

Ситуация осложнилась после трагических событий лета 2015 г. Терракты в Турции, ответственность за которые возлагалась на ИГ, вынудили правительство Р. Эрдогана пересмотреть основополагающие цели в сирийском конфликте. Наряду с борьбой с Рабочей партией Курдистана и «Силами народной самообороны» стала борьба против террористической угрозы, в первую очередь – в лице Исламского государства. Таким образом, Турция была вынуждена присоединиться к антитеррористической коалиции и предоставить для её нужд авиабазу Инджирлик. Однако она категорически выступила против поддержки США объединения вооружённой оппозиции «Демократические силы Сирии» (ДСС), к которым присоединились СНС, а также часть других группировок. В данном вопросе важно отметить, что именно усиление всестороннего сотрудничества

США с вооружёнными группировками сирийских курдов определяется как крайне болезненная страница американо-турецких отношений в ходе сирийского конфликта. «Власти Турции были уверены, что отряды самообороны курдов (ОСК) являются крылом РПК, и поэтому с негодованием встречали новости об усилении взаимодействия США и сирийских курдов. Посчитав, что придерживаться нейтралитета больше нельзя, власти Турции решились на проведение военной операции в Сирии, получившей название “Щит Евфрата” и направленной против ИГ и групп сирийских курдов, которые, по убеждению турецких властей, угрожают суверенитету Турции...»³³.

Как уже было сказано, с середины 2016 г. Турция переходит к более решительным мерам по борьбе с РПК и аффилированными к ней организациями и ИГ. Операции «Щит Евфрата» (2016), «Оливковая ветвь» (2018) и «Источник мира» (2019), проводимые совместно с дружественной Турции вооружённой оппозицией, а также при ограниченной военной поддержке США, отчётливо говорят о том, что Турция взяла вопрос создания буферной зоны на севере Сирии в свои руки. Очевидно, что стремление Турции к недопущению объединения курдских анклавов в Сирии будет и дальше подталкивать её к решительным действиям.

Что касается нынешних отношений между Турцией и США, то они далеки от того состояния, которое было на ранних этапах сирийского конфликта. Угроза распространения экстремистских и террористических организаций на территории Сирии лишь усугубила разногласия. Расстановка сил на военно-политической карте Сирии потребовала от обеих сторон скорых мер и радикального пересмотра собственных целей и оппонентов. То же самое происходило и в выборе союзников. «Борьба с угрозами безопасности, в первую очередь на национальном уровне, стала определяющим фактором в их взаимодействии. Именно потому проблема выстраивания взаимоотношений с курдским населением Сирии стала основным камнем преткновения...»³⁴.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что заинтересованность отечественных авторов в проблематике сирийского кризиса, а также участия в нём Турции, объясняется рядом факторов. Во-первых, тем, что он изначально носил не локальный характер. В нём пересеклись интересы большого числа глобальных и региональных акторов. Конфликт затронул вопросы не только внутренней ситуации в Сирийской Арабской Республике, её устройства и будущего, но и вопросы безопасности и баланса сил в Ближневосточном регионе, международной борьбы с терроризмом, энергетики и гуманитарной политики. Во-вторых, интерес объясняется непосредственным вовлечением в сирийский конфликт России, которая имеет в регионе свои геополитические интересы. Эти факторы предопределили специфику выделенных

в статье тематических блоков в работах российских экспертов: история турецко-сирийских отношений, «курдский фактор», российско-турецкие и американо-турецкие отношения.

Некоторые авторы полагают, что сирийский кризис стал не только важным фактором региональных процессов, но и серьёзным испытанием существующего геополитического порядка. Продемонстрированные Западом непоследовательность и неспособность в политике реагирования на новые вызовы на Ближнем и Среднем Востоке ставят под сомнение его прежний статус неоспоримого гегемона в регионе. Одновременно это открывает возможности для усиления позиций в регионе новых акторов, в том числе России. Более того, ряд авторов приходит к выводу, что при сохранении текущего положения дел данный процесс будет усиливаться и усложняться, встречая новые потенциальные угрозы и вызовы, влияя на будущее соотношение сил как региона, так и мира в целом.

Примечания

- 1 См.: Кулуева С. Н. Политические отношения между Сирией и Турцией в первой половине XX в. // Молодой ученый. 2016. № 5 (109). С. 547–549. URL: <https://moluch.ru/archive/109/26485/> (дата обращения: 18.03.2021).
- 2 Там же.
- 3 См.: Сулейманов А. В. Турецко-израильские отношения : история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2014. № 3. С. 167.
- 4 Фролов А. В. Сирия : метаморфозы ближневосточной политики // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1 (48). С. 121.
- 5 См.: Ануфриенко С. В., Бостанов М. Э. «Курдская политика» Турецкой Республики в контексте функционала регионального узла глобальной системы управления. URL: <http://os.x-pdf.ru/20politologiya/738891-1-docent-kafedri-konfliktologii-svyazey-obschestvennostyuzhurnalistiki.php> (дата обращения: 18.03.2021).
- 6 См.: Надеин-Раевский В. А. Турция на пороге простого выбора // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 110–125.
- 7 См.: Жигалина О. И. Ситуация в этническом Курдистане и перспективы ее развития // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 47–53.
- 8 См.: Рудницкий А. Ю., Аватков В. А., Сбитнева А. И. Конфликтное взаимодействие Турции и Сирии : история и современность // Конфликтология / nota bene : [сетевое издание]. 2020. № 2. С. 29. URL: https://e-notabene.ru/knt/contents_2020_2.html – Дата публикации: 04.09.20. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2020.2.33629>
- 9 См.: Геворгян А. Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2019. Т. 19, № 4. С. 620. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624>

- ¹⁰ См.: Мехдиев Э. Т. Неоосманизм в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 36. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-32-39>
- ¹¹ См.: Ануфриенко С. В., Бостанов М. Э. Указ. соч.
- ¹² См.: Эрдоган : «Мы не допустим создания новых государств у своих границ». URL: <https://haqqin.az/news/112660> (дата обращения: 18.03.2021).
- ¹³ См.: Ануфриенко С. В., Бостанов М. Э. Указ. соч.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Геворгян А. Г. Указ. соч.
- ¹⁶ См.: Путин : Россия ввела войска в Сирию, чтобы не допустить террористов к своим границам. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4124950> (дата обращения: 18.03.2021).
- ¹⁷ См.: Кугай А. И. Гордиев узел Сирийского конфликта // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 37.
- ¹⁸ См.: «Удар в спину» : заявления Владимира Путина об инциденте с Су-24. URL: <https://ria.ru/20151124/1327592353.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- ¹⁹ См.: Ирхин А. А., Нелина Л. П. Россия и Турция на пороге 2018 года : «Большая игра» на Ближнем и Среднем Востоке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия, Политология, Культурология. 2018. Т. 4 (70), № 1. С. 115.
- ²⁰ Эрдоган извинился перед Путиным за сбитый Су-24. URL: <https://tass.ru/politika/3407975> (дата обращения: 23.03.2021).
- ²¹ См.: Rogov I. I., Faraponova T. K. Сирийский фактор в российско-турецких отношениях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 210. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-208-215>
- ²² См.: Большаков А. Г., Мансуров Т. З. Взаимодействие Ирана, России и Турции в сирийском конфликте и перспективы его урегулирования // Политическая экспертиза : ПОЛИТЕКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 308.
- ²³ См.: Дамаск обвинил Эрдогана в неверной трактовке Адаанского соглашения. URL: <https://ria.ru/20200205/1564290324.html> (дата обращения: 23.03.2021).
- ²⁴ См.: Смольняк И. В. Турция в либеральных конструкциях США в начале XXI в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 123.
- ²⁵ См.: Шлыков П. В. Трансформация роли Турции в борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке // Вестник Московского университета. Серия 13 : Востоковедение. 2018. № 2. С. 63.
- ²⁶ См.: Военные США прибыли в Турцию для службы в расчетах ЗРК «Пэтриот». URL: <https://ria.ru/20130104/917111129.html> (дата обращения: 28.03.2021).
- ²⁷ См.: Press Conference by President Obama and Prime Minister Erdogan of Turkey. May 16, 2013. The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/05/16/jointpress-conference-president-obama-and-prime-minister-erdogan-turkey> (дата обращения: 28.03.2021).
- ²⁸ См.: Rogov I. I., Faraponova T. K. Указ. соч.
- ²⁹ Алиева А. И. «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. 2018. Т. 18, № 4. С. 798. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805>.
- ³⁰ См.: Васецова Е. С. Борьба международной коалиции во главе с США с «Исламским государством» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru>. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-1-858>
- ³¹ См.: Смольняк И. В. Указ. соч.
- ³² См.: Свистунова И. А. В поисках новой модели : отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 57. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-53-61>
- ³³ См.: Дамаск обвинил Эрдогана в неверной трактовке Адаанского соглашения.
- ³⁴ Там же.

Поступила в редакцию 12.05.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 25.05.2021

Received 12.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 25.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 472–478

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 472–478

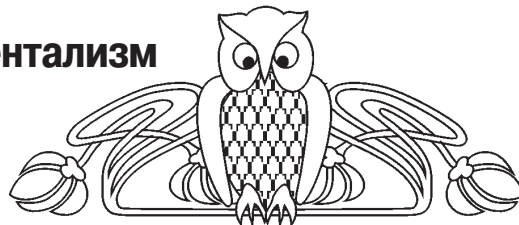
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-472-478>

Научная статья

УДК 348.71

Религиозный модернизм и фундаментализм в национальной модели политической модернизации

Е. К. Черняев

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Черняев Евгений Константинович, аспирант кафедры политологии, bktaga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7801-6657>

Аннотация. Церковь, как социальный религиозный институт, оказывает влияние на формирование базовых национальных ценностей, специфических особенностей национальной культуры. В процессе модернизации происходит процесс политизации религии за счет взаимодействия религиозных и политических институтов. В силу разности динамики модернизационных преобразований, адаптации религии к новым историческим условиям религиозные и политические институты приобретают уникальные формы взаимодействия, что сопровождается возникновением политических партий на религиозной основе, формированием новых религиозных, общественных организаций под покровительством религиозных институтов, преобразованием самих религиозных учений, что имеет влияние на формирование национальной модели модернизации.

Ключевые слова: модернизация, политизация религии, национальная модель политической модернизации, религиозный фактор, фундаментализм, религиозный модернизм

Для цитирования: Черняев Е. К. Религиозный модернизм и фундаментализм в национальной модели политической модернизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 472–478. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-472-478>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Religious modernism and fundamentalism within the national model of political modernization

E. K. Chernyaev

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Evgeniy K. Chernyaev, bktaga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7801-6657>

Abstract. Being a social religious institution, the church influences the formation of basic national values and specific features of national culture. In the process of modernization, there is a process of politicization of religion through the interaction of religious and political institutions. Due to the difference in the dynamics of modernization transformations and the adaptation of religion to new historical conditions, religious and political institutions acquire unique forms of interaction. This process is accompanied by the emergence of political parties on a religious basis, the formation of new religious and public organizations under the auspices of religious institutions, and the transformation of religious teachings themselves, which has an influence on the formation of a national model of modernization.

Keywords: modernization, politicization of religion, national model of political modernization, religious factor, fundamentalism, religious modernism

For citation: Chernyaev E. K. Religious modernism and fundamentalism within the national model of political modernization. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 472–478 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-472-478>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Модернизация представляет сложный исторический феномен, который включает в себя процесс обновления, усовершенствования различных сфер государства и общества. В середине XX в. данный процесс рассматривался как линейный и подразумевал органичный и развивающийся типы, однако в настоящее время вследствие культурных, исторических особен-

ностей понимание модернизации приобрело иное значение ввиду поливариантного развития, культурных и исторических особенностей различных регионов. Теории модернизации второй половины XX в. представляли собой одно из направлений теории общественно-исторического развития, которые сложились в рамках философии Нового времени¹.

В своей основе термин «модернизация» подразумевает и буквально означает процесс обновления, а исторически в науке использовался в качестве синонима термину «вестернизация», что подчеркивало неразрывную связь и зависимость от западных эталонов процесса обновления. Несмотря на то, что родиной «модернизации» является Западная Европа, ему удалось преобразовать весь мир, потому в настоящее время под этим термином понимаются глобальные преобразования в целом, без географической привязки. В академический дискурс данное понятие было введено в середине XX в., в частности, американским социологом Толкотом Парсонсом, и подразумевало, что силы урбанизации и индустриализации покрывают весь мир, а в основе самой модернизации лежит принцип универсализма, согласно которому развитие происходит по единой модели западного развития, особенностью которого является противопоставление традиционного общества современному. Процесс модернизации рассматривался как эволюционный – прогрессивные закономерные изменения, результатом которых является прежде всего институционализация – формирование новых институтов по западному образцу.

В 80-е гг. XX в. в политологической науке формируется новая концепция, которая отходит от классического представления о линейной и догоняющей модернизации, и обращается к поливариантной модели развития, согласно которой особое место уделялось особенностям культурно-исторического развития региона, оказывающим влияние на специфику формирования и развития институтов. Ш. Эйзенштадт уделял внимание фактору устойчивости традиций, который накладывает отпечаток на ход модернизационных процессов, отметив, что традиционные институты не только готовы к модернизации, но и успешно ее осуществляют².

Процесс политической модернизации оказывает влияние на различные сферы жизни государства и общества, в том числе на религиозную составляющую, что имеет особое значение, ввиду того что религия, помимо прочих функций, непосредственно влияет на культурную и духовную сферу. Процесс модернизации неразрывно сопровождается политизацией религии, соответственно, как и религия, оказывает влияние на политическую составляющую посредством формирования новых институтов, организаций, объединений. Политизацией называется обретение нового политического статуса проблем и явлений, изначально таковым не обладавших. Под это влияние могут попадать экономические, культурные, правовые, нравственные, административные, религиозные и иные феномены, таким образом, под полити-

зацией понимается перетекание проблемы из какой-либо сферы в политическую плоскость³.

По мнению М. В. Данилова, сам статус политического может обозначать наивысший накал проблемы, который демонстрирует общественную значимость, актуальность, неспособность субъектов справиться с ней с помощью обычных методов и практик. По мнению К. Шмитта, понятие «политическое» включает в себе противопоставление «свой – чужой» («друг – враг»), где подчеркнута причастность социума, способное объединить различные интересы разных субъектов по общему, особо значимому фактору сопричастности, где все остальное будет являться его противоположностью. Понятия «друг» и «враг» являются высшей степенью интенсивности соединения или разъединения, ассоциации или диссоциации. При этом некорректно отождествлять понятия «государственный» и «политический», где в первом случае имеется в виду особое состояние народа, которое в определенном случае является наиважнейшим, тогда как «политическое» подразумевает особый статус и характеризует причастность к «суверенному главенствующему единству»⁴. Понятие «враг» используется как нечто чуждое, отстаивающее собственный бытийный образ жизни. Политичность социума состоит в сохранении себя как части единого, общего, суверенного, а политическая деятельность – в создании новых институтов, социальных структур с целью поддержания единого целого⁵. Т. Парсонс обозначил первоочередную задачу политической подсистемы через организацию людей в государстве с опорой на власть, для коллективного действия и достижения общих целей⁶.

Противопоставление «свой – чужой» также находит схожее обоснование в религии и религиозных практиках, где Бог является высшим объединяющим началом, а в качестве созидательной активности выступают религиозные практики, которые регламентированы религиозными институтами, в том числе Церковью, которая имеет сложную, исторически сложившуюся структуру и иерархию. Как и в процессе политизации, противопоставление себя другим религиозным объединениям вовсе не означает обязательной миссионерской либо иной политической деятельности, однако имеет схожее с политическим понимание «статуса» и принадлежности к общему единству и наличие объединяющего фактора сопричастности, который способен объединить субъекты даже с различными интересами.

В 1993 г. С. Хантингтон в своем труде «Столкновение цивилизаций», опираясь на культурно-цивилизационную парадигму, принял попытку обоснования основных отличительных черт цивилизации, среди которых язык,

культура, религия, которые он охарактеризовал как основные элементы цивилизационной идентичности. Причину религиозного возрождения середины XX в, Хантингтон видит в процессах национальной модернизации. Наиболее яркой и мощной причиной религиозного возрождения является то же, что считалось причиной его смерти: процессы социальной, экономической и культурной модернизации. Людям нужны новые формы идентичности, новые моральные устои. Религия и ее направления отвечают этим требованиям⁷. Процесс модернизации Хантингтон соотносит с поливариантным развитием национальных моделей модернизации.

При анализе религиозного фактора, как сложного институционального влияния на модернизационный процесс, мы будем руководствоваться институциональным и аксиологическим подходом. В институциональном подходе мы акцентируем внимание на влиянии самого института религии как сложного социального явления и влиянии религиозных организаций. Понятие «религиозный институт» – одно из наиболее емких в науке и может подразумевать различные формы воздействия, имеет широкий спектр значений и функций. Данное понятие используется, как правило, для обозначения или характеристики религиозных объединений или организаций, связанных с религиозной активностью. Религия как сложное социальное явление осуществляет политико-религиозное институциональное взаимодействие посредством системы институтов на государство и общество. Наряду с политико-религиозным взаимодействием в процессе модернизации имеет место процесс политизации религии, который может проявляться особенно интенсивно в эпоху модернизационных преобразований, реформ, при институционализации новых институтов. Согласно определению Н. Норта, институты представляют собой «правила игры», созданные обществом ограничительные рамки, которые формулируют взаимоотношения в обществе⁸. Таким образом, в итоге политико-религиозного взаимодействия в ходе модернизации происходит процесс формирования новых институтов в результате закрепления социально-политических, культурных, духовных отношений, впоследствии зафиксированных и оформленных документально. Вследствие политико-религиозного взаимодействия создаются устойчивые связи, в результате чего происходит политизация религии, с одной стороны, и «конфессионализация» политики, с другой.

Политическая модернизация влияет на преобразования во всех сферах в жизни государства и общества, в том числе способствует формированию модернизационных процессов в религиозной сфере, образованию новых религиозных,

общественных организаций под покровительством религиозных институтов, которые могут действовать как общественные благотворительные объединения. В зависимости от характера политизации в тех или иных случаях могут происходить модернизационные изменения в религии, а в некоторых случаях это приводит к формированию фундаментализма и терроризма как реакционных явлений в ответ на источник обновления. Например, государства, которые отказались идти по западному пути модернизации, переживают рост политизации религии, традиционализма, который может приобретать радикальные формы. Одной из причин «обращения к традиции», помимо защиты национальных традиций и духовных ценностей, выступает реакция на секуляризацию общественной жизни, которая воспринимается в местной культуре как подрыв национальных культурных ценностей⁹. Например, анализируя процесс адаптации стран традиционного исламского мира к западным ценностям, можно выделить государства, которым удалось пройти сложный путь модернизационных изменений и адаптировать религиозную систему под новые реалии и западные, светские установки. С другой стороны, существует ряд стран, где религиозные акторы не смогли адаптироваться к новым модернизационным процессам и воспринимают их как источник вестернизации и культурной экспансии.

Религиозный модернизм отчетливо проявляется в странах Западной Европы и США, где он, собственно, и зародился. В политической реализации его можно наблюдать в формировании открытой позиции Церкви по отношению к обществу, «либерализацией религиозного сознания», которая проявляется в массе актуальных вопросов: например, в изменениях религиозных практик легализации однополых браков в некоторых протестантских церквях, возможности причастия без крещения и многих других. Непосредственно в политическом аспекте власти практически всех стран ЕС так или иначе высказывались в поддержку религиозных институтов и призывали их к сотрудничеству в русле предложенной ими повестки по различным вопросам. Например, призывы проявления христианского милосердия в вопросах вновь прибывающих беженцев, поддержки религиозных партий (которые функционируют в различных странах ЕС). С другой стороны, заручиться поддержкой религиозных институтов, а соответственно, лояльно настроенных к религии граждан желают и представители правых партий (например, партии «Альтернатива для Германии», «Вперед Италия», восточно-европейские партии, выступающие с призывами укрепления национального единства и недопустимости дальнейшей политики принятия беженцев и т.д.).

В США традиционно за республиканцев и кандидатов от них голосуют белые протестанты, тогда как за демократов – традиционно католики и представители других религий. В своих речах кандидаты в президенты довольно часто обращаются к «Стратегии Бога», цитируя выдержки из Библии или упоминая имя Бога. Так или иначе, религиозные институты всегда пользуются вниманием в западных политических кругах, особенно если учесть число религиозных учреждений и организаций, которые работают как общественные, образовательные, медицинские, благотворительные и другие, но формально могут быть отделены от церкви. На 2019 г. в Европе зарегистрированы 71 305 детских садов с 7 303 839 воспитанниками, 101 527 начальных школ с 34 558 527 учениками, 48 560 средних школ с 20 320 592 учениками. В католических средних школах обучаются 2 345 799 человек и 2 945 295 студентов являются учащимися католических университетов. Работают 8475 домов престарелых и хронических больных, 3169 социальных реабилитационных центров и 31 182 иных типов социальных институтов¹⁰.

Религиозный модернизм традиционно ассоциируется с обновлением различных сторон религиозного комплекса и устранением наиболее архаичных установок, которые не вписываются в современную практику¹¹. Несмотря на то что данное явление не прекращалось ни в одном столетии, понятие «религиозный модернизм» приобрело особую актуальность на рубеже XIX–XX вв., когда стремление сблизить католическую церковь с современной наукой и социально-политическими реалиями стало более отчетливым. Однако со стороны Римско-католической церкви комплекс этих идей и интеллектуальных установок был идентифицирован как преднамеренный заговор разрушения церкви¹².

Религиозный фундаментализм, в отличие от религиозного модернизма, напротив, представляет собой идеологическую приверженность «корням и истокам» религии, в широком смысле выступает как установка на религиозную концепцию, идею, ценность, которая берется под полномасштабную защиту¹³. Несмотря на то что фундаментализм и традиционализм имеют общие основы, эти направления не являются обычной реставрацией религиозности, а представляют собой реакцию на процессы модернизации и глобализации, которые получили распространение во всем мире. Разумеется, процессы обновления присутствовали в религиозных системах всегда, но в XX в. фактор глобализации и модернизации по западному образцу явился причиной религиозной модернизации и роста фундаментализма в различных регионах и религиозных течениях. Однако, разумеется, определяющую роль сыграла не позиция Церк-

ви, а глобализационные и модернизационные процессы, которые способствовали развитию научного знания, промышленности, урбанизации, секуляризации, что оказало влияние на изменение этики, морали, системы ценностей. Данные обстоятельства не могли не отразиться на религиозном сознании, что стало причиной кризиса христианства, которое не могло так же стремительно изменяться и соответствовать духу времени. Таким образом, концепция научного модернизма, благодаря которой могла бы быть достигнута цель максимального сближения религии и современного мира, приобретает все большую актуальность и становится попыткой уравнивать традиционные религиозные представления и практики с требованиями современной социокультурной динамики.

Так, согласно словарю И. Н. Яблокова, религиозный модернизм является одной из форм адаптации религии и теологии к новым историческим условиям и изменившемуся сознанию современного верующего. Он заключается в обновлении различных сторон религиозного комплекса, введении новых понятий, устранении наиболее архаичных установок и представлений, частичном изменении форм обоснования вероучения и внедрении новых элементов в культовую и внекультовую практику¹⁴.

Отличительной чертой религиозного модернизма является стремление преодолеть отчужденность церкви от общества, однако его целью является абсолютизация собственных взглядов, поскольку всякий религиозный модернизм исходит из духовного опыта. «Модернизм указывает на истинный опыт, превосходящий всякий опыт разума», – отмечал еще в начале XX в. русский православный богослов-канонист и церковный историк профессор С. В. Троицкий¹⁵. В этом смысле выявляется схожесть и неделимость религиозного модернизма и фундаментализма.

Одной из основных особенностей религиозного фундаментализма является его политическое измерение, которое проявляется в политизации религии. Данная черта может долгое время не проявлять себя, однако при определенных социально-политических и экономических обстоятельствах она приобретает актуальность.

Таким образом, можно выделить следующие отличительные черты религиозного фундаментализма, как комплексного феномена, который является частью процесса политизации религии:

– религиозный фундаментализм имеет ярко выраженную религиозную основу, однако реализуется посредством социально-политической сущности. Социальные действия, институциональная организация под влиянием религиозной ортодоксии как источника «чистой веры» является вполне уместным для последователей рели-

гиозного движения. Такое социальное действие может принимать различные формы – от информационных усилий до участия в политической жизни, активного или пассивного социального сопротивления и насильственной борьбы¹⁶;

– термин «фундаментализм» имеет широкое распространение и используется в гуманитарной науке для характеристики различных религиозных групп, которые принимают участие в политических процессах: шиитский фундаментализм в Иране и другие исламистские движения, фундаментализм сикхов, буддисты Тибета и др.¹⁷. Одной из причин оптимизации политических религиозных движений во второй половине XX в. является Иранская исламская революция 1978–1979 гг., которая стала примером разделения самого явления фундаментализма на богословский и идеологический. В первом случае он рассматривается как возвращение к истокам веры, исходным священным текстам, идеологизированный контекст фундаментализма предполагает возвращение религиозно-цивилизационного единства через выведение ценностных, духовных основ, религиозно-политических принципов из священных текстов. Это, в свою очередь, включает в себя отторжение разделения светского и религиозного, а также институциональное закрепление преодоления этой «бифуркации» для возвращения религиозным организациям возможности влиять на политический процесс и принимать политические решения¹⁸.

Анализируя различные религиозные течения, можно сделать вывод, что сам феномен религиозного обновления несет в себе черты как религиозного модернизма, так и фундаментализма, подразумевая как движение назад, к истокам религии, так и вперед через эти истоки¹⁹. Однако необходимо учитывать, что феномен религиозного модернизма способен и направлен на то, чтобы способствовать модернизации и является значимым фактором для выполнения важных задач на значимых этапах модернизационных преобразований, в том числе осуществлять идеологическую или иную функцию, способствовать формированию новых институтов, популяризации системы традиционных ценностей в национальной модели модернизации. Важная особенность, которая объединяет религиозный модернизм и фундаментализм, – стремление распространить свой приоритет над любым другим опытом. Анализируя опыт XX столетия, можно сделать вывод, что религиозный модернизм и фундаментализм – сложные, многоуровневые явления, которые выступают следствием модернизации государства и общества и глобализационных процессов.

В теориях модернизации за основу принято считать способность политической системы к

адаптации к новым политическим целям, формирование новых институтов и обеспечение контроля над их ресурсами²⁰. В религиозной сфере процесс модернизации прочно связывался с постепенным вытеснением Церкви из жизни государства и общества, угасанием религиозных норм и ценностей. Однако, анализируя практики модернизации в различных регионах в течение XX в., политологи приходят к выводу, что в странах различной религиозной традиции (исламской, конфуцианской, индуистской) реализация модернизационных процессов происходит с опорой на систему традиционных ценностей, что можно связать со степенью интенсивности политизации религии в той или иной стране, а также со степенью способности религиозных институтов соответствовать новым историческим условиям и изменившемуся сознанию современного верующего. Особенностью политической модернизации становится формирование новых институтов на базе уже сложившихся западных, которые по тем или иным причинам не смогли утвердиться в центрах, где исторически доминировали традиционные ценности.

Процесс религиозного обновления и политизации религии можно подразделить на этапы, которые обусловлены характером и динамикой взаимовлияния религиозных и государственных компонентов. Можно выделить архаическую, интеграционную стадии и стадию институционализации²¹. Для архаической характерны взаимоотношения, при которых представители власти используют систему религиозных отношений для укрепления своей легитимности (например, страны Персидского залива). Архаизация общества является основной особенностью процесса модернизации, которая осуществляется в русле социально-религиозной этики. Интеграционная стадия подразумевает участие религиозных институтов в политическом процессе и характеризуется участием в политической борьбе религиозных партий, деятельности религиозных общин в решении политических задач, участие представителей духовенства в выборах. Широкое распространение приобрела после распада СССР, когда многие религиозные деятели были вовлечены в политический процесс.

Стадия институционализации характеризуется созданием сети общественных организаций, институтов, партий, которые созданы в процессе диалога государства, Церкви (религиозных институтов) и общества. Наиболее распространенная в настоящее время стадия политизации, которая сопровождается деятельностью большого числа религиозных партий во всем мире, комитетов религиозных партий, общественных организаций, насчитывающих огромное число последователей, учреждений

системы образования, здравоохранения, благотворительных учреждений и т.д. Разнообразие моделей национальной модернизации связано с различными факторами, среди которых экономический, социально-политический и др. Одной из особенностей национальной модели модернизации является религиозное обновление, которое может выражаться в религиозной модернизации либо становлении фундаментализма. Это зависит от стадии политизации религии, а следовательно, от степени адаптации религиозных институтов к историческим процессам, что связано с возможностями государства и общества формировать собственную систему институтов и модели национальной модернизации на основе национальных ценностей.

Одним из отличий политической и религиозной модернизации выступает разная динамичность преобразований в процессе модернизации политических и религиозных институтов. Церковь как социальный институт также подвержена прогрессивным нововведениям, однако данные изменения имеют более долгосрочный характер в силу специфики духовного и культурного потенциала. Однако создавая новые организации под своим патронатом либо расширяя сферу деятельности, создавая партии или неформальные или иные политические организации под эгидой религиозной идеологии, религиозные институты могут оказывать влияние на внутренние и международные политические процессы, что позволяет их считать акторами политического процесса. Обладая статусом посредника общества и государства, Церковь располагает к взаимовыгодному сотрудничеству в рамках достижения общих целей, однако в ряде стран партии на религиозной основе находятся под запретом (в частности, в России). Религиозный фактор обладает мощным интеграционным потенциалом, в частности в процессе модернизации, когда и религиозные, и политические институты ставят общие цели развития государства и общества, однако на определенных этапах эта объединяющая сила может привести к межконфессиональным конфликтам или иметь другие негативные последствия.

Таким образом, и религиозный модернизм, и религиозный фундаментализм оказывают непосредственное влияние на формирование национальной модели модернизации. Если для модернизма свойственны эволюционные способы влияния с привлечением общественных организаций с различной специализацией, религиозная открытость с погружением и разъяснением истоков веры, формированием формальных и неформальных институтов, то для фундаментализма характерны прямые, возможно, революционные действия, зачастую радикального характера, где проявляется идеологическая и

ценностно-религиозная составляющая. В обоих случаях происходит процесс политизации религии при формировании национальной модели модернизации, где она выступает посредником между обществом и государством (в зависимости от стадии политизации), где религиозные институты имеют влияние на политический процесс вне зависимости от того, представлены ли они в политической системе с точки зрения законодательства.

Примечания

- ¹ См.: Матвеев Ю. И. Модернизация : теория и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1–1. С. 153–164.
- ² См.: Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М. : Аспект пресс, 1999. С. 470–479.
- ³ См.: Данилов М. В. Явление «политизации» в современном обществе : постановка исследовательской проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 92–96.
- ⁴ См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.
- ⁵ См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001.
- ⁶ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект пресс, 1998.
- ⁷ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
- ⁸ См.: Douglass C. North Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- ⁹ См.: Яковлев А. И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации // Восточная аналитика. 2015. № 3. С. 7–19.
- ¹⁰ См.: Le Statistiche della Chiesa Cattolica Giornata Missionaria Mondiale 2004–2017 (2017) // Agenzia FIDES. Information Service of the Pontifical Mission Societies Available. VATICAN – Catholic Church Statistics 2015. VATICAN – Catholic Church Statistics 2019. URL: <http://www.fides.org> (дата обращения: 25.06.2020).
- ¹¹ Модернизм религиозный // Религиоведение : учеб. пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. И. Н. Яблокова. М. : Гардарика, 2002. С. 414.
- ¹² См.: Долгов В. Б. Католический модернизм : часть западного Модерна или особая реакция на него? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26) : в 3 ч. Ч. 1. С. 91–98.
- ¹³ См.: Левин З. И. Предисловие // Фундаментализм / отв. ред. З. И. Левин. М. : Крафт+ ; Ин-т востоковедения РАН, 2003. С. 3–12.
- ¹⁴ Модернизм религиозный. С. 414–415.

- ¹⁵ См.: Троицкий С. В. Что такое модернизм : энциклика Пия X «Pascendi Dominici gregis» и ее значение. СПб. : Тип. Монтвида, 1908.
- ¹⁶ См.: Beeman W. O. Fighting the Good Fight : Fundamentalism and Religious Revival // Exotic No More : Anthropology on the Front Lines / ed. by J. MacClancy. Chicago : University of Chicago Press, 2002. P. 129.
- ¹⁷ См.: Obeyesekere G. Buddhism, Nationhood, and Cultural Identity : A Question of Fundamentals // Fundamentalisms Comprehended / ed. by M. E. Marty, R. S. Appleby. Chicago : University of Chicago Press, 1995. P. 231–255.
- ¹⁸ См.: Челищев В. И. Фундаментализм и фундаменталисты. М. : Изд-во Рос. гос. социального ун-та, 2010.
- ¹⁹ См.: Головушкин Д. А. Феномен религиозного обновления : теоретико-методологические аспекты исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 108–111.
- ²⁰ См.: Абрамов А. В. Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2012. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/212> (дата обращения: 02.07.2020).
- ²¹ Дринова Е. М. Модернизация и три стадии политизации религии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 1. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/631> (дата обращения: 05.07.2020).

Поступила в редакцию 07.07.2021, после рецензирования 10.07.2021, принята к публикации 10.09.2021

Received 07.07.2021, revised 10.07.2021, accepted 10.09.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 479–483

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 479–483

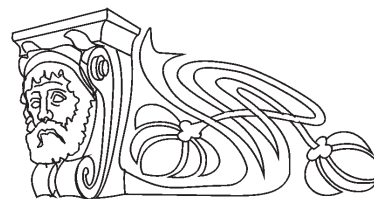
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-479-483>

Научная статья

УДК 32+303

Активизация ресурса исторической памяти в современной политике

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Публикация содержит анализ причин, по которым в современной внешней и внутренней политике многих стран, включая и Россию, начинает активно использоваться ресурс исторической памяти гражданских обществ и властных элит. В публикации дана характеристика позитивных последствий такого построения политических мотиваций, а также рисков, связанных с ослаблением влияния идеологий на политические процессы. С точки зрения автора, интерес субъектов современной политики к использованию ресурса исторической памяти обусловлен недоверием граждан и элит к мотивационному потенциалу идеологий, растущим в современном мире и в России. Он обусловлен также стремлением нарастить «человеческий капитал» демократической политики и зарезервировать за национальным государством преимущества в контроле над политикой реализации национальных интересов. Вместе с тем, утверждает автор, активная мотивация политики, равно внутренней и внешней, доводами исторической памяти способна породить сегодня не меньшие риски для ее прогресса, чем те, которые были порождены господством в ней «классических» идеологий.

Ключевые слова: историческая память, кризис современных идеологий, политические риски

Для цитирования: Шестов Н. И. Активизация ресурса исторической памяти в современной политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 479–483. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-479-483>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Activation of the historical memory resource in modern politics

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Niikolayl. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. The article contains analysis of the reasons why the resource of the historical memory of civil societies and power elites is beginning to be actively used in the modern foreign and domestic policy of many countries, including Russia. The article describes the positive consequences of such a construction of political motivations, as well as the risks associated with the weakening of the influence of ideologies on political processes. From the author's point of view, the interest of the subjects of modern politics in using the resource of historical memory is due to the distrust of citizens and elites to the motivational potential of ideologies growing in the modern world and in Russia. It is also caused by the desire to increase the "human capital" of democratic politics and reserve advantages for the national state in controlling the policy of implementing national interests. At the same time, the author argues, the active motivation of politics, both internal and external, by the arguments of historical memory can generate no less risks for its progress today than those that were generated by the dominance of "classical" ideologies in it.

Keywords: historical memory, crisis of modern ideologies, political risks

For citation: Shestov N. I. Activation of the historical memory resource in modern politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 479–483 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-479-483>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В политике историческая память всегда была и остается важным фактором, определяющим характер политических интересов и решений. С началом нового тысячелетия в мире политики обнаружилась тенденция к росту значимости этого фактора. Во внутренней и внешней поли-

тике многих современных государств отсылки к исторической памяти, публичные апелляции государственных и общественных деятелей к прежним несогласиям с соседями и обидам на них, к воспоминаниям о былых достижениях и просчетах предков стали значить порой больше,

чем соображения практической целесообразности и выгоды. Один из последних примеров этой тенденции – конфликт между Литвой и Белоруссией, обострившийся после ареста белорусскими силовиками одного из лидеров белорусской оппозиции, Романа Протасевича, в момент его перелета в Литву через территорию Белоруссии. На официальные дипломатические демарши литовской стороны в связи с этой акцией белорусские власти ответили так, чтобы, как, вероятно, они это себе представляли, раз и на всегда закрыть эту тему. Они обратились в международный Гаагский трибунал с требованием судебного разбирательства на предмет признания германских оккупантов и их пособников из числа украинских, литовских и прочих европейских националистов виновниками массовых убийств жителей Белоруссии в период Великой Отечественной войны. А сами убийства признать не просто военными преступлениями, а спланированным геноцидом белорусского народа¹. На эту юридическую инициативу литовские власти отреагировали тоже очень по-современному: глава внешнеполитического ведомства Габриэлюс Ландсбергис публично обвинил белорусскую сторону в злонамеренном «политизировании болезненных вопросов истории»². Он деликатно умолчал при этом, что все последние годы именно на «политизировании болезненных вопросов истории» (советской истории, в первую очередь) строится вся стратегия коммуникации Литвы и других восточноевропейских государств с Россией.

В русле полемики по разным сюжетам средневековой, новой и новейшей истории весь постсоветский период развиваются российско-польские отношения. Недавно в очередной раз прозвучало заявление, его озвучил лидер правящей в Польше партии «Право и справедливость» Ярослав Качиньский, что «Гитлер и Сталин с помощью своего пакта поделили Польшу и напали на нее». На это российская сторона ответила публикацией в СМИ целой серии документально подкрепленных исторических экскурсов в прошлое отношений двух государств. Документы демонстрировали, как в период между двумя мировыми войнами участие военных и политических элит Польши в антисоветских интригах и антироссийских пропагандистских войнах, которые инициировали «западные» доброжелатели, довели поляков до утраты суверенной государственности³.

Ту же картину можно наблюдать сегодня в российско-британских отношениях. Британские политики и общественные деятели часто высказывают в последние несколько лет претензии в адрес российского руководства, что оно следует худшим традициям репрессивного управления своей страной, а в отношениях с другими государствами и их гражданами использует «антигуманные» и «неприемлемые» средства, вплоть до

физического насилия. Ответом на эти высказывания стало придание огласке посредством российских СМИ обстоятельства преднамеренного потопления британской авиацией 3 мая 1945 г. в Любекской бухте двух германских транспортов. На них эсесовцы пытались вывезти на еще подконтрольную им территорию Рейха тысячи военнопленных-рабочих из концентрационных лагерей. Притом что большинство заключенных, убитых британскими летчиками, были гражданами стран-союзниц Британии по антигитлеровской коалиции и никакой угрозы для британцев не представляли⁴. Были также опубликованы документы, подтверждающие факты жестокого обращения британских оккупационных властей с советскими гражданами, оказавшимися на подконтрольной британцам территории Германии⁵.

Третья мировая (информационная) война, считают специалисты по информационным и политическим коммуникациям, уже идет полным ходом⁶. «Войны памяти» представляют собой одно из наиболее важных и заметных проявлений этой войны. Можно сказать, что они являются тем оружием массового поражения, при помощи которого противоборствующие стороны стремятся нанести друг другу максимальный, а в некоторых случаях и невосполнимый урон. На воспоминания о прошлом, как аргумент для текущих политических решений, ориентируются националисты, религиозные фундаменталисты, борцы за незыблемость устоев либеральной демократии и их критики из числа социалистов и консерваторов, политики и общественные деятели в странах, конкурирующих между собой за контроль над потоками природных ресурсов, капиталов и над умами нынешних поколений своих граждан и людей в других частях мира. В США, например, исторические воспоминания о рабстве и сегрегации далеких и не очень предков нынешних афроамериканцев стали в последний год очень популярным мотивом и мобилизационным ресурсом для многих гражданских конфликтов, активизировавшихся в американском гражданском обществе. Они перекинулись и на Европейский континент, на внутреннюю политику стран Евросоюза, властные и культурные элиты которых тоже стали припоминать участие своих предшественников в колониальных захватах и работорговле.

В чем причина такого необычайного увлечения властных элит и гражданских обществ манипуляциями с ресурсом своей и чужой исторической памяти при решении больших и малых политических проблем, распространившегося сегодня по всему цивилизованному миру? На чем основана уверенность большого числа участников политики на разных континентах и в разных странах, включая Россию, что успех демократической политики сегодня определяет мера ее превращения в «политику памяти»?

Причина в распространении в обществах и властных элитах по всему цивилизованному миру разочарования в руководящих и направляющих возможностях политических идеологий, особенно так называемых классических. В нашей стране за минувшие постсоветские десятилетия, как отмечают исследователи, сильно пошатнулась уверенность граждан в том, что идеологии могут быть для них надежным ориентиром в политическом выборе⁷. В ответ на это у абсолютного большинства постсоветских российских политических партий пропал интерес к идеологическому творчеству и активной агитационно-пропагандистской работе с гражданами даже в период электоральных кампаний. Сегодня в России политические партии – это в массе своей идеологически плохо опознаваемые субъекты политики. Исследователи отмечают устойчивый прирост в нашей стране числа граждан, отношение которых к идеологиям можно обозначить понятиями «эклектичность» и «неопределенность»⁸. В остальном мире тоже сегодня не видно роста популярности политических идеологий⁹. Скорее, наоборот, наблюдается падение их популярности.

Интересом обществ и властных элит к идеологиям, гражданским и межгосударственным конфликтам на их почве в минувшие два столетия руководила надежда, что победа «правильного проекта» гарантированно обеспечит его сторонникам и последователям достойное и комфортное настоящее, а также будущее, превосходящее самые смелые ожидания, что тем самым победители в войне идеологий облагодетельствуют и остальное человечество, покажут ему верную дорогу к счастью. Промежуточные результаты (успехи отдельных стран в создании либеральной демократии, правового государства и цивилизованного рынка, а также в создании советской демократии, «государства трудящихся» и плановой экономики) некоторое время выглядели обнадеживающе.

Итоговый же результат не оправдал ожиданий. И дело не только в том, что разошлись пути теории и практики коммунистического и социалистического строительства в большинстве стран, пытавшихся в разные годы XX столетия такое строительство осуществить. Эйфория от глобального торжества ценностей либеральной демократии (вплоть до провозглашения «конца истории»), возникшая было у интеллектуальных и политических элит Запада на фоне кризиса популярности коммунистических ценностей, тоже прошла довольно быстро. Этому в последние годы особенно поспособствовал миграционный кризис в Европе и США. Сегодня дополнительным источником сомнений в обоснованности претензий либерально-демократического проекта на мировое доминирование являются рискованные попытки силового осуществления

одними странами, богатыми и политически развитыми, демократического транзита других стран, часто бедных и погрязших, подобно Афганистану, Ираку и Украине, в гражданских конфликтах. Тем более что главные зачинщики подобных политических транзитов – либеральные и консервативные элиты богатых «западных» стран – никак не решат между собой, кого из них считать настоящим приверженцем «общечеловеческих ценностей», а кого лишь политическим симулянт¹⁰.

Главная неприятность видится в том, что двухвековая конкуренция в Старом и Новом свете разных идеологических проектов закончилась торжеством идеологической эклектики и потерей четкости понимания обществами и элитами демократической перспективы своего существования. Ценности, ранее бывшие непременным атрибутом левых (справедливость, равенство, социальная солидарность и т.д.) либеральных (права и свободы личности, гражданские достоинство и толерантность, ответственность власти перед обществом, правовое государство и т.д.), либо консервативных (традиция, порядок, иерархичность отношений и т.д.) политических доктрин, сегодня лишились своей конкретной идеологической «прописки». Они превратились в ценности «общечеловеческие», а потому, по определению, близкие и понятные любому «нормальному» человеку без дополнительного разъяснения со стороны политиков и ученых. Главным гражданским навыком сегодня является готовность гражданина интуитивно опознавать присутствие либо отсутствие этих ценностей в политике, а не способность их интерпретировать в соответствии с собственным представлением о будущем «своих» государства и общества. Долгая конкуренция идеологических проектов закончилась тем, что утрачен был смысл самой этой конкуренции. Утраченным оказалось понимание того, что идеологическая конкуренция предназначена для определения и уточнения целей развития социально-политических систем.

Вместе с тем политика, особенно демократическая, невозможна без понятных большинству ее участников цели и смысла. Она невозможна без распространения в обществе и элитах завышенных ожиданий того, что есть простые и эффективные пути, ведущие к этой цели, что движением по этим путям можно и нужно управлять. Она невозможна без мобилизующего воздействия, которое такие ожидания оказывают на сознание всех участников политического процесса. Завышенные ожидания, которые не оправдали политические идеологии, сознание участников политики сегодня все чаще переадресовывает исторической памяти обществ и элит.

Для современных элит и гражданских обществ их историческая память – это тоже своего

рода политический проект. Они также тестируют его на конкурентоспособность и на способность придать либерально-демократической политике какую-то внутреннюю и внешнюю конфликтность и динамичность. Особенно актуален этот проект там, где конкурируют две стратегии борьбы государств и обществ за доминирование в будущем мире – национально-государственная и транснациональная. И первые результаты такого тестирования вроде бы обнадеживают. Там, как на большей части постсоветского пространства, где либерально-демократическая политика осуществляется сегодня в формате «политики памяти», внутренних гражданских конфликтов и конфликтов с соседними государствами хоть отбавляй. Политический процесс в соседних с Россией постсоветских государствах протекает более-менее бурно. По крайней мере, видно, что в нем есть какой-то смысл и движение к каким-то целям, пусть и не всегда достаточно ясным для властных элит этих государств. Ясно одно, и это делает «политику памяти» востребованным инструментом имитации прогресса демократических ценностей, практик и институтов, что участники такой политики имеют практически неограниченный резерв информации о прошлом (могут его еще и усиленно пополнять собственными «историческими открытиями») и не ограниченную ничем, кроме собственных политических интересов, возможность манипулировать этой информацией во внутренней и внешней политике. «Политика памяти» в этом смысле выглядит удачно найденным выходом из кризиса идеологической идентичности современных гражданских обществ и их властных элит.

Такая, как сегодня, активная эксплуатация ресурса исторической памяти при всех ее плюсах чревата большими рисками для демократической политики. У многих государств и обществ на постсоветском пространстве, включая и Россию, пытающихся сегодня обеспечить прогресс своих политических институтов и практик посредством активизации «политики памяти», опыт демократического развития в целом невелик (не более века, а то и менее) и противоречив. Тем более невелик опыт постсоветского, либерально-демократического развития. Ресурс этого опыта совершенно недостаточен для того, чтобы придать исторической памяти той или иной постсоветской нации смысл главного атрибута «национального суверенитета» и «национальной гордости», превратить ее в фактор прогресса демократической политики. Его приходится восполнять (и во всех постсоветских государствах этот процесс идет очень активно) воспоминаниями о додемократическом, традиционном и чаще всего авторитарном опыте политического существования.

В России и других постсоветских государствах, например, сегодня в структуры истори-

ческой памяти социумов усилиями науки и политиков настойчиво интегрируются значимые эпизоды и знаковые фигуры политических лидеров из средневекового прошлого этих стран и их соседей. При сохранении такой тенденции в скором времени можно ожидать политическую актуализацию знаний о еще более древних временах. Вместе с воспоминаниями об этом далеком прошлом массовое сознание современных гражданских обществ осваивает недемократические ценности и атрибутирует их как самые что ни на есть «подлинные» ценности современной политики. Существует, таким образом, риск малозаметного для участников нынешней демократической политики отождествления неотожествимых ценностей: либеральных с консервативными, в первую очередь; и более того, риск, что эта ценностная эклектика будет расцеплена участниками политики как свидетельство ее прогресса и выхода на какой-то новый «общенациональный» и даже «общечеловеческий» уровень.

То есть итогом затраты гражданскими обществами и элитами в нашей стране и других странах большого количества сил, времени и прочих ресурсов на активизацию «политики памяти» будет все тот же кризис смысла и целей их дальнейшего развития. Сегодня этот кризис породила эклектика ценностей, укорененных в идеологиях, завтра его источником может стать такая же эклектика ценностей, укорененных в исторической памяти.

Энтузиазм активистов «политики памяти» в разных постсоветских государствах стимулирует вера, что совместное воспоминание прошлого и переживание по поводу покушений извне на правду истории, особенно если они находят опору в национально-государственном законодательстве, будут содействовать сплочению нации значительно больше, чем этому прежде могли поспособствовать политические идеологии; что таким образом гражданские и элитарные конфликты в большинстве своем из внутреннего пространства национально-государственной политики переключаются преимущественно в пространство внешнее.

В этих расчетах не учтен еще один риск – риск того, что атрибуция сознанием гражданских обществ исторической памяти как ресурса и инструмента решения преимущественно внешнеполитических задач закономерно создаст новую проблему. Может случиться так (и первые симптомы этой тенденции уже можно наблюдать в Европе и США, а также в Исламском мире), что мотивации для нужд внутренней политики сознание граждан начнет искать не только за пределами политических идеологий, но и за пределами собственной исторической памяти. Той, которая посредством отсылок к многовековому опыту многочисленных религиозных реформаций и

войн, социальных революций и колониальных экспансий постоянно напоминает гражданам и элитам в современных государствах Запада и Востока: главное, что сплачивает нацию, — это общность политических целей людей, ее составляющих, а главное, что ее разрушает, — это расовые, религиозные и экономические претензии людей друг к другу. Мир демократической политики может столкнуться с еще более масштабным, чем сегодня, кризисом представлений о своем будущем, если в наиболее богатых и политически развитых странах граждане и элиты, разочарованные в идеологиях и к тому же переключившие свою историческую память на решение задач внешней политики, во внутренних делах государства и общества, в мотивациях своего внутриполитического участия начнут придавать определяющее значение расовым, этническим, языковым, религиозным, региональным, корпоративным и прочим подобным же этнографическим и антропологическим различиям в интересах и стиле жизни людей. Для современной либерально-демократической политики во многих странах, а, возможно, и во всем мире, это вероятность наступления самых что ни на есть «темных веков»; риск возникновения ситуации, когда политическая субъектность индивидов и групп определяется их принадлежностью к «цивилизованным людям» и «варварам», «истинно верующим» и «еретикам», «шляхте» и «быдлу». Однозначно, это уже не будет либерально-демократическая и даже просто демократическая политика. Вопрос в том, останется ли в этом взаимодействии между людьми что-то от политики вообще?

Примечания

¹ См.: Рейнгольдене Р. Минск стимулирует выработку адреналина у высших чиновников Литвы. 24 мая 2021. URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/05/24/minsk-stimuliruet-vyrobotku-adrenalina-u-vyshshih-chinovnikov-litvy?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 27.05.2021).

² Там же.

³ См.: Россия рассекретит документы о роли Польши в ВОВ. URL: https://iz.ru/1149918/2021-04-12/rossiya-rassekretit-dokumenty-o-rol-i-polshi-v-vov?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 01.06.2021).

⁴ См.: Англичане в 1945 году убили тысячи советских пленных, рассказал историк. URL: https://ria.ru/20210503/anglichane-1730957339.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 31.05.2021).

⁵ Там же.

⁶ См.: Бордюгов Г. А. 2020 : война продолжается, Третья мировая, мемориальная // Историческая экспертиза. 2020. № 4 (25). С. 237–253. URL: https://istorex.ru/New_page_80 (дата обращения: 12.06.2021) ; Вилков А. А. Информационные сражения на полях исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 2. С. 19–26. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-2-19-26>

⁷ См.: Гилев Я. Ю. Характер идеологии в эпоху цивилизационного кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 9 (419). С. 24–27. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10904> ; Каменская Г. В., Соловьев Э. Г., Смирнов А. Н. Политические идеологии в современном мире : кризис или очередной этап эволюции? // Власть. 2015. № 12. С. 101–108.

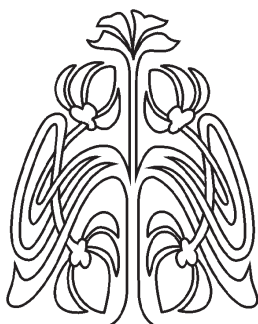
⁸ См.: Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бабакаев С. В. Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 582–594. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-582-594> ; Селезнева А. В. Ценностные основания политических идеологий : политико-психологический анализ // Политическая наука. 2017. Спецвып. С. 365–384.

⁹ См.: Действительно ли современное общество испытывает кризис концепции будущего? URL: <https://zen.yandex.ru/media/lidprevuz/deistvitelno-li-sovremennoe-obshchestvo-ispytyvaet-krizis-koncepcii-buduscego-5e497724c0bcaa46a9e6e1c> (дата обращения: 27.02.2021).

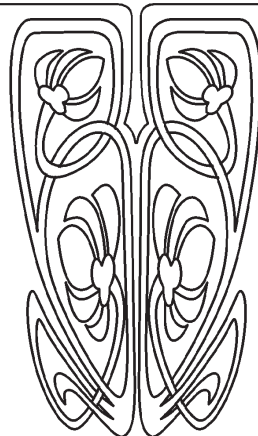
¹⁰ См.: До основания: как в Европе и США разрушают историю. URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3273401&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 14.06.2020).

Поступила в редакцию 20.08.2021, после рецензирования 05.09.2021, принята к публикации 10.09.2021

Received 20.08.2021, revised 05.09.2021, accepted 10.09.2021

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36016
Оформить подписку на печатную версию можно
в Интернет-каталогах
«Пресса России» (www.pressa-rf.ru)
«Пресса по подписке» (www.akc.ru)
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)
Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7(845-2) 27-85-29
E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
социологический факультет
Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, vil57@yandex.ru
Website: <http://soziopolit.sgu.ru>